

ISSN 2618-9453

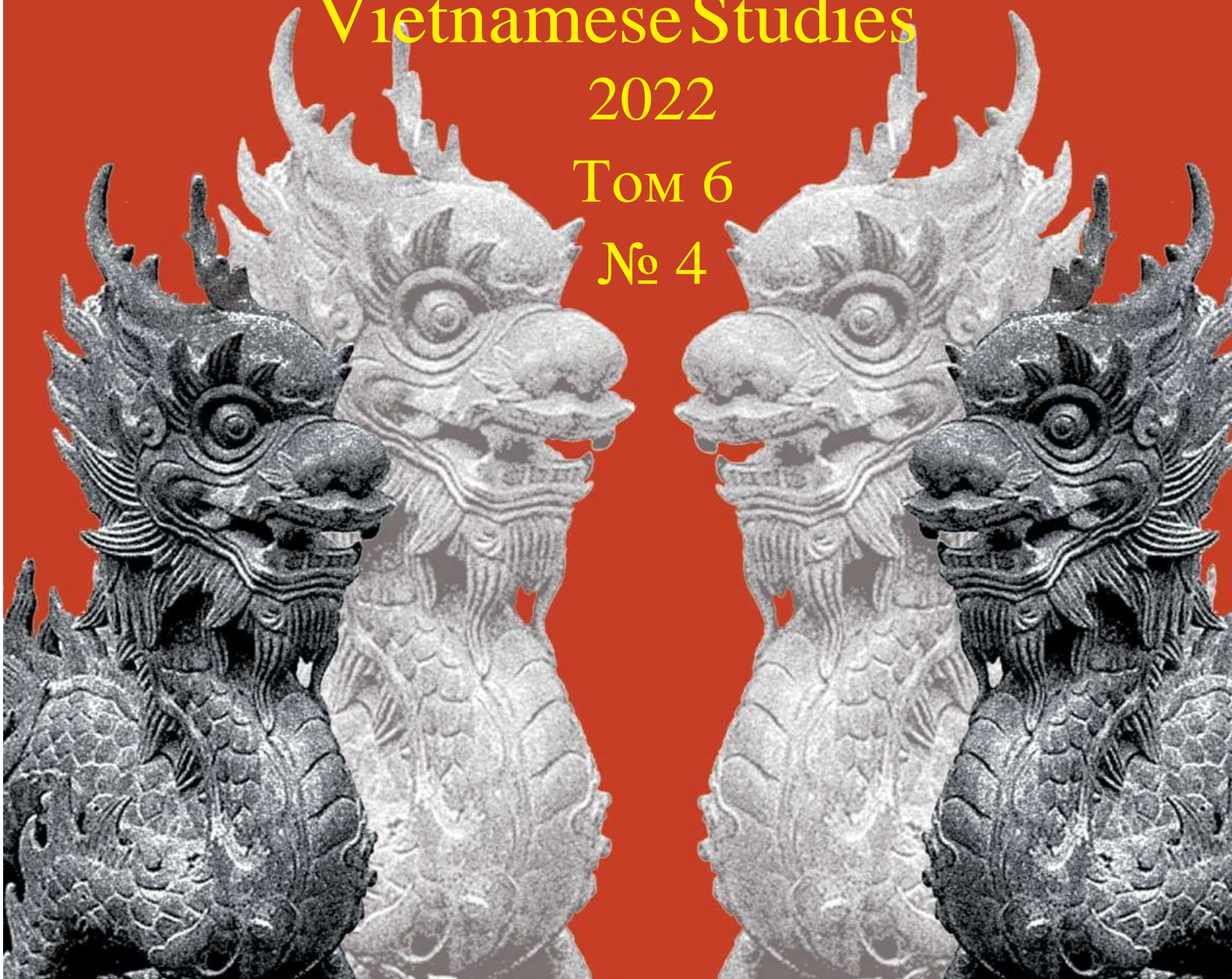
ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of
Vietnamese Studies

2022

Том 6

№ 4

Федеральное государственное автономное
учреждение науки

Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

www.icca-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г., в двух полных версиях на русском и английском языках — с 2021 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИКСА РАН. URL: <https://www.ifes-ras.ru/ru-RU>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасьяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Мальцева О.И., Ларин В.П., Бурова Е.С., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Информация для авторов:

<https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453

Отрасли науки:

• 07.00.00

Исторические
науки и археология

• 08.00.00

Экономические
науки

• 10.00.00

Филологические
науки (группы
специальностей:

10.01.00

Литературоведение;

10.02.00

Языкознание)

• 22.00.00

Социологические
науки

• 23.00.00

Политология

• 24.00.00

Культурология

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешняя политика

Лузянин С. Г. Треугольник «Россия—Вьетнам—Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии..... 4

Уянаев С. В. Индия—Вьетнам: 50 лет по пути взаимодействия..... 13

Социально-экономическое развитие

Данг Хоанг Линь, Нгуен Тхи Тхань Лам. Геоэкономическое положение Вьетнама: преимущества и проблемы.....23

Письменная Е. Е., Ниорадзе Г. В. Эмиграция российских пенсионеров во Вьетнам и другие страны Юго-Восточной Азии.....33

История, религия, культура

Федорин А. Л. Новый взгляд на государственный переворот 1370 г.....42

Ву Хонг Ван. Влияние даосизма на вьетнамские народные верования.....51

Филология

Никулина Е. В. О проблемах написания вьетнамских топонимов и антропонимов в русском языке.....61

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мазырин В. М., Бурова Е. С. Научная дискуссия о состоянии отношений России и Вьетнама: неоднозначные оценки двух сторон.....70

Федорин А. Л. Конференция «Традиционный Вьетнам» в ИКСа РАН.....77

О защите диссертации.....81

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рогожин А. А. Уникальный справочник по Вьетнаму.....83

Нгуен Мань Зунг. Комплексное исследование отношений Китая с соседними странами.....86

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

Патриарх отечественного востоковедения. К 90-летию Д. В. Деопика.....90

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117510

ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ—ВЬЕТНАМ—КИТАЙ»: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И АСИММЕТРИИ

С. Г. Лузянин¹

Аннотация: В статье освещаются российско-вьетнамские и китайско-вьетнамские отношения в условиях меняющейся геополитической ситуации в мире, обострения отношений России с США/Западом и возвышения Китая. Предпринята попытка проследить динамику и особенности развития двух двусторонних моделей, их место и роль в регионе Юго-Восточной Азии, влияние внешних факторов на экономические и военно-политические процессы, осветить реакцию ведущих российских и китайских экспертов на взаимоотношения в системе «Россия—Вьетнам—Китай», специфику реализации Китаем инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» во Вьетнаме.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, Китай, сотрудничество, вызовы и угрозы, спорные острова, «Один пояс, один путь».

Для цитирования: Лузянин С. Г. Треугольник «Россия—Вьетнам—Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12.

Дата поступления статьи: 09.09.2022

Дата поступления в переработанном виде: 11.10.2022

Принята к печати: 23.11.2022

Введение

Условная трёхсторонняя структура «Россия—Вьетнам—Китай» существует виртуально как некая региональная комбинация двусторонних форматов — российско-вьетнамского, китайско-вьетнамского и российско-китайского, связанного с Вьетнамом (последний не рассматривается). При этом фрагментарно она развивается в различных региональных и субрегиональных проектах и инициативах: АТЭС, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Один пояс, один путь» (ОПОП) и других. Между российско-вьетнамскими и китайско-вьетнамскими отношениями сложилась значительная торго-

¹ Лузянин Сергей Геннадьевич, д. и. н., профессор, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики»; профессор, факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД РФ. ORCID: 0000-0001-9578-6023. E-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru

экономическая и инвестиционная асимметрия в пользу Китая, который ежегодно наращивает свое присутствие во Вьетнаме.

Академический дискурс в России по проблематике российско-вьетнамских и китайско-вьетнамских отношений, а также стыковым вопросам безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии, включая «островные споры» в Южно-Китайском море (ЮКМ), развивается достаточно активно. Исследуется специфика двусторонней российско-вьетнамской модели, эволюция ее политической формы и торгово-экономического содержания, включая военно-техническое сотрудничество [Мазырин 2019–2021; Кобелев 2020; Колотов 2019; Канаев 2021; Кашин 2020; Бритов 2022; Локшин 2017]. Ключевой идеей на данном направлении является анализ новых экономических реалий, а также существующих «сдержек» в структуре российско-вьетнамских отношений и рекомендации для адаптации партнерства к текущим вызовам и преодоления существующих барьеров [Мазырин 2020: 114–132].

Важная часть российского дискурса — изучение внешней политики Вьетнама в различных региональных измерениях, сочетания Ханоем тактики балансирования и использования различных внешних опор и приоритетов [Колдунова 2021], а также общие работы по асеановской проблематике в контексте растущего давления Китая на страны АСЕАН и обострения китайско-американских отношений в регионе [Сумский 2021; Мосяков 2021].

Относительно самостоятельным треком выглядит изучение торгово-экономических преференциальных форматов «ЕАЭС—Вьетнам». Ряд российских экономистов представили макроэкономическую картину и динамику «двусторонних дорожек» стран ЕАЭС с СРВ, осветив специфику влияния введенных в 2015 г. либеральных механизмов на рост товарообмена в отдельных опциях [Глинкина, Миграян, Пылин 2018].

Среди иностранных ученых важное место занимают исследователи КНР, изучающие китайско-вьетнамские отношения, которых условно можно разделить на несколько групп. Они представлены экспертами Института Юго-Восточной Азии Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), Китайского института международных исследований МИД КНР, ряда других центров. Одни из них делают акцент на «стратегических озабоченностях» Китая от сотрудничества с Вьетнамом, обосновывают китайскую версию (так называемую 9-пунктирную линию) исторической принадлежности Китаю спорных островов [Lijian Gang 2020; Gu Huoping 2022]. Другие, наоборот, подчеркивают необходимость усиления торгово-экономической кооперации двух стран и консервации «нерешенных вопросов», сосредоточении основного внимания на вовлечении Вьетнама в проект «Морского шелкового пути» и нейтрализации США в Индокитае [Qu Wenjia 2017; Jiang Yushan 2018].

В данной статье делается попытка сравнить две двусторонние модели отношений: российско-вьетнамскую и китайско-вьетнамскую, определить, насколько исчерпана «историческая память» между Москвой и Ханоем и на каком этапе конвертации в более прагматичные отношения она находится сегодня? Какие ключевые проекты и направления особенно актуальны в нынешних китайско-вьетнамских отношениях, что особенно тревожит и пугает в них Ханой?

Российско-вьетнамский формат

На двусторонних треках России со странами АСЕАН традиционно сильным и приоритетным всегда был российско-вьетнамский, имеющий давнюю дружественную историю, начиная с советского периода, традиции большой экономической, военной и идеологической помощи в 1960–1980-е годы.

В 2001 г. была принята Декларация о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. Сегодняшние отношения двух стран имеют статус всеобъемлющего стратегического партнерства [Совместное заявление 2012]. При этом Вьетнам проводит многовекторную внешнюю политику на

основе «четырёх нет»: нет участию в военных союзах; нет размещению на своей территории военных баз третьих стран; нет вступлению в альянсы, направленные против третьих стран; нет применению военной силы или угрозе её применения в международных отношениях.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и общего обострения отношений с США/Западом в российско-вьетнамском формате не произошло системных политических деформаций и «разломов». В конце 2021 г. в ходе визита в РФ президента СРВ по итогам переговоров В.В. Путина и Нгуен Суан Фука было принято Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства [Совместное заявление 2021].

Важным драйвером экономических отношений стало подписание в 2015 г. соглашения о создании Зоны свободной торговли (ЗСТ) между Вьетнамом и ЕАЭС, которое оживило двусторонние российско-вьетнамские экономические отношения. Объём двусторонней торговли в 2018 г. оценивался в 4,1 млрд долл., а в 2021 г. увеличился на 15,7%, достигнув 5,7 млрд долл. Ключевым компонентом была углеводородная кооперация, включая работу совместных предприятий «Вьетсовпетро» по добыче нефти и газа на морском шельфе вьетнамской зоны ЮКМ и «Русвьетпетро» на российской территории. Следует отметить также деятельность вьетнамского концерна TH True Milk в Московской и Калужской областях в сфере сельского хозяйства и запуск совместного индустриального парка DEEP C Russia на севере Вьетнама, сооружение которого планируется завершить к 2023 г. Индустриальный парк был задуман как логистический хаб для морских перевозок и прибрежных промышленных территорий [Азиатский поворот... 2022].

По прогнозам российских экспертов Института экономики РАН, суммарное значение торгового оборота интегрированной группы ЕАЭС в 2016–2017 гг. должно было составлять соответственно 4,3 млрд и 5,9 млрд долл., к 2019 г. рост валовых объемов торговли оценивался в 6,6 млрд, а в 2020 — до 7,041 млрд долл. При этом основной рост наблюдался в парах «Казахстан — Вьетнам» и «Россия — Вьетнам». Реальные объёмы оказались на 17–20 % ниже прогнозируемых. Основной причиной падения эксперты называли то, что к 2020 г. эффект либерализации, снижения торговых барьеров, который обеспечивал определённый рост торговли, «исчерпал себя» [Миграция 2019: 95].

Как отмечают российские учёные, успех евразийско-вьетнамского преференциального проекта был обусловлен тремя причинами: 1) между импортными товарами, производимыми в странах ЕАЭС, и их аналогами во Вьетнаме не было конкуренции; 2) незначительные объёмы торговли не могли негативно влиять на экономики стран-участниц в случае неудачного развития проекта; 3) Россия была заинтересована в скорейшем подписании соглашения о ЗСТ для усиления политического эффекта и перспективности созданного евразийского интеграционного объединения [Колдунова 2021: 31–35].

Продолжало успешно развиваться традиционное военно-техническое сотрудничество (ВТС). Несмотря на отмену Вашингтоном в 2016 г. своего эмбарго на военные поставки в СРВ и демонстративный заход в 2017 г. в порт Дананг американского военного эсминца [Мосяков 2021], Вьетнам сохранял значительную нишу для сотрудничества с Россией в военной сфере. Россия контролировала более 50% вьетнамского парка вооружений из российского ВПК и всех военных поставок, США не удалось монополизировать данный сектор.

Вьетнам закупал российские истребители Су-27/Су УБК и Су-30МК, зенитные ракетные комплексы С-300 ПМУ1. По российским лицензиям в СРВ началось строительство ракетных катеров проекта 1241 с противокорабельными ракетными комплексами «Уран». Были заключены контракты на поставки легких фрегатов типа «Гепард» и дизель-электрических подводных лодок проекта 636.1 и др. [Кашин 2020: 75–77, 80–83]. Несмотря на вывод из Камрани в 2002 г. российской военно-морской базы, для российских ВМС сохранялись на вьетнамском побережье пункты материально-технического обеспечения кораблей.

Новой формой сотрудничества становилось лицензионное производство ряда видов российского вооружения на территории СРВ. Были подписаны контракты на создание центра обслуживания и ремонта вертолетов, поставки российских танков Т-90М «Прорыв» и береговых противокорабельных комплексов «Бал» и «Бастион» и др. [Там же: 77, 80, 82–83].

С другой стороны, в российско-вьетнамском сотрудничестве после 2014 г. появились серьезные трещины и нестыковки.

В феврале 2014 г. Россия выбыла из проекта по строительству завода для министерства обороны СРВ, в результате чего производство российских автоматов Калашникова модернизированных (АКМ) было заменено на производство израильских Galil ACE-31 и ACE-32. В 2016 г. Вьетнам неожиданно для российского руководства заблокировал несколько ключевых проектов в сферах метростроения, космоса, добычи газа, а также модернизации нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» и закупки российских лайнеров «Суперджет-100». Самым серьезным ударом для Москвы стал отказ Ханоя в 2016 г. от строительства атомной электростанции «Ниньтхуан» после 8 лет подготовки Росатомом сооружения АЭС, несмотря на выделенный на эти цели кредит в 10 млрд долл. [Бритов 2022: 5–7, 11–15].

Большинство ведущих российских экспертов не связывает данное решение с официальными объяснениями Ханоя о якобы наличии неких экономических и экологических причин непринятия данных проектов. Основная причина, по их мнению, гораздо глубже — это прямое влияние США, ЕС и Японии, фактически торпедировавших взаимовыгодные контракты Москвы и Ханоя [Мазырин 2020: 115–119, 126–129; Бритов 2022: 5–7, 9, 12–15]. Отдельные эксперты при этом считают, что геополитическая часть не является основным препятствием, что всё дело в усилившихся нестыковках экономических форматов, что попытки России поднять двусторонний экономический уровень исключительно на основе административных ресурсов, увеличив товарооборот с Вьетнамом, встроенным в восточноазиатские цепочки поставок, в процессы создания высокотехнологической продукции, неперспективны и ошибочны, что волевым решением невозможно подключить российских производителей к рыночным, коммерческим вьетнамским процессам [Канаев, Файншмидт, Федоренко 2020].

После начала российской СВО отдельные вьетнамские эксперты пессимистически оценивают перспективы российско-вьетнамских отношений. Так, по мнению бывшего торгового представителя СРВ в России Нгуен Ть Тама, конфликт на Украине поставил всю систему российско-вьетнамских коммерческих контрактов под угрозу, включая закупки техники и оборудования для разведки, добычи и переработки сырой нефти из-за отключения российских банков от системы SWIFT и выполнение крупного заказа компанией «Силловые машины» для ТЭС «Лонгфу-1», реализованного уже на 77%, поскольку компания попала под санкции США [Нгуен Ть Там 2022].

Подобные публикации, по мнению автора, не отражают общей картины российско-вьетнамских отношений, концентрируясь исключительно на отрицательных эффектах. Усложнение реализации ряда коммерческих российско-вьетнамских контрактов в условиях тотальных западных санкций, действительно, является сложной, но в основном технологической проблемой, характерной для всех азиатских внешнеэкономических направлений России после 24 февраля 2022 г. При этом, при всех трудностях выполнения текущих контрактов, РФ остается доминирующей на военных рынках Вьетнама, а также де-юре и де-факто ключевым государством ЕАЭС, реализующим с СРВ преференциальный проект. 5–6 июля 2022 г. глава российского МИД С.В. Лавров посетил Ханой, где встретился с вьетнамским руководством, обсудил экономико-технологические, текущие и долговременные вопросы двусторонних отношений. Была подчеркнута важность дальнейшего

укрепления формата стратегического партнерства, необходимость развития ЗСТ между ЕАЭС и СРВ [РФ и Вьетнам... 2022].

Сохранение Ханоем дружественного нейтралитета по украинским событиям и общего позитивного настроения на дальнейшее развитие партнерства с Москвой, если они действительно есть, является определенным политическим фундаментом для строительства обновленной российско-вьетнамской модели. Перспективы её обновления связаны с решением проблемы несоответствия между высокой формой сложившегося стратегического партнерства и неудовлетворительным состоянием торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Западные санкции и украинские события усилили эту асимметрию. Для того чтобы затормозить процесс дальнейшего разрыва формы и содержания и начать поступательное движение, по мнению ведущих российских специалистов по Вьетнаму, необходимо:

а) увеличить российские инвестиции в промышленность, особенно энергетику, транспорт; обеспечить присутствие российских компаний в инфраструктурных транспортных и трубопроводных проектах Вьетнама;

б) принять участие в назревшей модернизации почти 300 предприятий и энергетических объектов, построенных СССР;

в) активнее продвигать проект «Большая Евразия» за счет реальной смычки между ЕАЭС и экономическим сообществом АСЕАН, включая расширение сферы действия Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом в части инвестиций, торговли услугами, обмена людьми, информацией и технологиями; снижать нетарифные барьеры [Мазырин 2020: 119–120, 128–132].

Несмотря на то, что эти рекомендации были высказаны до начала российской СВО, в настоящее время они полностью сохраняют свою актуальность с поправкой на текущие технологические, финансовые и международно-правовые реалии российского позиционирования в мире в целом и в Юго-Восточной Азии, в частности.

Китайско-вьетнамская модель

Во Вьетнаме изучили опыт китайских реформ, которые внешне, исходя из идеологического сходства, близки по духу и экономической структуре СРВ. Как отмечает ведущий российский вьетнамист профессор Владимир Мазырин (ИКСА РАН), во вьетнамской модели, несомненно, был использован опыт рыночной трансформации и «синтеза» социализма и капитализма на китайской почве. При этом Китай и Вьетнам делают акцент на национальную специфику и особенности строительства китайской и вьетнамской моделей «рыночного социализма» [Мазырин 2013].

Двусторонние отношения охватывали целый комплекс направлений и проектов, включая регионально-интеграционный АСЕАН—Китай и торгово-экономический, на котором Китай еще в начале 2000-х годов вытеснил всех конкурентов, удерживая с большим отрывом в течение 20 лет первую позицию. Для сравнения, торговля СРВ с КНР и США в 2020 г. составляла 153,4 и 87,2 млрд долл. соответственно [Grossman 2022].

Одним из главных препятствий остаются споры по поводу принадлежности Парасельских островов, которые являются частью более общей «островной дискуссии» стран АСЕАН (Индонезии, Филиппин, Малайзии, Брунея) с Поднебесной по поводу архипелага Спратли. Начиная с 2002 г., когда Китай подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (ЮКМ), а в 2017 г. началось обсуждение Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС), определяющего нормы «свободы судоходства», режим проходов военных кораблей, навигацию и пр., ситуация в китайско-вьетнамских отношениях не улучшилась, а в отдельных случаях даже усложнилась. Как отмечают эксперты,

принятие документа (Кодекса), по сути, ничего бы не решало, поскольку маловероятно, что Китай будет рассматривать его как обязывающий к исполнению документ. Вьетнам, со своей стороны, также не соглашается принять такой проект, который будет исключать район Парасельских островов, аннексированных, по мнению Ханоя, в свое время Пекином [Локшин 2017: 58]. При этом с 2009 г. существует выдуманная КНР так называемая 9-пунктирная линия, согласно которой 80 % акватории ЮКМ и все её острова якобы исторически принадлежат Китаю [Там же: 43].

Очевидно, что историко-правовая дискуссия плавно перерастает в геополитическую, в которой доминируют военно-стратегические и углеводородные (нефтегазовые) интересы сторон, в первую очередь, Китая, усиливающего свои южные морские рубежи. Так, в ряде китайских СМИ описывается строительство трёх искусственных островов около Наньша (Парасельские острова), которые превратились в самые «сильные оборонительные форпосты, фактически, в непотопляемые авианосцы», заявлен контроль над другими 40 островами и рифами в этом же районе [Woguo nansha... 2020].

В мае 2014 г., когда Китай разместил свою нефтяную платформу в спорных водах, углеводородный кризис в двусторонних отношениях явно вышел на уровень межгосударственного. Визит председателя КНР Си Цзиньпина в 2015 г. во Вьетнам политически микшировал проблемы, имея важное символическое значение в плане вовлечения СРВ к китайскую инициативу «Один пояс, один путь», которую во вьетнамском руководстве оценивали достаточно противоречиво.

Вьетнам вступил в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный Китаем с ведущими государствами мира для финансирования «шёлкового проекта», заявив об участии в строительстве вьетнамского участка Трансазиатской железной дороги, а также ряда угольных электростанций и пр.

С другой стороны, СРВ, соглашаясь на сотрудничество с КНР по отдельным проектам, не заявляла о своей поддержке инициативы в целом, включая ее морскую часть — «Морской шелковый путь» (МШП). Во Вьетнаме на экспертном и политическом уровнях говорили о финансово-кредитных рисках от китайских контрактов, о том, что за счет экономической зависимости будет происходить автоматическое усиление китайской и ослабление вьетнамской позиции в «островных спорах», что условия контрактов непрозрачны и пр. [Модель развития... 2019: 623–624].

Вьетнам разработал собственную долговременную морскую стратегию до 2030 г., в которой фактически изложен план развития морской экономики, транспортного судоходства, военно-морской безопасности и других направлений, ориентированный на самодостаточность и независимость от влияния внешних игроков (Китая) [Ле Динь Тинь 2021].

Китай рассматривает энергетическую и военную проблематику на морских пространствах ЮКМ в основном через призму «9-ти пунктирной линии», остро реагируя на российско-вьетнамское сотрудничество по разведке нефти в данных районах, включая проекты Роснефти, российско-вьетнамские военные маневры и учения, а также военные поставки РФ в СРВ.

Кроме «островной темь» в китайском экспертном сообществе одной из ключевых остаётся проблема встраивания Вьетнама в китайскую стратегию «Морского шелкового пути», анализ геоэкономических и международно-политических факторов ее реализации. Один из ведущих экспертов профессор Цюй Вэньцзя (Китайский университет политических наук и права, Пекин), отмечая выгодное географическое расположение Вьетнама, его «социалистическую близость», предлагает процесс сближения двух государств построить на общности «морских стратегий» и предоставления вьетнамской стороне ряда экономических преференций [Qu Wenjia 2021].

Ведущий сотрудник Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Ли Цзянган, наоборот, подчеркивает, что страны уже достигли необходимого консенсуса в рамках сотрудничества по проектам «Пояса и пути», включая «Морской шелковый путь», поэтому следует

более тщательно подходить к возникающим рискам, включая, как он отмечает, «стратегическое сомнение Вьетнама в отношении Китая», колебания китайско-вьетнамских отношений и пр. Эксперт предлагает более жестко и избирательно подходить к вьетнамским проектам, отслеживая и упреждая негативную реакцию Ханоя [Li Jianggang 2020].

Другая часть китайских экспертов отмечает необходимость усиления работы с вьетнамским руководством в плане более убедительной доводки до него мысли о том, что дальнейшая интеграция планов экономического развития, встраивание в «Один пояс, один путь», включая морскую часть, усиление взаимодействия с АБИИ и пр. поможет Вьетнаму ускорить экономический рост, выйдя на новый, более высокий уровень собственной экономической модернизации [Jiang Yushan 2018].

Прикладные китайские исследования ориентированы на изучение структуры, спроса и особенностей макроэкономических показателей двусторонней торговли, инвестиционного взаимодействия. По официальным китайским данным, китайские накопленные инвестиции во Вьетнаме к 2019 г. оценивались в 66,42 млрд, а вьетнамские в Китае – 2,2 млрд долл. Эти оценки прямо противоречат данным статистики СРВ, согласно которой первый показатель в 2021 г. равнялся 21,6 млрд долл., а второй 36,8 млн долл. (SYBVN, 2022: 277, 291). Спектр отраслевого применения инвестиций КНР также достаточно широк — от трудоемких отраслей промышленности, сельского хозяйства до высокотехнологических производств, обрабатывающей промышленности, энергетики и туризма. В рамках ОПОП, как считают в Пекине, или двусторонних отношений, как подчеркивают в Ханое, реализуется ряд инфраструктурных проектов — модернизация портов, строительство пяти автомагистралей. В региональном плане китайские инвестиции сосредоточены в основном в северо-восточных прибрежных районах СРВ, дельте Красной реки и приграничных территориях, сопредельных с Китаем.

Заключение

Таким образом, в треугольнике «Россия—Вьетнам—Китай» КНР остается ключевой в экономической сфере. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама продолжает базироваться на сочетании трёх типов балансирования — институционального, с использованием ресурсов АСЕАН, ВАС, АРФ и др.; внешнеполитического, основанного на поиске альтернативных Китаю партнёров; и внутреннего — диверсификации источников роста [Колдунова 2021: 48–50]. Исходя из этой методологии, Россия, с учётом ее усиливающегося китайского направления, не вписывается пока полностью во вьетнамские внешнеполитические приоритеты. При этом украинские события после 2014 г. косвенно повлияли на снижение активности и аннулирование Ханоем ряда проектов.

С другой стороны, российско-вьетнамские отношения носят самодостаточный характер, успешно выполняя набор локальных, взаимовыгодных экономических, военно-технических, энергетических и гуманитарных задач. Несмотря на сложность китайско-вьетнамских отношений, Россия, чисто теоретически, на каком-то этапе может выступать медиатором между Китаем и Вьетнамом, сглаживая конфликтные ситуации. Для этого, в числе прочих задач, как справедливо отмечает ветеран российского вьетнамоведения доктор Евгений Кобелев (ИКСА РАН), потребуется преодоление вьетнамскими элитами старых подходов и стереотипов, связанных с сохранением неких российских обязательств перед Вьетнамом, существовавших в период советско-вьетнамской дружбы и, соответственно, и требовавших активной поддержки вьетнамской позиции против Китая со стороны России [Кобелев 2020: 17].

Россия сегодня развивается вне идеологических и страновых (прокитайских или провьетнамских) рамок и поэтому, находясь ровно посередине между Ханоем и Пекином, объективно может влиять на обе стороны, в равной степени с выгодой для всех.

Возможно, что опыт проекта РИК (Россия—Индия—Китай), несмотря на региональные и исторические отличия от вьетнамского случая, теоретически может быть востребован на Индокитайском полуострове и в перспективе материализоваться в трехстороннем взаимодействии в треугольнике «Россия—Вьетнам—Китай» (РВК), который потенциально способен играть стабилизирующую роль в субрегиональной структуре международных отношений.

Список литературы

«Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. 256 с.

Бритов И. В. Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2022.62-96208>

Глинкина С. П., Мигранян А. А., Пылин А. Г. О совместном научном проекте Института экономики РАН и Вьетнамской академии общественных наук // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2018. № 4. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10040>

Канаев Е. А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в Юго-Восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №. 1 (50). С. 32–46. DOI: [10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-032-046](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-032-046)

Канаев Е. А., Файншмидт Р. И., Федоренко Д. О. Перегрузка российско-вьетнамских отношений: направления и факторы успеха // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 351 – 368.

Кашин В. Б. Военно-техническое сотрудничество России и Вьетнама на современном этапе // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 73–83.

Кобелев Е. В. Вьетнам и политика поворота на Восток // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 17–29.

Колдунова Е. В. Балансирование во внешней политике Вьетнама: достижение, перераспределение, вызовы // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 41–55.

Колотов В. Н. Споры в ЮКМ и внутривосточная ситуация во Вьетнаме // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 2–9.

Ле Динь Тинь. Анализ вьетнамской стратегии развития морской экономики на период до 2030 г. и в перспективе до 2045 г. // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 1. С. 7–29. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2021-10001>

Локишин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС) – иллюзия или отвлекающий маневр? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 40–60.

Мазырин В. М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010). М.: Форум, 2013. 379 с.

Мазырин В. М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–162. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2021.54-148-161>

Мазырин В. М. Российско-вьетнамский диалог по вопросам международной политики // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2019. № 1. С. 83–90. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10007>

Мазырин В. М. Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 114–132.

Мигранян А. А. Перспективы развития торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама // Россия и мир в XXI веке. 2019. С. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.31249/rms/2019.02.07>

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А. В. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 733 с.

Мосяков Д. В. Тупики вьетнамо-американских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 4 (53). С. 147–157. DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-147-157

Нгуен Ть Там. Россия и Вьетнам хотели бы торговать, но не могут // Независимая газета. 05.04.2022.

РФ и Вьетнам нацелены на углубление сотрудничества по ключевым направлениям // Электронное издание сайт «Большая Азия». 17.07.2022. URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/rf-i-vietnam-natseleny-na-uglublenie-sotrudnichestva-po-klyuchevym-napravleniyam/>

Совместное заявление об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам // Сайт Президента РФ. 27.07.2012. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1279>

Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ на период до 2030 г. // Сайт Президента РФ. 30.11.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742/print>

Сумский В. В. Индо-тихоокеанское видение АСЕАН и вертикальный взлет американо-китайской вертикали // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 74–90.

Grossman D. Why Vietnam Might Want to Reconsider its Russia Policy // ISEAS Perspective. 11 May 2022. No. 50. P. 1–9. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/04/ISEAS_Perspective_2022_50.pdf

Gu Hoping. Wudong dajuezhuan zhiji, eluosi weihe you yu yuenan gao junyan? Pujing shizai “dian” zhongguo.2022-04-21 [Гу Хопин. Почему Россия проводила военные учения с Вьетнамом во время решающего сражения на Украине? Путин «указывает» на Китай]. 21.04.2022. URL: <https://www.163.com/dy/article/H5G8EP6P053518R1.html>. (На кит. яз.)

Jiang Yushan. “Yidai yilu” shiyu xia zhongyue hezuo jiyu yu Qianjing – Jiyu yuenan jiaotong jichusheshi jianshe de kaocha 2018 [Цзян Юйшань. Возможности и перспективы китайско-вьетнамского сотрудничества в проекте «Один пояс, один путь» — на основе исследования строительства транспортной инфраструктуры Вьетнама]. 2018. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-QZSD201807005.htm>. (На кит. яз.)

Li Jianggang. “Yidai yilu” zai yuenan luodi shishi mianlin de fengxian tiaozhan he duice yanjiu [Ли Цзянган. Исследование рисков, вызовов и мер противодействия реализации инициативы «Один пояс, один путь» во Вьетнаме]. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-WHRS202002014.htm>. (На кит. яз.)

Statistical Yearbook of Vietnam 2021. Hanoi, 2022. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2022/08/statistical-yearbook-of-2021>

Qu Wenjia. Shiji haishang sichouzhilu “Yansian guojia hulian hutong yanjiu zhi yuenan” [Цюй Вэньцзя. Вьетнам: исследование взаимосвязи стран вдоль «Морского шелкового пути XXI века»]. 2021. URL: <https://cpfd.cnki.com.cn/Article/CPFDTOTAL-KJQY201704002003.htm>. (На кит. яз.)

Woguo nansha zuizhongyao de sange daojiao hu cheng jijiao zhi shi zhanlue jiazhi ji gao [Три важных острова и рифа]. URL: https://www.sohu.com/a/581895280_121145184?scm=9010.68.0.0.0&spm=smpc.content-abroad.fid.3.1662118207487NdMqOfy&f=index_pagerecom_3. (На кит. яз.)

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117515

ИНДИЯ—ВЬЕТНАМ: 50 ЛЕТ ПО ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С. В. Уянаев¹

Аннотация. В 2022 г. исполнилось полвека установлению дипломатических отношений между Индией и Вьетнамом. В статье предпринята попытка проследить историю и этапы двусторонних связей, взаимные интересы и их ограничители. Рассмотрены главные направления текущего взаимодействия в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства. Перспективы отношений между двумя странами оцениваются автором как в целом благоприятные, что соотносится с интересами России.

Ключевые слова: Вьетнам, Индия, партнерство, интересы, китайский фактор, безопасность, экономика.

Для цитирования: Уянаев С. В. Индия—Вьетнам: 50 лет по пути взаимодействия // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 13–22.

Дата поступления статьи: 09.09.2022

Дата поступления в переработанном виде: 21.09.2022

Принята к печати: 11.11.2022

Введение

Истекшие 50 лет стали временем неуклонного поступательного развития связей Вьетнама и Индии. По своему значению они нередко выходили за двусторонний формат и поэтому сегодня актуальны не только в качестве самоценного фактора, но и в более широком региональном контексте, в том числе с учетом ситуации в виртуальном треугольнике «Вьетнам—Индия—Китай». Отношения между Ханоем и Нью-Дели важны и для Москвы, поскольку Индия и Вьетнам находятся среди приоритетных внешнеполитических партнеров России.

Тема отношений двух стран привлекает достаточно пристальное внимание исследователей. Чаще встречаются работы индийских экспертов, в частности, А. Малхотра [Malhotra 2012], Х.В. Пант [Pant 2018], А. Годболе [Godbole 2017]. Комплексно исследуя историю, взаимные интересы и современную повестку двусторонних связей, практически все они приходят к заключению о «повышенной важности» отношений с Вьетнамом, который официальный Нью-Дели не первый год называет «столпом» индийского курса в отношении Восточной Азии («Look East and Act East Policy»). Наблюдается видимый консенсус и в оценке имеющихся у Индии основных стимулов к взаимодействию. Главными из них рассматриваются, как правило, «китайский фактор», а также географическое расположение Вьетнама близ ключевых для Индии морских коммуникаций, в том числе в Южно-Китайском

¹ Уянаев Сергей Владимирович, к. и. н., заместитель директора по науке, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

море (ЮКМ); среди совпадающих стратегических интересов упоминается и «обеспечение энергетической безопасности» [Chaturvedy 2022]. Ряд аналитиков, к примеру из экспертного центра Drishti IAS, тем не менее, говорит о «вызовах и ограничителях» сотрудничества, не предавая им, впрочем, сколько-нибудь драматического характера [India—Vietnam... 2019].

Индийскому «углу» политики СРВ уделяют внимание и вьетнамские специалисты, в частности Во Суан Винь [Vo Xuan Vinh 2013], Линь Фам [Linh Pham 2020] и другие. Мэйнстримом таких публикаций также является позитивная оценка характера и перспектив отношений СРВ с Индией, констатация совпадений целей и движущих сил «восточного курса» Индии и политики Вьетнама. Отмечается, что на основе таких сходных императивов, как «укрепление отношений с традиционными друзьями», принцип многосторонности, стремление к широкой диверсификации отношений с партнерами, Индия и Вьетнам способны строить тесные и прочные стратегические отношения. [Vo Xuan Vinh 2013: 48].

Отношения Вьетнама и Индии изучаются и в работах экспертов третьих стран. В частности, исследователь Фонда Стэнтона А. Панда [Panda 2018] и сотрудник Института Южной Азии Сингапурского университета Р. Бора [Borah 2018] также обращают внимание на серьезные стратегические мотивации к индийско-вьетнамскому сближению, в том числе во многом связанные с «озабоченностями перед лицом Китая». При этом сингапурский специалист замечает, что в двустороннем диалоге не всё «окрашено лишь розовыми тонами», например, в «отстающей» торгово-экономической сфере.

Связи двух стран служат предметом и отечественных разработок, но они в основном касаются лишь отдельных аспектов. Так, Е. В. Брагина, исследуя торгово-экономические связи двух стран, при этом касаясь и «китайского фактора», приходит к выводу, что, несмотря на относительно скромные пока объемы двусторонней торговли, в последние годы она «развивается по нарастающей» [Брагина 2019: 40].

Разные этапы, неизменная тенденция

Исторические версии о первых экономических, культурных обменах между народами, населявшими нынешние Индию и Вьетнама, восходят ко II веку. Согласно этим версиям существовавшее в VII–XVII вв. на территории современного Вьетнама государство Тямпа несло явный отпечаток индийской традиции и культуры, привнесённой буддийскими монахами и другими выходцами с Индостанского полуострова [Cultures: 01.04.2014]. Установление в 1972 г. официальных отношений между Демократической Республикой Вьетнам и Республикой Индия, с одной стороны, стало данью исторической логике, с другой — явилось толчком к поэтапному развитию взаимовыгодных связей.

Но еще до этого, в 1954 г., Дж. Неру стал одним из первых мировых лидеров, посетивших Вьетнам вскоре после его победы над французами при Дьенбьенфу. Через четыре года в Индии побывал президент ДРВ Хо Ши Мин, уже тогда назвавший отношения между Индией и Вьетнамом «процветающими под безоблачным небом» [Dipranjan: 11.06.2021] Такой старт задал тон отношениям двух государств, которые затем прошли несколько знаковых этапов, но оставались при этом неизменно дружественными.

Индия уже в первые годы после установления дипломатических отношений активно выступала против действий США во время вьетнамской войны, высказывалась в пользу демократического воссоединения двух частей страны. Позже Индия стала одной из немногих стран несоциалистического мира, выступивших на стороне Вьетнама в ходе Третьей

Индокитайской войны. Эти шаги не могли не вызвать ответную позитивную реакцию Вьетнама.

Индия в 1975 г. предоставила Вьетнаму режим наибольшего благоприятствования в торговле, в 1978 г. страны подписали торговое соглашение. В 1982 г. были инициированы действующие и сегодня регулярные заседания Совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, возглавляемой министрами иностранных дел двух государств.

С конца 1970-х годов стало набирать обороты сотрудничество по линии обороны и безопасности. Весной 1979 г. северные районы Вьетнама, затронутые пограничной войной, посетила индийская военная делегация.

В 1984 и 1989 г., давая новый толчок обменов на высшем уровне, в Индии с визитами побывали генеральные секретари ЦК КПВ. Развивались контакты в других сферах, в том числе культурно-гуманитарной. Тем самым был задан тесный партнерский тон самому вектору двусторонних отношений.

Распад в 1990-е годы прежней биполярной системы мирового порядка predetermined, в том числе неизбежные трансформации во внутренней и внешней политике многих государств, включая Вьетнам и Индию. Но на фоне всех произошедших перемен важно, что они никак не ослабили позитивный тренд вьетнамо-индийского диалога.

Объективно этому в значительной мере способствовала важная индийская новация — провозглашение правительством Нарасимха Рао курса «Взгляд на Восток» («Look East»). Новый курс, предусматривавший, в том числе, большую внешнюю ориентированность экономической политики, подразумевал активизацию связей с государствами Восточной, прежде всего Юго-Восточной Азии. Причем приоритетную роль в нем Нью-Дели с самого начала отводил уже утвердившемуся партнеру — Вьетнаму [Malhotra 2012: 76]. Очевидно, что Ханой, испытывавший аналогичную потребность в «постбиполярной» диверсификации, был готов пойти навстречу традиционно дружественному партнеру [Vietnam among pillars... 2013]

Так или иначе, начало 1990-х годов было отмечено активизацией связей, в частности, в экономической сфере. Заметные подвижки в виде новых соглашений были также в оборонной области [Malhotra 2012: 81]

Но что особенно важно, с наступлением нового века механизм двустороннего взаимодействия был существенно укреплен за счет придания достаточно регулярного характера диалогу на высшем уровне. В 2001 г. в СРВ с официальным визитом побывал премьер-министр Индии, в 2005 и 2007 г. визиты в Индию совершили соответственно генеральный секретарь ЦК КПВ и премьер-министр. Всего же за полтора десятка лет с начала столетия состоялось 15 взаимных визитов на высшем и высоком уровне (визиты лидера КПВ, а также президентов и вице-президентов, премьер-министров и руководителей парламентов двух стран). Тесный диалог продолжался между главами и высокими представителями внешнеполитических ведомств.

Переговоры на высшем и высоком уровне привели к заключению ряда фундаментальных соглашений. Среди них — подписанный министрами иностранных дел 1 мая 2003 г. первый с начала официальных отношений комплексный документ — Совместная рамочная декларация о всеобъемлющем сотрудничестве. Декларация проложила дорогу другому знаковому событию — официальному выходу двусторонних отношений на уровень «стратегического партнерства». Об этом было заявлено в июле 2007 г. в ходе переговоров премьер-министров двух стран. Документ о стратегическом партнерстве, помимо прочего,

содержал договоренность запустить с 2009 г. Стратегический диалог на уровне заместителей глав МИД [Pant 2018: 4].

«Стратегическое и всеобъемлющее»

Со второй половины 2010-х годов в двусторонних связях есть основания отсчитывать очередной этап. Тому имеются, как минимум, две причины.

Во-первых, учитывая позитивную динамику диалога, Индия и Вьетнам решили придать ему наиболее высокий статус — «всеобъемлющего стратегического партнерства». Об этом было объявлено в Совместном заявлении от 3 сентября 2016 г в ходе визита во Вьетнам премьер-министра Индии Нарендры Моди.

Во-вторых, появился своего рода очередной катализатор — объявленная незадолго до этого (2014 г.) Индией новая версия «восточного курса»: вместо прежнего «Взгляда на Восток» он стал именоваться политикой «Действовать на Востоке» [Big Picture... 2022] По свидетельству индийских экспертов, за этим стояла не просто коррекция формы, но и важная конкретизация содержания, поскольку прежние «экономические и культурно-гуманитарные задачи» дополнялись теперь нацеленностью на «более глубокое сотрудничество в области безопасности и партнерство в сфере обороны», а также намерением «налаживать связи со странами более широкого Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Австралию, Новую Зеландию, Японию и Южную Корею» [Mazumdar 2021]. При этом указывалось и на такие цели, как ответ на рост регионального влияния и «напористость Китая в Южно-Китайском море» [Big Picture... 2022].

Но с точки зрения отношений с СРВ принципиально важно отметить, что значимость отношений с ней для Индии только возрастала. Об этом прямо упоминал премьер-министр Н. Моди [Godbole 2017: 2]. Об этом же с еще большей акцентированностью говорили эксперты, подчеркивая, что «Вьетнам становится ключевым государством в политике Индии “Действовать на Востоке” [India—Vietnam... 2019]. Показательно, что во Вьетнаме такой подход пользуется поддержкой, о чём не раз писали вьетнамские эксперты, приветствуя роль, отводимую Вьетнаму в региональной политике Индии [Linh Pham 2020]

Был продолжен обмен визитами на высшем и высоком уровне. В 2018 г. Индию посетил премьер-министр Вьетнама, встречные визиты совершили президенты двух стран. В мае 2019 г. во Вьетнам прибыл вице-президент Индии, а в феврале 2020 г. в Индии побывал его вьетнамский коллега.

Во время пандемии COVID-19 контакты практически не ослабели, переместившись в виртуальный режим. Знаковый характер имел виртуальный саммит 21 декабря 2020 г., в ходе которого премьер-министры двух стран приняли комплексное заявление под названием «Совместное видение мира, процветания и народов». Подводя итоги развития отношений, документ вновь наметил широкие перспективы взаимодействия на предстоящий период [India — Vietnam... 2020]. Позже (в июле 2021 г. и апреле 2022 г.) состоялись телефонные переговоры главы индийского правительства соответственно с премьер-министром и президентом СРВ.

В части практического сотрудничества важным стало проведение в августе 2020 г. 17-го заседания (онлайн) действующей уже 40 лет Совместной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Уже в 2021 г. некоторые очные контакты были возобновлены: в сентябре в Вене встретились спикеры индийского и вьетнамского парламентов. В кулуарах очередной сессии

ГА ООН в Нью-Йорке провели переговоры министры иностранных дел двух стран. Их новая встреча прошла в июне 2022 г. в Нью-Дели, где глава вьетнамской дипломатии был принят также премьер-министром Индии [Vietnamese FM... 2022].

Императивы и интересы

Представленная выше картина истории, этапов и общего характера связей помогает конкретнее понять их движущие силы и взаимные интересы. В качестве главного из мотивов отчётливо вырисовывается взаимное стремление использовать «стратегическое и всеобъемлющее» взаимодействие в целях укрепления собственных внешнеполитических позиций (прежде всего региональных), содействовать интересам своей безопасности и экономического развития. При этом очевидно, что одним из главных вызовов таким интересам и Индия, и Вьетнам считают политику КНР: обе страны имеют территориальные споры с Китаем; и в Ханое, и в Нью-Дели выражают скрытую, а порой и явную обеспокоенность «стремлением КНР к региональному доминированию».

Этот взаимный императив с особой откровенностью формулируют в индийском экспертном сообществе: «Столкнувшись с китайской агрессией в 1962 и 1979 г., Индия и Вьетнам разделяют определённую степень антагонизма по отношению к Китаю. Стремление Вьетнама к независимости и его решительная позиция против гегемонизма рассматриваются Индией как потенциальная сила перед лицом китайских амбиций» [Malhotra 2012: 80].

Особенно серьёзные заинтересованности Индия высказывает в части перспектив «морского сотрудничества» с СРВ. С одной стороны, в Индии имеют в виду потребности страны как «морской нации», 90 % объема торговли которой проходит по морям, с другой – геостратегическое положение Вьетнама как «непосредственного игрока в исключительно важном с точки зрения торгового судоходства ЮКМ, через которое идёт свыше половины индийских торговых грузов» [Chaturvedy 2022]. По этой причине Индия высоко ценит взаимодействие с Вьетнамом по вопросам отстаивания «свободы судоходства» и «открытого морского пространства». Еще в конце 2010-х годов в Индии стала обсуждаться концепция «единого Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР), которая, по мнению специалистов, отражает цели Индии по «созданию в регионе подвижной системы геополитических противовесов в условиях растущего влияния Китая и вызванного этим внимания к региону со стороны США» [Гулевич 2019]: В этой системе противовесов существенное место Нью-Дели отводит как раз Ханюю, рассчитывая на встречное движение, в том числе по причине его спора с Пекином в ЮКМ.

Следует иметь в виду, что несмотря на сложность восприятия «китайского фактора», и Индия, и Вьетнам демонстрируют настрой на конструктивный диалог с КНР в сферах совпадающих интересов (для Вьетнама КНР — главный внешнеэкономический партнер, для Индии — однозначно основной рынок импорта) [Total Trade... 2022]. И Ханой, и Нью-Дели стремятся избегать пересечения антикитайских «красных линий», что прежде всего касается достаточно тесного диалога обеих столиц с Вашингтоном.

Если говорить в целом, то факторами, способствующими сближению, являются историческое отсутствие каких-либо заметных двусторонних политических проблем, споров; сходство международных приоритетов, включая стремление к «стратегической автономии» и диверсифицированной политике, сочетающей широкое международное взаимодействие с независимостью и равноизмеримой дистанцией от различных центров влияния и силы. Индия

весьма ценит вьетнамскую поддержку в её стремлении обрести место постоянного члена Совета Безопасности ООН и войти в состав АТЭС.

Безопасность, оборона, международная повестка

Хотя термин «всеобъемлющее партнерство» применительно к отношениям двух стран вовсе не является фигурой речи и отражает их реальное стремление вести диалог в широком спектре областей, попытка даже кратко представить событийную повестку взаимодействия неизбежно приводит вначале к сфере «стратегической стабильности», безопасности и обороны.

В *Стратегическом диалоге* на уровне заместителей министров иностранных дел, стартовавшем в 2009 г., к лету 2022 г. насчитывалось уже восемь раундов. Прошедшая в ноябре 2021 г. восьмая встреча заострила внимание, в частности, на задаче «укреплять двустороннее сотрудничество в соответствии с индийской Инициативой по Индо-Тихоокеанскому региону (IPOI, предусматривает 7 пунктов сотрудничества по «морской тематике» – от безопасности и транспорта до экологии и океанских ресурсов) [India—Vietnam... 2021].

Оборонное сотрудничество двух стран в текущем веке строится на базе ряда двусторонних документов (в т.ч. от марта 2000 и ноября 2009 г.), где речь идёт, в частности, об обязательствах Индии оказывать помощь в создании оборонной промышленности Вьетнама и общем укреплении вьетнамских ВВС и ВМФ, в обучении вьетнамского военного персонала. Также имелись в виду поставки Индией ряда видов вооружений. [Malhotra 2012: 81–84].

Важное значение имели Заявление о совместном видении отношений в области обороны (май 2015 г.), а также Совместное заявление по итогам упоминавшегося визита премьер-министра Индии во Вьетнам (сентябрь 2016 г.). В рамках провозглашённого «всеобъемлющего стратегического партнерства» Индия заявила о предоставлении Вьетнаму двух кредитных линии (100 и 500 млн долл.) на закупку индийской военной техники. Был подписан контракт на поставку Вьетнаму 12 морских высокоскоростных патрульных катеров фирмы Larsen & Toubro [Joint Statement... 2016].

Взаимодействию содействует оснащение армий обеих стран многими типами российской техники, что позволяет имеющим бóльший опыт индийским военным помогать, например, вьетнамским подводникам и пилотам. Проводятся совместные учения — недавние с участием ВМФ прошли в летом 2021 г. в ЮКМ.

Как новый важный шаг в деле укрепления оборонного сотрудничества было расценено подписание двумя министрами обороны в июне 2022 г. в Ханое «Совместного заявления о перспективах индийско-вьетнамского оборонного партнерства до 2030 г.» и меморандума о «Взаимной логистической поддержке». Договоренности позволят индийским и вьетнамским военным кораблям и самолетам пополнять запасы топлива, получать техническую поддержку в морских и портовых объектах друг друга [Peri 2022]. Кроме того, ожидается, что в добавление к упомянутому контракту о патрульных катерах Вьетнаму будет передан корвет класса «Кхукри».

В части *международной повестки* Вьетнам и Индия заявляют о намерении взаимодействовать в многосторонних форматах, в том числе в ООН, в механизмах АСЕАН, в АСЕМ, а также в структуре сотрудничества Меконг – Ганг (MGC). Вьетнам поддерживает

Индию в её полноформатном диалоге с АСЕАН — ключевой организацией для всей индийской «восточной политики».

Очевидно, что, взаимодействуя на региональных площадках, Индия и Вьетнам стремятся продвинуть интересы собственной безопасности, в том числе в контексте уже не раз упоминавшихся непростых отношений с КНР, которая сама стремится наладить надёжные для своих позиций отношения с АСЕАН и другими важными для неё структурами. Одной из таких структур ряд экспертов считают, например, Инициативу Бенгальского залива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству (BIMSTEC), где представлены шесть стран Южной Азии во главе с Индией, а также входящие в АСЕАН Мьянма и Таиланд. Структура BIMSTEC, где отсутствуют Пакистан и Китай (хотя Пекин и проявлял интерес к организации) [Anand 2014], важна для Индии не только на фоне соперничества с КНР (в том числе в Мьянме), но и с точки зрения развития и вовлечения в межрегиональный экономический диалог своих северо-восточных штатов [Yahya 2005]. Некоторые региональные эксперты полагают, что вступление в BIMSTEC отвечало бы и интересам Вьетнама, для которого, как минимум, открывались бы новые экспортные рынки [Hasan 2021]. Свидетельств того, что Ханой предпринимает заметные шаги в данном направлении, пока не наблюдалось, причиной чему могут служить, в частности, «сложности в позиции Бангкока» [Yahya 2005]. Однако, если бы присоединение Вьетнама все же состоялось, BIMSTEC мог бы претендовать на роль дополнительной площадки вьетнамо-индийского взаимодействия по широкой повестке — от экономики до безопасности.

Торгово-экономическая и иные сферы

При всей значимости перечисленных выше сфер представлять, повторим, что повестка индийско-китайского взаимодействия исчерпывается только ими, было бы упрощением. Не случайно аналитики подчеркивают в этой связи, что «отношения двух стран не следует рассматривать лишь через призму того, что Вьетнам для Индии — это то же, что Пакистан для Китая. Существует огромный спектр сотрудничества, способствующего взаимному развитию» [India—Vietnam... 2019]. У Нью-Дели и Ханоя действительно есть немало других областей сотрудничества, таких как торговля и инвестиции, наука и техника, культура, производственная кооперация, добывающая промышленность и ряд других.

Торговля между Индией и Вьетнамом с 200 млн долл. в 2000 г. выросла до 14,1 млрд долл. в 2021/22 индийском финансовом году, причем с 2015 г. увеличилась почти втрое. Её продвижению способствовало создание Зоны свободной торговли Индия—АСЕАН. По индийской статистике, на середину 2022 г. положение Вьетнама в рейтинге 25 наиболее крупных торговых партнеров Индии не самое высокое — 23-е. Но оно в любом случае выше места России, замыкающей этот список. В аналогичном перечне торговых партнеров Индии среди стран АСЕАН Вьетнам идёт четвертым вслед за Сингапуром, Индонезией и Малайзией [Total Trade... 2022]. При этом Индия стабильно входит в топ-10 торговых партнёров Вьетнама.

Для обеих сторон торговля выглядит сбалансировано, с небольшим положительным сальдо в пользу Вьетнама. Индийский капитал инвестировал во Вьетнам почти 2 млрд долл., направив их в 200 с лишним инвестиционных проектов в таких секторах, как энергетика, разведка полезных ископаемых, агрохимикаты, производство сахара, чая, кофе, IT-технологии и автозапчасти [Bhatla 2020]. Вьетнамские инвестиции в Индии объемом около 29 млн долл. в

2021 г. реализовывались в фармацевтике, IT-технологиях, производстве химикатов и стройматериалов.

В сфере *добывающей промышленности* обе страны уже свыше 30 лет совместно осваивают нефтяные ресурсы в ЮКМ. По соглашениям между индийской компанией ONGC и вьетнамской корпорацией Петровьетнам ведется (несмотря на недовольство КНР) разведка новых морских месторождений. Вьетнам рассчитывает также на содействие Индии в сфере освоения мирного атома.

Достаточно насыщена и *гуманитарная повестка сотрудничества*. Успешно работает Индийский культурный центр Свами Вивекананды (SVCC), созданный в Ханое. Осуществляются научные, молодежные обмены. Развиваются академические связи. Развитию *туристических контактов* способствовал запуск в 2019 г. прямого авиасообщения между странами и достигнутое сторонами упрощение визового режима [Embassy of India 2022].

Заключение

Позитивные тренды не означают, что в диалоге полностью отсутствуют вызовы и нерешённые вопросы. В обеих странах считают недостаточным объёмы и уровень экономического взаимодействия. Вьетнам с осторожностью относится к некоторым региональным проектам с участием Индии (Quad). А тот же «фактор Китая», который, с одной стороны, подталкивает Вьетнам и Индию друг к другу, с другой — порой заставляет их действовать в двустороннем диалоге подчеркнуто осторожно, «с оглядкой на красные линии».

Тем не менее перспективы индийско-вьетнамского партнерства выглядят достаточно надёжными. Как подчеркивала в редакционном комментарии от 21 июля 2022 г. влиятельная индийская газета «Хинду», «дорожная карта, согласованная руководителями обеих стран, содействует поиску ответов на общие вызовы, способна дать решительный импульс индийско-вьетнамскому партнерству и тем самым укреплению региональной стабильности».

Такому сценарию, думается, вряд ли способна помешать и текущая международная турбулентность (вокруг Украины, Тайваня). Индия и СРВ в обоих случаях придерживаются сходных умеренных позиций (подспудное дистанцирование от антироссийских санкций и «нейтральное» голосование в ООН по Украине; принцип «одного Китая» в тайваньском вопросе). В обеих столицах не проявляют признаков перемен в прежнем «автономном» курсе на прочные партнерские отношения со всеми значимыми игроками. Причём можно ожидать, что такой курс вряд ли претерпит существенную коррекцию и перед лицом возможных новых акцентов в международных трансформациях.

Позитивное развитие диалога между Вьетнамом и Индией — приоритетными, наряду с КНР, азиатскими партнерами России — отвечает внешнеполитическим интересам РФ. Обстановка в Азии и АТР, включая широкие морские пространства региона, будет только стабилизироваться, если в конструктивный диалог по решению неизбежных проблем будут вовлекаться все без исключения значимые страны, включая соседей Индии и Вьетнама, если импульсом отношений будут служить лишь цели развития и мира.

Список литературы

Брагина Е. В. Вьетнам — Индия: внешнеэкономическое взаимодействие в XXI веке // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2019. № 3. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10025>

Гулевич В. Индия в Индо-Тихоокеанском регионе: вызовы и задачи // Международная жизнь. 23.01.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21468>

- Anand B.V.* BIMSTEC and BICM: Two Competing Sub-Regional Frameworks? 11.03.2014. URL: <https://www.vifindia.org/article/2014/march/11/bimstec-and-bicm-two-competing-sub-regional-frameworks>
- Bhatla S.* India – Vietnam Trade and Investment Relations // India Briefing. 01.12.2020. URL: <https://www.india-briefing.com/news/india-vietnam-trade-and-investment-relations-21282.html>
- Borah R.* Vietnam’s President Heads to India: What to Expect // The Diplomat. 01.03.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/vietnams-president-heads-to-india-what-to-expect/>
- Chaturvedy R.R.* India — Vietnam ties, from strong to stronger // The Hindu. 21.07.2022. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/india-vietnam-ties-from-strong-to-stronger/article65663062.ece>
- Cultures: Vietnam’s Champa Kingdom Marches on. 01.04.2014. URL: <https://www.hinduismtoday.com/modules/smartsection/item.php?itemid=5491>
- Dipanjan R.C.* India — Vietnam relations: contextualising the Indo-Pacific region. The Economic Times. 11.06.2021. https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-vietnam-relations-contextualising-the-indo-pacific-region/articleshow/83427128.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
- Embassy of India. India — Vietnam Relations. 01.05.2022 // Bilateral Relations / Embassy of India. Hanoi. URL: <https://www.indembassyhanoi.gov.in/page/bilateral-relations/>
- Godbole A.* India Vietnam Defence Relations: History and Prospects // India Council of World Affairs Conference Paper. March 2017. P. 1–9. URL: https://www.researchgate.net/publication/331816071_India_Vietnam_Defence_Relations_History_and_Prospects
- Hasan P.* Vietnam Could Benefit from Resolving the Rohingya Crisis Between Bangladesh and Myanmar // Eurasia Review. 23.11.2021. URL: <https://www.eurasiareview.com/23112021-vietnam-could-benefit-from-resolving-the-rohingya-crisis-between-bangladesh-and-myanmar-oped>
- India—Vietnam Joint Vision for Peace, Prosperity and People / Ministry of External Affairs. Government of India. 21.12.2020. URL: https://www.mea.gov.in/bilateraldocuments.htm?dtl/33324/India_Vietnam_Joint_Vision_for_Peace_Prosperty_and_People
- India—Vietnam Political Consultations and Strategic Dialogue / Ministry of External Affairs. Government of India. 12.11.2021. URL: https://www.mea.gov.in/pressreleases.htm?dtl/34500/IndiaVietnam_Political_Consultations_and_Strategic_Dialogue
- India—Vietnam Relations. 20.05.2019 // TTP International Relations. Paper 2 / Drishti. URL: <https://www.drishtias.com/to-the-points/Paper2/india-vietnam-relations>
- Joint Statement between India and Vietnam during the visit of Prime Minister to Vietnam. 03.09.2016 / Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/bilateraldocuments.htm?dtl/27362/Joint_Statement_between_India_and_Vietnam_during_the_visit_of_Prime_Minister_to_Vietnam
- Linh Pham.* Vietnam — India advance comprehensive strategic partnership // Hanoi Times. 27.08.2020. URL: <https://hanoitimes.vn/vietnam-india-advance-comprehensive-strategic-partnership-313992.html>
- Malhotra A.* Indo-Vietnam Relations: An Answer to Sino-Pak Partnership? // Maritime Affairs. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 71–92. URL: https://www.viet-studies.net/kinhte/Indo-Vietnam_Relations_An_Answer_to_Sino.pdf
- Mazumdar A.* From “Look East” to “Act East”: India’s Evolving Engagement with the Asia-Pacific Region. 15.03.2021. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=ImgagPcAAAAJ&citation_for_view=ImgagPcAAAAJ:kNdYIX-mwKoC
- Panda A.* India, Vietnam Tout International Law, Freedom of Navigation in South China Sea // The Diplomat. 05.03.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/india-vietnam-tout-international-law-freedom-of-navigation-in-south-china-sea/>
- Pant H.V.* India and Vietnam: A “strategic partnership” in the making // Policy Brief / Nanyang Technological University. Singapore, April 2018. P. 1–20. URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/04/PB180409_-India-and-Vietnam.pdf

Peri D. India and Vietnam sign mutual logistics agreement // The Hindu. 08.06.2022. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-vietnam-ink-military-logistics-support-pact-vision-document-to-expand-defence-ties/article65506502.ece>

The Big Picture: India's Act East Policy // Drishti. URL: <https://www.drishtiiias.com/pdf/the-big-picture-india-s-act-east-policy.pdf>

Total Trade: Top countries // Export Import Data Bank / Department of Commerce. URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnttopn.asp> (дата обращения: 23.08.2022).

Vietnam among pillars of India's "Look East" policy // VietnamNet. 18.11.2013. URL: <http://english.vietnamnet.vn/fms/government/89377/vietnam-among-pillars-of-india-s--look-east--policy.html>

Vietnamese FM attends Special ASEAN — India Foreign Ministers' Meeting // Vietnam News. 17.06.2022. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/1251303/vietnamese-fm-attends-special-asean-india-foreign-ministers-meeting.html>

Vo Xuan Vinh. Vietnam — India Relations in the Light of India's Look East Policy. New-Delhi. 2013. 60 p.

Yahya F. BIMSTEC and emerging patterns of Asian regional and interregional cooperation // Australian Journal of Political Science. 2005. Vol. 40. No. 3. P. 391–410. <https://doi.org/10.1080/10361140500203936>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.54631/VS.2022.64-91031

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЬЕТНАМА: ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ

Данг Хоанг Линь¹, Нгуен Тхи Тхань Лам²

Аннотация. Выгодное географическое положение Вьетнама в настоящее время вовлекает его в ряд международных проблем (споры в Южно-Китайском море, американо-китайская торговая война и пандемия COVID-19). Данное исследование показывает, как уникальные географические характеристики страны используются в национальных интересах. Кроме того, рассматривается влияние отдельных географических факторов на экономику Вьетнама и региона в целом. Постановка и анализ этих вопросов дают возможность оценить экономическую политику правительства в плане дальнейших перспектив. Авторы также рассматривают связанные с геоэкономикой возможности сотрудничества с Вьетнамом и инвестиций в экономику страны, открывающиеся перед иностранными партнёрами.

Ключевые слова: геоэкономика, Вьетнам, территориальные споры, Южно-Китайское море, торговая война между США и Китаем, экономическое сотрудничество, COVID-19.

Для цитирования: Данг Хоанг Линь, Нгуен Тхи Тхань Лам. Геоэкономическое положение Вьетнама: преимущества и проблемы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 23–32.

Дата поступления статьи: 12.07.2022

Дата поступления в переработанном виде: 13.10.2022

Принята к печати: 15.11.2022

Введение

Предполагается, что глобализация укрепляет взаимоотношения между странами, что в свою очередь способствует значительному развитию как мировой экономики в целом, так и отдельных национальных экономик. Однако в борьбе за экономические интересы и влияние в нынешнем многополярном мире стратегические географические факторы привели к напряжённым конфликтам между странами с более и менее выгодным положением на карте. Эта глобальная ситуация вызывает обеспокоенность у стран и инвесторов, поскольку прямо влияет на их стратегию и планы, связанные с экономическим развитием. Чтобы глубже

¹ Данг Хоанг Линь, к. э. н., доцент, декан факультета международной экономики, Дипломатическая академия Вьетнама. E-mail: hoanglinhdang@yahoo.co.uk

² Нгуен Тхи Тхань Лам, преподаватель, факультет международной экономики, Дипломатическая академия Вьетнама. E-mail: thanhlam.july@gmail.com

разобраться во многих критических аспектах такого влияния в отдельных конкретных случаях, требуются дальнейшие исследования в области экономической географии.

В силу особенностей своего географического положения Вьетнам оказался причастен к ряду важных проблем, привлекающих внимание разных стран мира. Однако специального анализа влияния географических факторов на экономику Вьетнама с учётом текущих событий не проводилось.

Для всестороннего изучения и лучшего понимания современной экономической географии Вьетнама авторы используют комплексный подход, опираясь на официальные географические характеристики страны и анализ влияния текущих событий (проблема Южно-Китайское моря, американо-китайская торговая война, пандемия COVID-19). Оценивая экономическую политику вьетнамского правительства с учётом географических аспектов, авторы также рассматривают перспективы сотрудничества и инвестиций во вьетнамскую экономику для иностранных правительств и инвесторов.

Обзор литературы

Во многих исследовательских работах употребляется термин «экономическая география», однако однозначного определения он не имеет. Одну из самых ярких трактовок новой геоэкономики в 1990 г. дал Э. Люттвак, назвав ее «причудливым соединением логики конфликта с методами коммерции» [Luttwak 1990]. Геоэкономика приходит на смену старой «системе межгосударственной конкуренции» [Mattlin, Wigell 2015], преобладавшей в годы геополитики холодной войны, а это означает, что либо причина, либо инструмент конфликта в новую эпоху должны быть экономическими. Есть четыре важных критерия сохранения страной геоэкономической мощи и противостояния непредсказуемым краткосрочным вызовам. То, как страна справляется с ними, скорее всего, определяет её «истинный геоэкономический статус» [Baru 2012]. В. Мазырин выявил прямую зависимость успеха рыночных реформ во Вьетнаме в конце XX в. от творческого использования опыта Китая и «азиатских тигров», таких как Сингапур, а также их геоэкономическую связь с развалом СССР и социалистического лагеря [Mazyrin 2013: 56].

Для Вьетнама концепция геоэкономики достаточно нова, хотя география давно изучается и применяется во вьетнамской политике. Л. Нго и П. Сантос задались вопросом, может ли география быть причиной более низких темпов роста и, следовательно, сохранения бедности во Вьетнаме, и показали, что имеются определённые основания для подтверждения этого тезиса [Ngo, Santos 2012]. Ле Тхай Ха изучал влияние относительного экономического расстояния (*relative economic distance, RED*) между странами на двустороннюю внешнюю торговлю и прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Результаты его исследования свидетельствуют, что данный фактор значительно влияет на двустороннюю торговлю и приток ПИИ [Le Thai Ha 2017].

Географическое положение Вьетнама также вызывало озабоченность по поводу его экономической зависимости от других стран, особенно соседнего Китая с его огромным экономическим потенциалом. Р. Амер показал явную зависимость Вьетнама от китайских инвестиций и помощи [Amer 1993]. История отношений этих двух стран предопределила характер их развития сегодня в некоторых областях. А. Захарул и С. Дауд, подчёркивая сильную зависимость Вьетнама от Китая после нормализации отношений в 1991 г., выяснили способность вьетнамского правительства справляться с этой экономической зависимостью. Авторы, отмечая, что СРВ никогда не теряла самостоятельности из-за помощи Китая, считают,

что она всё же сталкивается с ограничениями, налагаемыми отдельными внутренними и внешними факторами, включая глобальную экономическую неопределённость, вызванную торговой войной между США и Китаем [Zaharul, Daud 2020].

В последнее время зависимость вьетнамской экономики от Китая изменилась. После ряда серьёзных событий и действий, предпринятых правительством по ослаблению зависимости от Китая, возникла новая тенденция. Так, А. Вувинг обнаружил сдвиги в дипломатической стратегии Вьетнама после действий Китая в Южно-Китайском море [Vuving 2015]. Китай со всей определённостью заявил о намерении расширить своё влияние и присутствие в регионе, создав непосредственную угрозу безопасности Вьетнама. В ответ вьетнамское правительство укрепляет дипломатические и экономические отношения с другими странами, в том числе с США. Конфликтное поведение Китая создаёт Вьетнаму и США разумный предлог для укрепления отношений ради безопасности своих стран. Эта ситуация породила новую конфигурацию отношений в «треугольнике США–Китай–Вьетнам», предполагающую вмешательство США в эти отношения на стороне Вьетнама.

В некоторых исследованиях встречаются лишь упоминания о географических особенностях в связи с конкретными отраслями экономики. В новом контексте с новыми проблемами, действительно связанными с географическим положением Вьетнама, многие исследования устарели и не могут дать надлежащего анализа.

Роль географического положения Вьетнама в национальной, региональной и международной экономике

Вьетнам, страна в Юго-Восточной Азии, простирается на 1650 км с севера на юг. В самом широком месте её протяжённость 600 км, в самом узком — всего 50 км. Географически Вьетнам располагается близко к основным морским путям, соединяющим Индийский и Тихий океаны. С востока страну омывает Южно-Китайское море, где проходят крупнейшие мировые торговые пути, благодаря чему Вьетнам играет решающую экономическую роль, соединяя внутренние территории Юго-Восточной Азии — Лаоса, северо-восточного Таиланда, Мьянмы, с Тихим океаном и обеспечивая логистические каналы для стран, находящихся внутри и за пределами региона (рис. 1).

Кроме того, стратегическое положение Вьетнама, играющего роль ворот в Азию из Тихого океана, делает его местом, где крупные страны конкурируют за влияние. Вьетнаму уделяется большое внимание в Индо-Тихоокеанской стратегии США, в китайской инициативе «Один пояс, один путь» через Вьетнам также проходит много важных маршрутов. Для страны это является как шансом, так и вызовом, поскольку сложившаяся ситуация позволяет не только привлечь большее количество иностранных инвестиций для развития экономики, но и требует выработки соответствующей внешней политики, чтобы избежать необходимости делать предпочтение той или иной конкурирующей стороне.

Расположение и протяжённость страны обеспечивают ей тропический муссонный климат, подходящий для развития сельского хозяйства. Учитывая эти преимущества, Вьетнам уделяет большое внимание его развитию. Сельскохозяйственный сектор по-прежнему остаётся важным сектором экономики Вьетнама, в 2021 г. его доля в ВВП составила 12,56 % [SYBVN 2021: 192].

Рисоводство выступает флагманской отраслью сельского хозяйства страны, основным производителем риса остается дельта Меконга. Рисоводство во Вьетнаме обслуживает не только внутренние потребности, но и нацелено на экспорт. В частности, в 2021 г. Вьетнам

экспортировал 6,2 млн тонн риса на сумму 3,3 млрд долл. [SYBVN 2021: 636, 638]. Он обогнал Таиланд и стал вторым по величине экспортёром риса в мире, уступая только Индии [6,7% growth...: 01.02.2022]. Вьетнам проводит политику расширения географии экспорта, повышения качества продукции и поощрения применения передовых технологий в сельскохозяйственном производстве в целях повышения его производительности. Страна намерена и впредь, используя благоприятные географические характеристики, уделять особое внимание расширению сельскохозяйственного сектора.

Рис. 1. Карта Восточной Азии. Фото из открытых источников

Протяжённая береговая линия (около 3000 км) обеспечивает Вьетнаму возможности для рыболовства и туризма, а также гарантирует большинству районов страны легкодоступные транспортные пути выхода на зарубежные рынки. Действительно, Вьетнам славится прекрасными пляжами — в Нячанге, Дананге, на о-ве Фукуок, которые ежегодно привлекают миллионы иностранных и отечественных туристов. В 2019 г., до пандемии COVID-19, Вьетнам посетило в общей сложности 18 млн иностранных гостей, а число внутренних туристов составило 85 млн, что принесло доход в размере 32,8 млрд долл. [Tóc đờ tăng trưởng...: 09.07.2020]. Используя морские ресурсы, Вьетнам развивает производство рыбной продукции на экспорт и добивается отличных результатов. В 2021 г. общий экспортный оборот рыбной продукции составил 8,9 млрд долл. [SYBVN 2021: 636], что делает эту отрасль одной из крупнейших экспортных отраслей страны.

Вьетнам расположен в месте соединения Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, где находится много быстрорастущих экономик — Японии, Южной Кореи, Китая, и имеет сухопутную границу с Китаем, Лаосом и Камбоджей, что благоприятно для заключения как двусторонних, так и многосторонних торговых связей и значительно увеличивает товарооборот страны, способствуя дальнейшему экономическому росту.

Вьетнам является одной из основных частей экономического коридора Восток—Запад, и его концепция развития состоит в том, чтобы соединить Индийский и Тихий океаны

сухопутным маршрутом и сохранить морской путь через Малаккский пролив [Clark 2021]. Это создаёт огромные возможности для привлечения инвестиций в прибрежные провинции центра страны и разработки новой торговой стратегии, что, в свою очередь, ещё больше укрепит важное стратегическое положение Вьетнама как на суше, так и на море.

Географические факторы в современном контексте: влияние на экономику и политику Вьетнама

Территориальные споры в Южно-Китайском море

Вьетнам вовлечён в споры в Южно-Китайском море, которые касаются акваторий с большим экономическим потенциалом в плане рыболовства, природных ресурсов (нефть, морское биоразнообразие и ценные ископаемые) и контроля над морскими путями. Самая длительная и разрушительная конфронтация Вьетнама здесь происходит с Китаем, включая множество крупных и мелких столкновений в истории отношений двух стран, влияющих на вьетнамскую экономику. Наиболее значительное из них — размещение в 2014 г. Китаем нефтяной вышки 981 в ИЭЗ Вьетнама — не только привело к потере Вьетнамом миллиардных инвестиционных контрактов, помешало законной эксплуатации природных ресурсов Вьетнама, но также косвенно повлияло на приток ППИ во Вьетнам из-за обострившихся отношений между двумя странами.

Растущая напряжённость между Вьетнамом и Китаем создаёт риск введения Китаем санкций, которые могут отрицательно повлиять на вьетнамскую экономику, в том числе привести к потере большого числа рабочих мест, а также доступа на один из важнейших сырьевых рынков. Китай до сих пор является главным внешнеторговым партнёром Вьетнама: крупнейшим рынком вьетнамского импорта и вторым по величине (после США) экспортным рынком Вьетнама. Поэтому любое намерение Китая ввести экономические санкции с целью заставить Вьетнам отказаться от реализации своих претензий в Южно-Китайском море нанесёт значительный ущерб экономике страны. Китаю следует тщательно взвешивать свои намерения, потому что в результате он может столкнуться с серьёзными последствиями, потеряв традиционного торгового партнёра — Вьетнам. Согласно данным китайской таможенной службы за 2020 г., Вьетнам являлся 6-м по величине торговым партнёром и 5-м по величине экспортным рынком Китая.

Участие другой великой державы — США — в конфликте в Южно-Китайском море поставило Вьетнам перед дилеммой, когда он оказался между двумя конфликтующими мировыми гигантами. И США, и Китай являются важными торговыми партнёрами Вьетнама. Любая небрежность, обнаруживающая исключительную поддержку или противодействие любой из сторон, может привести к ухудшению отношений между тремя странами, что создаст риск нанесения ущерба Вьетнаму путём экономических санкций, которые может наложить любая из двух стран.

Торговая война между США и Китаем

Некоторые аналитики считают, что в торговой войне между США и Китаем Юго-Восточная Азия, включая Вьетнам, может оказаться в наибольшем выигрыше. Из-за тарифов на некоторые товары, доходящих до 25%, а также многочисленных внутренних проблем Китая, таких как рост стоимости рабочей силы и валютного курса, развитие китайским правительством более сложных производственных секторов, крупные производители решили перенести производство из Китая и в первую очередь обратили внимание на ближайшего

соседа — Вьетнам. Основными причинами перемещения иностранных фирм во Вьетнам стали конкурентоспособная стоимость рабочей силы, стабильная политика и стратегическое положение на море. Это дало отличные результаты для экономики Вьетнама, поскольку в 2021 г. общий приток прямых иностранных инвестиций достиг 38,85 млрд долл., что на 5–7% выше показателей 2017–2018 гг., а положительное сальдо торгового баланса поднялось до рекордного уровня в 19,84 млрд долл. [SYBVN 2021: 275, 628].

Вьетнам старается сохранить свои выгоды от торговой войны. В ходе изменения цепочек поставок китайские производители искали способы избежать повышенного налогообложения при экспорте в США. Это могло привести к потерям для Вьетнама, поскольку у США начали возникать подозрения, что Вьетнам разрешает перенаправлять китайские товары через свою территорию, что частично способствовало увеличению положительного сальдо торгового баланса с США и, вероятно, негативно скажется на торговых отношениях двух стран. Так, в конце мая 2018 г. Министерство торговли США пришло к выводу, что 90% вьетнамской стальной продукции в стоимостном выражении имеет китайское происхождение, и резко повысило тарифы на холоднокатаную и коррозионностойкую сталь [U.S. slaps... 21.05.2018]. В 2017 г. из Вьетнама в США было экспортировано около 679 тыс. т стали, что составляет около 2% от общего американского импорта стали. Вьетнамский экспорт стали составляет 18% от общего объёма производства стали в стране, и только 2% этого объёма приходится на США, поэтому введенные тарифы не окажут большого влияния на сталелитейную промышленность Вьетнама [Там же]. Несмотря на это, Министерство торговли Вьетнама по-прежнему рекомендовало отечественным компаниям не экспортировать сталь китайского производства на другие рынки, чтобы предотвратить нанесение ущерба репутации страны [Thạch Huệ 2022].

Пандемия COVID-19

Вьетнам граничит с тремя странами: Лаосом, Камбоджей и Китаем, что является огромным преимуществом для развития торговли и улучшения экономических отношений. Однако во время пандемии COVID-19 возникла проблема нелегального проникновения через границы. Больше всего нелегальных рабочих-иммигрантов было зарегистрировано из Китая, затем — вьетнамцы из Лаоса и Камбоджи, вернувшиеся в страну из-за экономических трудностей.

Во время пандемии COVID-19 геоэкономика стала своего рода слабым местом в политике Вьетнама. Вьетнам занимает стратегически важное положение на карте мира, и крупные страны всегда стремились усилить здесь своё влияние. Во время пандемии COVID-19 было очевидно, что Вьетнам стоял на распутье, и от правительства требовалось не только дать разумный ответ США, Китаю и, возможно, России на международной арене, но и проводить надлежащую политику внутри страны.

Политика по преодолению негативных внешних воздействий

В этой напряженной обстановке оно избегает любой возможности создания союзов против одного из своих партнеров, что следует из неопределённого ответа Вьетнама на приглашение США присоединиться к Индо-Тихоокеанской стратегии. Жёсткое сопротивление Вьетнама Китаю сделало отношения двух стран более напряжёнными. Но вместо того, чтобы позволить последствиям этой географической проблемы ухудшить отношения, Вьетнам попытался извлечь из своих связей с Китаем долгосрочную экономическую выгоду. Правительство СРВ способствовало развитию экономического

сотрудничества с КНР, начав множество двусторонних переговоров для решения текущих проблем, которые повлияли на торговлю между двумя странами. В частности, после размещения Китаем буровой установки HD981 в ИЭЗ Вьетнама правительство быстро выплатило более 1 трлн донгов почти 480 пострадавшим иностранным предприятиям. Это показало доброжелательность Вьетнама по отношению к иностранным инвесторам и продемонстрировало его ответственность в защите безопасности таких предприятий. За ту же акцию также выступал Китай и страны-инвесторы, имеющие собственность в СРВ.

Правительство Вьетнама осознало, что ключевое решение главный путь к снижению напряжённости в отношениях с КНР — уменьшение зависимости вьетнамской экономики от экономики Китая. Поэтому Вьетнам диверсифицировал свои экономические отношения, наладив торговое сотрудничество с другими крупными странами, используя как двусторонние, так и многосторонние каналы. Одним из самых значительных достижений Ханоя в этой области является развитие торговли с ЕС. Успешно подписав Соглашение о свободной торговле между ЕС и СРВ (EVFTA), Вьетнам еще шире открыл свой рынок, создав весомый противовес китайскому доминированию. Однако он по-прежнему сильно зависит от Китая в импорте сырья и экспорте сельскохозяйственной продукции. Китай с 2014 г. является крупнейшим поставщиком товаров во Вьетнам – на него приходилось около 29% импортных закупок Вьетнама [Nguyễn Thị Quỳnh Hoa 2015]. Сегодня импорт из Китая составил почти 1/3 от общей стоимости импорта Вьетнама [SYBVN 2021: 643]. Несмотря на все усилия по расширению географии своей внешней торговли и увеличению пула торговых партнеров, стране предстоит пройти долгий путь для избавления от «китайской зависимости» в торговле.

Благоприятное географическое положение Вьетнама создаёт как проблемы, так и возможности, которые можно использовать в период торговой войны между США и Китаем. Чтобы улучшить инвестиционный климат, правительство в 2019, 2020 и 2021 г. опубликовало важные постановления, а именно Постановление № 02/NQ-CP об основных задачах и решениях по улучшению условий для ведения бизнеса и повышения национальной конкурентоспособности [Chính phủ Việt Nam 2019, 2020]. В этих документах изложены цели вьетнамского правительства по улучшению условий для ведения бизнеса в ближайшее время, в частности, для повышения позиции Вьетнама в международных рейтингах Всемирного банка, ВЭФ, ВОИС и ООН. К настоящему времени Вьетнам добился определённых успехов в улучшении условий для ведения бизнеса.

Отвергая подозрения США в отношении вьетнамско-китайского сговора по оформлению товаров для экспорта в США, правительство СРВ опубликовало Резолюцию № 50-NQ/TW от 20 августа 2019 г. [Chính phủ Việt Nam 2019] о совершенствовании институтов и мер по повышению качества и эффективности сотрудничества в сфере иностранных инвестиций до 2030 г. В этой резолюции предложены критерии отбора и определения приоритетности высококачественных источников иностранного инвестиционного капитала, включая приоритет проектам с передовыми и чистыми технологиями. Другим заметным политическим шагом вьетнамского правительства по улучшению качества иностранных инвестиций в стране является создание двух специализированных организаций по привлечению ПИИ. Вьетнам проявил инициативу в поиске качественных источников инвестиций, создав эти две команды, в задачи которых входит выяснение запросов и требований инвесторов для их удовлетворения к взаимной выгоде.

Для поддержания внешней торговли во время пандемии Ханой активно искал решения по обеспечению устойчивости торговли. На встречах членов АСЕАН по реагированию на

пандемию, где Вьетнам в то время председательствовал, все страны согласились поддерживать экономические и торговые связи [Chính phủ Việt Nam 2020]. Вьетнам также провёл переговоры с Китаем и подписал два меморандума о взаимопонимании по использованию преимуществ железнодорожного контейнерного маршрута Вьетнам — Китай в целях снижения нагрузки на сухопутные пограничные пункты и морские пути. Кроме того, во время пандемии в своих торговых отношениях с другими странами Вьетнам понизил тарифы на фрахт воздушных и морских судов для перевозки товаров на ключевые рынки США, Европы и Ближнего Востока, в целях повышения конкурентоспособности и снижения затрат для бизнеса. Вьетнамское правительство постепенно открывает маршруты полётов в страны и из стран с положительной эпидемиологической ситуацией, что облегчает торговую деятельность и способствует восстановлению экономики. Специалистам, прибывающим во Вьетнам для участия в производственных процессах и ведении бизнеса, облегчен въезд.

В целом, во время пандемии COVID-19 правительство Вьетнама эффективно решало многие проблемы геэкономического характера. В долгосрочной перспективе на новом этапе пандемии нужна более адаптивная политика, чтобы обеспечить безопасность торговли Вьетнама с другими странами.

Перспективы сотрудничества с Вьетнамом для иностранных партнёров

На основе вышеприведённого анализа географических преимуществ и проблем Вьетнама можно определить предпосылки для сотрудничества с иностранными инвесторами.

Первое, Вьетнам обладает потенциальной процветающей инвестиционной средой благодаря не только своему географическому положению, но и перспективным возможностям своей экономики. Проводя политику открытости и исходя из принципа «быть другом для всех», Вьетнам установил экономические отношения со многими странами мира, особенно с крупными экономиками США, Китая, ЕС, Японии, России и т.д. Подписание двусторонних торговых соглашений и участие в многосторонних проектах принесло определённые выгоды как Вьетнаму, так и его партнерам, получившим ряд льгот при инвестировании своих капиталов в страну. На сегодняшний день Вьетнам установил дипломатические отношения со 189 странами, участвует в 15 соглашениях о свободной торговле, в том числе в соглашениях «нового поколения», таких как CPTPP, EVFTA, RCEP и т.д. Благодаря этим отношениям предприятия Вьетнама пользуются снижением тарифов на свои экспортные товары, а иностранные партнёры увеличивают инвестиционный капитал.

Второе, наряду с перечисленными географическими факторами, благодаря стабильной политической обстановке, основанной на мирных отношениях с другими странами, во Вьетнаме создана деловая среда, безопасная для инвестиционной деятельности на долгосрочную перспективу. Согласно отчёту «Ведение бизнеса» за 2020 г., опубликованному Всемирным банком (ВБ) [World Bank: 16.10.2021], оценка условий для ведения бизнеса во Вьетнаме постепенно повышается: 66,77 в 2018 г., 68,8 в 2019 г. и 69,8 балла в 2020 г. В настоящее время по условиям для ведения бизнеса Вьетнам занимает 4-е место в АСЕАН.

Третье, для иностранных правительств и инвесторов, желающих работать в СРВ, ориентиром их действий может служить позиция вьетнамского правительства в долгосрочной перспективе в таких важных вопросах, как Южно-Китайское море и торговая война между США и Китаем. Это позволит собрать как можно больше информации для принятия правильного решения. Кроме того, инвесторам поможет всестороннее исследование проблем, чтобы оценить и предвидеть наиболее возможный ход развития ситуации.

Заключение

Географические факторы действительно оказывают значительное влияние на экономику Вьетнама, как положительное, так и отрицательное. Некоторые последствия носят долгосрочный характер и требуют от правительства последовательности и конкретных решений на перспективу, например, урегулирования вьетнамско-китайских разногласий в Южно-Китайском море или улучшения условий для ведения бизнеса. Анализ показал, что политика правительства была своевременной и дала положительные результаты при выборе надлежащих экономических мер, к которым можно отнести успешный призыв к двусторонним и многосторонним переговорам по преодолению застоя в торговле; налаживание и развитие перспективного экономического сотрудничества с крупными экономиками мира и т.д. Все эти действия позволяют сделать вывод, что правительство СРВ, используя эффективную экономическую политику и благоприятные географические факторы, значительно повысило привлекательность Вьетнама в глазах иностранных правительств и инвесторов, что, в свою очередь, подняло статус Вьетнама на международной арене.

Список литературы

- 6,7% growth in 2021 rice export pushes Thailand up in world ranking // The Nation Thailand. 01.02.2022. URL: <https://www.nationthailand.com/business/40011771>
- Amer R.* Sino-Vietnamese Relations and Southeast Asian Security // Contemporary Southeast Asia. 1993. Vol. 14. No 4. P. 314–331.
- Chính phủ Việt Nam. Nghị quyết số 02/NQ-CP của Chính phủ Về tiếp tục thực hiện những nhiệm vụ, giải pháp chủ yếu cải thiện môi trường kinh doanh, nâng cao năng lực cạnh tranh quốc gia năm 2020 [Правительство Вьетнама. Резолюция 02/NQ-CP. О продолжении выполнения основных задач и решений по улучшению бизнес-среды и повышению национальной конкуренции в 2020 г.] // Cổng thông tin điện tử nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. (На вьетн. яз.)
- Chính phủ Việt Nam. Nghị quyết về tiếp tục thực hiện những nhiệm vụ, giải pháp chủ yếu cải thiện môi trường kinh doanh, nâng cao năng lực cạnh tranh quốc gia năm 2019 và định hướng đến năm 2021 [Правительство Вьетнама. Резолюция о продолжении выполнения ключевых задач и решений по улучшению бизнес-среды и повышению национальной конкурентоспособности в 2019 г. и ориентации на 2021 г.] // Thư viện Pháp luật. (На вьетн. яз.)
- Clark J.* The East — West Economic Corridor Railway from Myanmar to Vietnam // Future Southeast Asia, 2021.
- Le Thai Ha.* Does Economic Distance Affect the Flows of Trade and Foreign Direct Investment? Evidence from Vietnam // Cogent Economics & Finance. 2017. 5:1, 1403108. DOI:10.1080/23322039.2017.1403108.
- Luttwak E. N.* From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. No. 20. P. 17–23.
- Mattlin M., Wigell M.* Geoeconomics in the context of restive regional powers // Asia Europe Journal. 2015. Vol. 14. No. 2. P. 125–134. DOI:10.1007/s10308-015-0443-9.
- Ngo T.H.L., Santos P.* Geography and economic growth in Vietnam / Int. Association of Agricultural Economists (IAAE) Triennial Conference, Foz do Iguau, Brazil, 18-24 August, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/254387593_Geography_and_economic_growth_in_Vietnam
- Nguyễn Thị Quỳnh Hoa.* Xuất, nhập khẩu của Việt Nam năm 2014 và triển vọng 2015 [Экспорт и импорт Вьетнама в 2014 г. и перспективы на 2015 г.] // Tạp chí Tài chính. 17.02.2015. URL: <https://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/xuat-nhap-khau-cua-viet-nam-nam-2014-va-trien-vong-2015-58384.html> (На вьет. яз.)
- Phòng Thương mại và Công nghiệp Việt Nam (VCCI). Báo cáo đánh giá tình hình thực hiện Nghị quyết 02 năm 2020 và Nghị quyết 35 năm 2016 của Chính phủ [Торгово-промышленная палата Вьетнама.

Отчет об оценке выполнения Постановления правительства 02 в 2020 г. и Постановления правительства 35 в 2016 г.]. (На вьетн. яз.)

Statistical Yearbook of Vietnam 2021. Hanoi, 2022. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2022/08/statistical-yearbook-of-2021/>

Thạch Huệ. Nguy cơ thép Trung Quốc mượn danh hàng Việt để xuất khẩu sang Mỹ [*Тхатъ Хюэ.* Экспорт в США китайской стали под маркой вьетнамского товара] // VietnamPlus. 26.08.2022. URL: <https://www.vietnamplus.vn/nguy-co-thep-trung-quoc-muon-danh-hang-viet-de-xuat-khau-sang-my/512207.vnp> (На вьетн. яз.)

Tốc độ tăng trưởng khách cao, đóng góp quan trọng vào phát triển kinh tế - xã hội [Высокие темпы роста туристического потока — важный вклад в социально-экономическое развитие] // Tổng cục du lịch. 09.07.2020. URL: <https://www.vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/32527> (На вьетн. яз.)

U.S. slaps heavy duties on Chinese steel shipped from Vietnam // Reuters. 21.05.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-steel-idUSKCN1IM28C>

Vuving A.L. A Tipping Point in the US-China-Vietnam Triangle // The Diplomat. 06.07.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/07/a-tipping-point-in-the-u-s-china-vietnam-triangle/>

World Bank. Doing Business 2020. Retrieved on 16.10.2021 from URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>

Zaharul A., Sity D. China's Economic Engagement in Vietnam and Vietnam's Response // International Journal of China Studies. June 2020. Vol. 11. No. 1. P. 1–21.

DOI: 10.54631/VS.2022.64-101666

ЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ ВО ВЬЕТНАМ И ДРУГИЕ СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Е. Е. Письменная², Г. В. Ниорадзе³

Аннотация. В данной статье анализируется миграция пожилых россиян во Вьетнам в сравнении с другими странами Юго-Восточной Азии. Миграция данной социальной группы протекает на фоне изменения возрастной структуры населения в России и мире, что предполагает большую активность старшего поколения, в том числе в контексте миграции. В работе выделяются различные факторы миграции в пожилом возрасте: демографический, социальный, экономический, регионально-климатический. Данные официальной статистики позволяют описать увеличивающиеся масштабы эмиграции российского старшего поколения во Вьетнам, куда в 2011–2021 г. официально эмигрировали 318 чел. в возрасте старше трудоспособного. Отмечается, что в период пандемии Вьетнам оказался привлекательным местом для пожилых российских мигрантов. Однако данные Росстата не учитывают латентные формы миграции, поэтому, используя двухэтапный контент-анализ социальной сети «Одноклассники», авторы выявили численность аккаунтов пожилых русскоязычных в ЮВА: наиболее часто пользователи встречались в Таиланде, затем во Вьетнаме и Сингапуре. Анализ кейсов позволил выделить несколько моделей миграции и адаптации пожилых русскоязычных во Вьетнаме: модель «Туризм» (переходная), «Семья», «Активный образ жизни», «Лечение». Дополнительно анализируются правовые аспекты переезда пожилых во Вьетнам и другие страны ЮВА. Авторы приходят к выводу, что «пенсионная виза» не оказывает решающего значения на миграцию пожилых.

Ключевые слова: международная миграция, старение населения, пенсионеры, риски эмиграции, Юго-Восточная Азия, люди пожилого возраста, факторы миграции, модели адаптации, пенсионная виза.

Для цитирования: Письменная Е. Е., Ниорадзе Г. В. Эмиграция российских пенсионеров во Вьетнам и другие страны Юго-Восточной Азии // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 33–41.

Дата поступления статьи: 24.04.2022

Дата поступления в переработанном виде: 07.11.2022

Принята к печати: 07.12.2022

Введение

Роль старшего поколения возрастает, о чём свидетельствуют данные ООН: к середине XXI в. произойдёт почти двукратный рост количества пожилых. Общество вступает в эпоху активного долголетия, что оказывает специфическое влияние на миграцию пожилых.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 21-511-92001 ВАОН «Особенности адаптации и экономического поведения русскоговорящих мигрантов в странах Юго-Восточной Азии».

² Письменная Елена Евгеньевна, д. с. н., г. н. с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор, Финансовый университет при правительстве РФ. ORCID: 0000-0002-0401-2071. E-mail: nikitaR@list.ru

³ Ниорадзе Георгий Владимирович, м. н. с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; аспирант, социологический факультет РГГУ. ORCID: 0000-0003-3127-5966. E-mail: nioradzeRSUH@gmail.com

По данным ООН, в 2020 г. насчитывалось 280,6 млн чел. мигрантов, при этом из них 48,2 млн чел. — старше 60 лет (причём численность пожилых мигрантов удвоилась за последние 30 лет)⁴. Кроме того, миграция данной социальной группы имеет региональную специфику: в основном представители старшего возраста переезжают в Европу и Северную Америку, на которые пришлось 2/3 мигрантов старшего возраста в 2020 г. (32,4 млн чел.)⁵. Вместе с тем набирает популярность введение «пенсионных виз», которые активно предлагаются в ряде стран Юго-Восточной Азии (Таиланд⁶, Филиппины⁷, Малайзия⁸ и др.), тем самым рассматривая пожилых как одну из основных целевых групп. В данном контексте особое положение занимает Вьетнам, поскольку он входит в топ-5 направлений эмиграции россиян в трудоспособном возрасте⁹, что затем подталкивает к миграции их родителей (старшее поколение). Именно стремление к воссоединению с родственниками определено одной из основных причин международной миграции в пожилом возрасте [Zaiceva 2014].

Основной целью статьи является анализ форм, факторов и моделей миграции пожилых во Вьетнам (а также другие страны ЮВА) и приблизительная оценка численности данной специфической категории мигрантов в ретроспективе.

Обзор литературы

Миграция в пожилом возрасте — слабо изученный в России социально-демографический процесс. Ввиду недооценки роли международной миграции пенсионеров в формировании демографической структуры населения страны данный аспект практически не затрагивается в работах российских учёных. Вместе с тем некоторые работы посвящены внутренней миграции пенсионеров [Гридасов и др. 2011; Karachurina, Ivanova 2019], а также этот аспект затрагивается в рамках исследования возрастных дифференциаций миграции [Ефремов 2014; Мкртчян 2015]. В литературе представлено несколько классических и современных подходов к международной миграции в пожилом возрасте (см. подробнее [Litwak, Longino 1987; Greenwood 2014; Ниорадзе 2021]), однако в данной статье авторы сосредоточились на проблематике миграции в контексте Вьетнама и других стран ЮВА.

Российские и вьетнамские учёные, изучая аспекты миграции из Вьетнама в Россию, выделили исторические и современные особенности миграционных процессов между двумя странами [Мазырин 2004; Pismennaya 2015], показали ассимиляцию вьетнамских общин [Динь Ха Ми 2015; Тузова 2019], роль вьетнамской диаспоры для двусторонних отношений [Рязанцев и др. 2022], привлекательность отдельных регионов России для вьетнамцев [Храмова, Маньшин, Ву Куок Ху 2021], раскрыли структуру денежных переводов вьетнамских мигрантов (в мире в целом) [Nguyen Dac Hung 2022]. В контексте данной статьи мы рассмотрим исследования эмиграции из России во Вьетнам.

⁴United Nations. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения 22.04.2021).

⁵ Там же.

⁶ Посольство Королевства Таиланд. URL: <https://clck.ru/Y4VnT> (дата обращения: 07.10.2021).

⁷ Департамент туризма Республики Филиппины. URL: <https://pra.gov.ph/srrv/> (дата обращения: 07.10.2021).

⁸Посольство Малайзии в Российской Федерации. URL: https://www.kln.gov.my/web/rus_moscow/requirement_foreigner (дата обращения: 07.10.2021).

⁹ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/IssWWW.exe/Stg/2-12.xlsx (дата обращения: 30.04.2021).

Отдельное направление исследований образуют работы отечественных учёных, связанные с изучением миграции россиян в целом в страны ЮВА. Так, одно из исследований позволило выявить приблизительную численность россиян в этом регионе, а также выделить основные тенденции эмиграции в страны ЮВА и оценить экономическую деятельность русскоязычных мигрантов в этом регионе [Рязанцев 2017]. Социологическое исследование позволило выделить следующие потоки русскоязычных мигрантов: 1) целенаправленный переезд в ЮВА, 2) временная миграция (в т. ч. трудовая), 3) вступление в брачные отношения с жителем ЮВА [Рязанцев и др. 2017]. Другое исследование, основанное на анализе соцсетей, определило основные факторы притяжения российских трудовых мигрантов во Вьетнам: благоприятный климат, низкая стоимость жизни, возможность путешествовать, возможность пожить в принципиально новых условиях [Максимова, Ржевская, Фролова 2016]. Представленные исследования подробно описывают положение русскоязычных мигрантов во Вьетнаме и ЮВА, практически не касаясь возрастного разреза.

Факторы миграции пожилых россиян

Пожилые — специфическая социально-демографическая группа, имеющая тенденцию к численному росту. В 2021 г. в общей возрастной структуре страны доля старшего поколения¹⁰ достигла 26,6 % (38,9 млн чел.), увеличившись за 11 лет (2010–2021 гг.) на 4,4 п.п.¹¹ Старение российского населения приводит к росту активности пожилых в различных сферах жизни, включая миграцию. Таким образом, первый фактор миграции пожилых — *демографический*.

Социальный фактор отражается в изменившихся социально-культурных и правовых условиях. Перестройка и последующий распад СССР привели, помимо тяжёлых негативных последствий, к упразднению «железного занавеса» и открытию границ. В результате пожилые получили право осуществлять внешнюю миграцию на постоянной (со сменой места жительства) или на временной основах («зимовка» в более комфортном климате, посещение ранее эмигрировавших детей и пр.).

Экономические возможности — третий фактор миграции пожилых. Транспортные расходы, аренда или покупка жилья, оформление виз и проживание требуют достаточного уровня благосостояния или финансовой поддержки от детей.

Наконец играет большую роль *регионально-климатический фактор*, обуславливающий эмиграцию в Юго-Восточную Азию жителей Сибири и Дальнего Востока. Это связано, во-первых, с большой удалённостью от европейских стран. Во-вторых, с интересом к круглогодичному тёплому климату. В-третьих, жители Дальнего Востока ментально близко соприкасаются с культурами Востока в целом (в отличие, к примеру, от жителей европейской части России).

Источники информации

Основным статистическим источником являются данные Росстата, предоставляющие распределение пенсионеров по странам эмиграции. Однако информация Росстата основывается на данных по учёту, связанных со снятием с места регистрации. Следовательно, это только видимая часть «айсберга» из-за существования множества форм временной

¹⁰ В прежних границах пенсионного возраста: мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше.

¹¹ Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб. Росстат. М., 2021. С. 20–21.

миграции, которые не поддаются официальному учёту¹². Пенсионный фонд РФ — другой источник данных о российских пожилых мигрантах, однако у них отсутствует распределение по странам. В то же время международные статистические агентства (ООН, МОМ) позволяют оценить численность мигрантов в странах ЮВА, но при этом невозможно выявить долю пожилых мигрантов из конкретной страны исхода (России). Таким образом, недостаточность статистических данных потребовала использования различных методов, позволяющих оценить масштабы миграции пожилых россиян в страны ЮВА.

Методология

Во-первых, применялся метод контент-анализа социальной сети «Одноклассники» (16–17 сентября 2021 г.), который состоял из двух этапов:

I) *Формальный отбор* мужчин старше 61 года и женщин старше 56 лет, а также региона проживания — страны ЮВА (за исключением Восточного Тимора). Дополнительный фильтр — возраст не более 85 лет (из-за большого количества фейковых аккаунтов). Условиям отбора на первом этапе соответствовали 86,5 тыс. аккаунтов.

II) *Качественный отбор* выявленных аккаунтов: 1) наличие релевантного аватара, 2) имя, фамилия, 3) русское имя (исключаются южно-азиатские, европейские и пр.), 4) исключение повторяющихся аккаунтов. По итогам отбора на втором этапе условиям соответствовали 807 аккаунтов. Проанализированные аккаунты соцсети мы относим не к россиянам, а к русскоязычным пользователям «Одноклассников», так как «...нет единого и универсального понятия, которое бы включало в себя всю совокупность и разнообразие выходцев из России и людей, говорящих на русском языке» [Рязанцев 2018: 52].

Дополнительным методом исследования выступил *анализ кейсов* — историй пожилых россиян, переехавших во Вьетнам. Всего было отобрано два Интернет-сайта «Wonderzine» (2016 г.)¹³ и «Телеканал 360» (2018)¹⁴, а также два выпуска видеоблога (2020–2021)^{15,16}.

Основные результаты

Миграция российских пенсионеров во Вьетнам и другие страны ЮВА

Официальные данные Росстата позволяют говорить о 318 чел. в возрасте старше трудоспособного, которые переехали во Вьетнам в 2011–2021 гг. (рис. 1). Сравнивая динамику миграции пожилых во Вьетнам, миграцию пожилых в целом и миграцию всех возрастных групп в «пандемийном» 2020 г., обнаруживаем парадокс. Миграция пожилых во Вьетнам протекает в русле миграции, характерной для более молодых поколений: произошло значительное увеличение численности выбывших во Вьетнам, вопреки сокращению миграции пожилых в целом. Более того, как следует из рисунка 1, данный показатель возрос двукратно.

¹² Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб./Росстат-М., 2020. С. 74.

¹³ Интернет-издание «Wonderzine». 2016. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/217377-go-vietnam> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁴ Сетевое издание «360tv.ru». 2018. URL: <https://360tv.ru/news/mir/pensionnyj-daunshifting-pozhilye-rossijane-rasskazali-o-zhizni-na-aziatskih-kurortah/> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁵ Videоблог Алексея Бессмертного на YouTube. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fFNLeUjHIM> (дата обращения: 08.10.2021).

¹⁶ Videоблог Алексея Бессмертного на YouTube. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j0sD4aQsrPY&t=522s> (дата обращения: 08.10.2021).

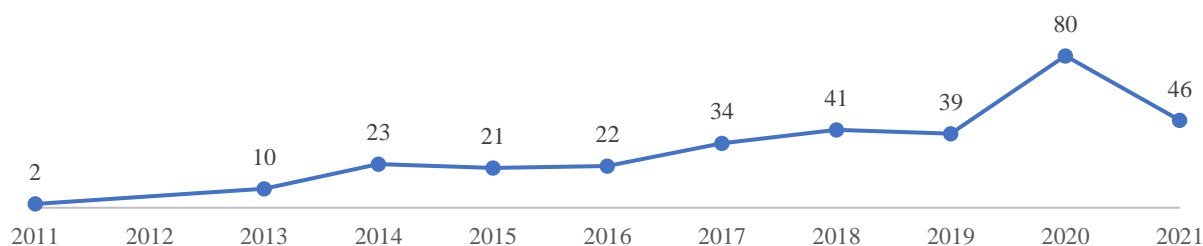

Рис. 1. Динамика численности пожилых мигрантов, выбывших из России во Вьетнам (2011–2021 гг.).

Источник: ФСГС¹⁷.

Примечание: данные за 2012 г. отсутствуют

Столь резкое увеличение эмиграции во Вьетнам в 2020 г. может быть связано со следующими причинами. Во-первых, статистику искажает обратная миграция — возвращение семей вьетнамцев на родину в условиях глобального форс-мажора (пандемии). Данное предположение подтверждается возвращением к прежним темпам миграции уже в 2021 г., который был значительно меньше связан с локдаунами и другими антикоронавирусными ограничениями в России. Во-вторых, переселение пожилых россиян в более благополучный климат вероятно с точки зрения проведения самоизоляции. Об этом свидетельствуют данные об иммиграции, напротив, из Вьетнама в Россию: численность пожилых иммигрантов из Вьетнама в Россию в 2020 г. не изменилась, то есть наступившая пандемия не повлияла на решение проживавших во Вьетнаме российских пенсионеров пережить пандемию в чужой стране. Таким образом, это подтверждает гипотезу об интересе российских пожилых мигрантов к Вьетнаму как месту для комфортного проживания в условиях пандемии (рис. 2).

Рис. 2. Российская пенсионерка во Вьетнаме.

Источник: сетевое издание «360tv.ru»

Однако отметим, что в ретроспективе 2011–2021 гг. зафиксировано устойчивое возрастание интереса пожилых мигрантов к Вьетнаму даже в официальном разрезе (без учёта латентных форм миграции — например, «зимовка»).

Контент-анализ социальной сети «Одноклассники»

В связи с ограниченным количеством статистических данных проведён количественный контент-анализ социальной сети «Одноклассники». На первом этапе анализа результаты свидетельствовали о 86,5 тыс. аккаунтов русскоговорящих людей в странах Юго-Восточной Азии. Однако большое количество ложных аккаунтов с заведомо нерелевантной информацией потребовало произвести качественный отбор полученных единиц. Кроме того, наблюдалась диспропорция в половой структуре: численность мужчин превосходила численность женщин в два раза.

¹⁷Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/q9wFke4y/bul-migr20.xlsx> (дата обращения: 17.09.2021).

Второй этап контент-анализа позволил уточнить численность аккаунтов русскоязычных пожилых в странах Юго-Восточной Азии (табл. 1). Среди регионов ЮВА наиболее популярны для проживания Таиланд (278 акк.), Вьетнам (166 акк.) и Сингапур (146 акк.). Данные результаты косвенно соотносятся с другим исследованием, где Таиланд и Вьетнам — страны с наибольшим количеством мигрантов-россиян [Рязанцев 2017: 71].

Таблица 1. Распределение пользователей в возрасте старше трудоспособного, проживающих в ЮВА¹⁸ (данные контент-анализа социальной сети «Одноклассники»), акк.

	Всего, чел.	Мужчин	Женщин
Страны ЮВА	807	238	569
Таиланд	278	45	233
Вьетнам	166	66	100
Сингапур	146	47	99
Филиппины	78	24	54
Малайзия	38	13	25
Камбоджа	30	14	16
Индонезия	22	5	17
Мьянма	18	8	10
Лаос	18	10	8
Бруней	13	6	7

Источник: составлено авторами

Модели миграции и адаптации российских пенсионеров во Вьетнаме

Анализ интернет-прессы позволил обнаружить пять кейсов — историй пожилых россиян, переехавших во Вьетнам. На этом основании мы выявили следующие модели адаптации:

I. Модель «Туризм». Вьетнам не является для мигранта страной проживания, но мигрант регулярно отправляется в путешествия по миру (Вьетнам, Таиланд, Чехия, Германия и пр.)¹⁹. Данная модель может быть лишь условно отнесена к «миграции», однако, как показывают исследования по эмиграции в ЮВА, туризм (прежний туристический опыт пребывания в данной стране) является одним из ключевых драйверов решения о миграции в будущем [Рязанцев 2017: 70; Дань Нгуен Ань и др. 2022].

II. Модель «Семья». Переселение осуществляется к своим детям, которые обосновались в новой стране. Источники доходов — доход от аренды жилья в России. Возможна постепенная интеграция — выход на работу в местную туристическую фирму, основание собственного экскурсионного бюро, доходы от рыбного промысла и гастрономической деятельности^{20, 21}.

III. Модель «Активный образ жизни». Увлечение виндсёрфингом приводит супругов-мигрантов во Вьетнам. Интеграция проходит очень успешно: медицинское образование позволяет получить работу в местной клинике даже без знания вьетнамского

¹⁸ Данные по Восточному Тимору отсутствуют, поэтому это государство не отражено в таблице

¹⁹ Сетевое издание «360tv.ru». 2018 (дата обращения: 08.10.2021).

²⁰ Там же.

²¹ Интернет-издание «Wonderzine». 2016. (дата обращения: 08.10.2021).

языка. Позже мигрант основывает собственное дело: виндсёрфинговую станцию, превращая хобби в источник заработка²² (рис. 2).

Рис. 3. Российские пенсионеры во Вьетнаме. *Источник:* сетевое издание «360tv.ru»

IV. Модель «Лечение». По окончании трудовой деятельности из-за проблем со здоровьем супруги-мигранты переезжают на лечение, а затем решают остаться. Источник доходов — повышенная («северная») пенсия²³.

Представленные варианты не претендуют на исчерпывающее описание моделей миграции и адаптации пожилых россиян в ЮВА (к примеру, отсутствует информация о тех пожилых мигрантах, которые не смогли адаптироваться к новым условиям). Кроме того, гипотетически существует ещё одна модель — в процессе контент-анализа неоднократно фиксировались фотографии пожилых русскоязычных, одетые во флотские костюмы. Миграция в пожилом возрасте может быть связана с трудовой деятельностью, во время или по окончании которой пожилые принимают решение остаться в том же регионе, в котором работали или продолжают работать («временная трудовая миграция имеет тенденцию к переходу в постоянную: трудовые мигранты со временем оседают в принимающих странах») [Рязанцев 2017: 69-70].

Правовые условия миграции пожилых россиян во Вьетнам и другие страны ЮВА

Дополнительным фактором миграции пожилых является наличие барьеров на иммиграцию в то или иное государство. Помимо общих условий для въезда в страну, некоторые государства предлагают специальные программы, привлекающие именно пожилых мигрантов. В этой связи систематизирована информация о возможностях для российских пенсионеров при эмиграции в различные страны Юго-Восточной Азии. Анализ показал, что «пенсионная виза» доступна лишь в четырёх странах (Таиланд, Филиппины, Малайзия, Индонезия), а также, по неофициальной информации, в Камбодже. При этом ни во Вьетнаме, ни в Сингапуре (входят в топ-3 по числу русскоязычных аккаунтов пожилых) «пенсионные визы» недоступны. Таким образом, «пенсионная виза» не является определяющим фактором для миграции пожилых россиян. Это связано, во-первых, с высокими требованиями к финансовой состоятельности пожилых, а, во-вторых, слабыми привилегиями для обладателей именно пенсионных виз, а не стандартных разрешений на пребывание в стране, доступных для всех возрастных групп. Вместе с тем большинство стран (7 из 11) имеют безвизовый режим, способствующий посещению местных курортов российскими туристами²⁴.

²² Сетевое издание «360tv.ru». 2018 (дата обращения: 08.10.2021).

²³ Videоблог Алексея Бессмертного на YouTube. 2020 (дата обращения: 08.10.2021).

²⁴ Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126897/ (дата обращения: 07.10.2021).

Выводы

Международная миграция пожилых россиян во Вьетнам — нарастающий процесс, хотя такая форма миграции является специфической и не носит масштабного характера. Потенциал данного региона (как самого Вьетнама, так и других стран ЮВА) для российского старшего поколения не исчерпан. Во-первых, драйвером является открытость визовых режимов для граждан РФ (7 из 11 стран), допускающих краткосрочное пребывание (от 14 до 30 дней) без оформления визы. Как показывает анализ кейсов и подтверждают выводы других исследований, именно позитивный туристический опыт способствует дальнейшей эмиграции во Вьетнам. Во-вторых, россияне трудоспособного возраста активно переезжают во Вьетнам (входит в топ-5 направлений для международной миграции за пределы СНГ), что в конечном счёте способствует миграции их родителей (пенсионеров) для воссоединения семьи и совместного ведения домашнего хозяйства.

Данные Росстата фиксируют миграцию пожилых во Вьетнам: в течение 2011–2021 гг. туда официально переехали 318 чел. в возрасте старше трудоспособного, при этом численность мигрантов неуклонно возрастала. Результаты двухэтапного контент-анализа сети «Одноклассники» свидетельствуют о том, что Вьетнам находится на втором месте по количеству аккаунтов, в которых пользователи отмечали местом своего жительства одну из стран ЮВА (Таиланд — 278 — акк., Вьетнам — 166 акк.).

Анализ визовых режимов свидетельствует о том, что особые условия для иммиграции пожилых («пенсионные визы») несут в себе спорную ценность. Количественное распределение данной категории мигрантов показывает, что «пенсионная виза» не играет значительной роли для их эмиграции. Так, Вьетнам является одним из наиболее популярных направлений для миграции пожилых русскоязычных, несмотря на отсутствие «пенсионной визы». Это связано с тем, что для получения «пенсионной визы» необходимо обладать большим капиталом и/или ежемесячным доходом. В результате более удобным является оформление разрешений на въезд, доступных туристам и мигрантам любых возрастных категорий.

Метод Кейс-стади основывался на анализе информационного пространства, где фигурируют пенсионеры, проживающие во Вьетнаме. Анализ кейсов позволил выявить четыре модели миграции и адаптации пожилых россиян в этой стране: «туризм» (переходная модель), «семья», «активный образ жизни», «лечение». Результаты показывают, что во всех изученных случаях туризм является ключевым фактором при решении провести пенсионную жизнь в этом регионе. Впоследствии наступившая пандемия в целом не изменила решение пенсионеров остаться во Вьетнаме, что подтверждает отсутствие изменения численности пожилых иммигрантов из Вьетнама (напротив, эмиграция во Вьетнам российских пенсионеров заметно увеличилась в 2020 г.).

Список литературы

Гридасов Г.Н., Захарова Н.О., Балуева Е.С. Сравнительный анализ динамики миграционного прироста пожилого населения Самарской области // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24. № 4. С. 707-712.

Дань Нгуен Ань, Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Сивоплясова С. Ю. Русскоязычные сообщества в странах Юго-Восточной Азии в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 1. С. 5–26. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-1-01>

Динь Ха Ми. Социально-экономические условия миграции из Вьетнама в Россию // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4 (99). С. 251–255.

Ефремов И.А. Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. С. 54–62.

Мазырин В.М. Вьетнамские мигранты в современной России: пути проникновения, образ жизни, отличительные черты и особенности // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений / Представительство Международной организации по миграции в России. М.: Гэндальф, 2004. С. 357–410.

Максимова Л. В., Ржевская Н. В., Фролова К. Ю. Анализ факторов, привлекающих трудовых мигрантов-россиян во Вьетнам // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 2 (12). С. 152–157.

Мкртчян Н. В. Возрастная структура населения России и её влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 209–221.

Ниорадзе Г. В. Международная миграция старшего поколения: общемировые и российские тенденции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Том. 1. № 4. С. 43–58. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>

Рязанцев С. В., Ле Дык Ань., Фунг Хай Хоанг, Моисеева Е. М. Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 34–45. <https://doi.org/10.54631/VS.2022.63-106318>

Рязанцев С. В. Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 67–73. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080074>

Рязанцев С. В. Эмиграция из России: к вопросу о понятийном аппарате // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 48–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250000761-0>

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Храмова М. Н., Лукьянец А. С., Сивоплясова С. Ю. Эмиграция из России в страны Юго-Восточной Азии: факторы, география, последствия // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2017. Т. 23. № 1. С. 94–108. <https://doi.org/10.24057/2414-9179-2017-1-23-94-108>

Тузова А. Ш. Вьетнамцы, выросшие в России: кто мигрирует на родину предков? // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 59. С. 178–186.

Храмова М. Н., Маньшин Р. В., Ву Куок Ху. Привлекательность регионов Дальнего Востока России для мигрантов из Вьетнама // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 17–29. <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-2-02>

Greenwood M. J. Migration and Labor Market Opportunities // Fischer M., Nijkamp P. (eds) Handbook of Regional Science. Berlin, Heidelberg: Springer, 2014. P. 3–16. https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_5

Karachurina L.B., Ivanova K.A. Migration of the Elderly Population in Russia (According to the 2010 Population Census). Reg. Res. Russ. 2019. No 9. P. 164–172. <https://doi.org/10.1134/S2079970519020059>

Litwak E., Longino C.F. Jr. Migration Patterns Among the Elderly: A Developmental Perspective. The Gerontologist. 1987. No 27(3). P. 266–272. <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>

Nguyen Dac Hung. Emigration from Vietnam and Remittances Management. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. P. 69–79. <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.6>

Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., Luk'yanets A.S., Manshin R.V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a Factor of Transformation of Geopolitical Relations. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No 3. P. 202–207. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s2p202>

Zaiceva A. The impact of aging on the scale of migration. The IZA World of Labor. 2014. P. 1–99. <https://doi.org/10.15185/izawol.99>

ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.54631/VS.2022.64-114863

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1370 г.

А. Л. Федорин¹

Аннотация. В истории Вьетнама практически каждая смена династии являлась или оформлялась как переход власти по женской линии. Чан Тху До, фактический основатель династии Чан, попытался построить такую систему передачи полномочий в рамках правящего рода (внутриродовые браки, назначение новых императоров задолго до смерти их отцов, отправка в монастырь вдовствующих императриц), которая бы такую возможность исключала. Она благополучно просуществовала более ста лет, но затем все-таки была разрушена. На основе анализа хроники «Полное собрание исторических записок Дайвьета» и китайских летописей автор показывает, что ключевым моментом в этом процессе был государственный переворот 1370 г., который все источники рассматривают как якобы успешное отражение попытки захвата власти чуждым династии Чан родом Зыонг, но который на самом деле как раз и стал отправным пунктом для окончательного слома системы Чан Тху До и в конечном итоге привёл к падению этой династии.

Ключевые слова: история Вьетнама в средние века, династия Чан, система наследования власти в дальневосточных империях, государственный переворот 1370 г. во Вьетнаме.

Для цитирования: Федорин А. Л. Новый взгляд на государственный переворот 1370 г. // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 42–50.

Дата поступления статьи: 21.10.2022

Дата поступления в переработанном виде: 31.10.2022

Принята к печати: 15.11.2022

Введение

В данной статье мы попытались проанализировать суть государственного переворота 1370 г. во Вьетнаме как начала слома особой системы наследования власти, существовавшей при династии Чан (1225–1400), призванной сохранить её в рамках правящего рода, и доказать, что это событие по существу и обусловило падение этой династии через 30 лет. Следует отметить, что в традиционной и современной историографии эти события всегда тракуются однозначно как успешно отражённую законными представителями правящего дома попытку узурпатора, не имеющего отношения к династии Чан, захватить власть в стране (см., например: [Khâm định... т. 1: 622–625; Lịch sử Việt Nam... т. 2: 429; Полная академическая история... т. 2: 143]). Нам не известны исследования, в которых ставилась бы цель разобраться

¹ Федорин Андрей Львович, д. и. н., н. с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

в сути случившегося и установить, а кто, собственно говоря, действительно был узурпатором в сложившейся ситуации.

Основным методом исследования стало обобщение всей имеющейся информации и выявление «второстепенных» деталей, позволивших взять под сомнение общепринятую точку зрения на происходившие тогда события, а также прямое сопоставление данных вьетнамских и китайских источников. Практически все факты, приведённые в данной статье, извлечены нами из летописи «Полное собрание исторических записок Дайвьета». Специальные ссылки приводятся только в том случае, если привлекаются сведения из других источников или исследовательской литературы.

Система престолонаследия династии Чан

Во Вьетнаме практически каждый приход к власти новой династии представлял собой победу женской линии правителей над мужской. Пожалуй, единственным исключением в этом ряду можно назвать основателя династии Поздние Ли (1009–1225) Ли Конг Уана (Ли Тхай-то, правил в 1009–1028 г.), который, будучи начальником дворцовой охраны, самым бесцеремонным образом устранил малолетнего объекта своей охраны и занял его место. В связи с этим средневековым историографам пришлось создать целую теорию, оправдывавшую его действия, вылить ведра грязи на отца его предшественника и разыскать полдюжины «знамений», предвещавших приход к власти именно этого человека по воле Неба.

Классическим примером прихода к власти с использованием женской линии был и захват престола династией Чан. Авторство плана узурпации власти, особенно его финальной части, приписывают относительно дальнему родственнику будущего первого правителя династии Чан Каня, его троюродному дяде Чан Тху До, который, тем не менее, начиная с 1224 г. и вплоть до своей кончины в 1264 г. был фактическим правителем страны. Мы не будем касаться конкретных драматических событий, проходивших в Дайвьете, связанных с этим планом (они уже многократно и подробно описаны). Отметим лишь, что явный и бесспорный успех, которого добился Чан Тху До и его родственники в процессе захвата власти в государстве, с одной стороны, безусловно его обрадовал, но с другой — заставил задуматься над тем, что точно так же с потомками рода Чан в будущем могут поступить представители других женских родов, которые окажутся рядом с ними. И он решил создать такую систему перехода полномочий в рамках своей династии, которая бы напрочь исключала подобные возможности. Это система, подробно описанная в статье Та Ти Дай Чьонга [Tạ Chí Đại Trường 2009], состояла из трёх главных положений:

— отныне все значимые представители династии (в первую очередь, сами императоры и их дети) должны были вступать в официальные браки исключительно в рамках своего рода, и подлинными членами императорского дома Чан со всеми вытекающими отсюда последствиями, правами и привилегиями считались только дети от этих браков. Таким образом, потенциально опасные для престола места тестя и зятя императора всегда занимал его родственник по мужской линии, и при любом развитии событий власть за пределы рода уйти не могла;

— чтобы избежать второй угрозы — потенциальной возможности государственных переворотов в смутный период после смерти действующего императора — при династии Чан была введена практика, когда официальный наследник престола занимал его уже сразу после достижения относительного совершеннолетия, его же отец или предшественник провозглашался Верховным императором, сохраняя при этом все свои властные полномочия

вплоть до смерти или добровольного отказа от них (как в случае с императором Чан Нян-тонгом);

— наконец, обязательным элементом этой системы был и уход в буддийские монахины вдовы Верховного императора, если на момент смерти мужа она еще была жива.

Все эти три правила неукоснительно соблюдались около ста лет, но уже в XIV в. чёткая система престолонаследия в рамках династии Чан, придуманная и воплощённая в жизнь Чан Тху До, сначала стала давать сбои, а затем и вовсе рухнула. И началось это в период правления императора Чан Минь-тонга (правил в 1314–1329 гг.), который, несмотря на относительно молодой возраст (34 года), не стал дожидаться появления сыновей от своей старшей жены и одновременно двоюродной сестры императрицы Хиенты, но назначил наследником, а затем и императором 10-летнего Чан Выонга (будущий император Чан Хиен-тонг), который даже не был его старшим сыном. Его мать Ле Тхуан Ньонг никакого отношения к роду Чан не имела, и чтобы этот недостаток как-то исправить, «главной» матерью Чан Выонга была провозглашена все та же императрица Хиенты. Тем не менее впервые на горизонте вьетнамской истории замаячила фигура ещё пока не родившегося временщика Ле Куи Ли, которому Ле Тхуан Ньонг приходилась родной теткой по отцу.

За время формального нахождения у власти императора Чан Хиен-тонга (1329–1341 гг.) у императрицы Хиенты успели родиться два собственных сына, и после смерти императора власть впервые в истории династии Чан была передана не по вертикали (от одного поколения к другому), а по горизонтали (от одного брата к другому), дабы вновь вернуть её представителю главной линии. Императором был провозглашен младший из родных сыновей императрицы Хиенты 5-летний Чан Хао (император Чан Зу-тонг), поскольку его старшего брата Чан Нгуен Зука Чан Минь-тонг почему-то счёл «сумасбродным и буйным». Для государства же это назначение прошло практически незамеченным: Чан Минь-тонг как распорядился всеми делами государства, так и продолжал ими распорядиться вплоть до своей кончины в 1357 г.

Разрушению созданных Чан Тху До общих принципов правления и передачи полномочий в рамках династии способствовал и отказ жены Чан Минь-тонга и матери действующего императора Верховной императрицы Хиенты уйти после смерти мужа в буддийский монастырь, как это делали все её предшественницы. Оставшись во дворце якобы по предсмертному распоряжению Верховного императора, она вступила в борьбу за реальную власть в стране и сыграла одну из ключевых ролей в событиях, которые произошли чуть позднее.

В 1369 г., когда 33-летний Чан Зу-тонг смертельно заболел, вопрос о престолонаследии надо было срочно решать. Сделала это императрица Хиенты, причем строго в соответствии с традициями, заложенными Чан Тху До. Дабы сохранить передачу власти по главной линии и строго по вертикали, она приняла решение передать ее старшему сыну к тому времени уже покойного Чан Нгуен Зука, старшего брата Чан Зу-тонга. При этом она заручилась поддержкой умирающего императора, провозгласившего эту свою волю на смертном одре. Вновь назначенного императора, проходящего во вьетнамских исторических документах, под именем Зьонг Нят Ле, а в китайских — под именем Чан Нят Киен, в действительности, по-видимому, звали Чан Нят Ле (?–1370). Он был уже совершеннолетним человеком и даже имел собственных детей, по крайней мере, одного. Его матерью была безродная бывшая актриса, попавшая в гарем к сыну императора волей случая, а не по политическим соображениям,

какой-то альтернативной поддержки со стороны «женской линии» у него не имелось, поэтому выбор такого претендента, всем обязанного своей бабке, предоставлял последней самые прочные позиции для сохранения контроля над императорским двором в своих руках. Тем не менее конфигурацию власти, предписанной традициями рода Чан, и в этом случае постарались сохранить в соответствии с прежними образцами: в том же 1369 г. нового императора женили на дочери одного из его родных (по отцу) дядьёв — Чан Фу (будущий император Чан Нгетонг), сразу провозгласив её императрицей, таким образом предоставив её отцу хотя бы формальные возможности стать вторым лицом в государстве, т. е. тем самым «всемогущим тестем». Не будем забывать также, что «главной» матерью Чан Фу еще ранее была назначена именно императрица Хиенты, что ещё больше укрепляло его позиции. Впрочем, сначала некоторое время пост второго лица в стране занимал Чан Нгуен Чак, самый старший из оставшихся в живых сын Чан Минь-тонга. Чан Фу занял его место чуть позже.

Описание дальнейших событий, происходивших в Дайвьете в 1369–1370 гг., которое приводят официальные вьетнамские источники, крайне противоречиво и нелогично, что наводит на мысли о содержащихся в нём намеренных искажениях. Вот краткая летописная версия происшедшего.

Официальная версия переворота и её противоречия

Новый император не был родным сыном Чан Нгуен Зука. Его мать попала в гарем к сыну императора, будучи уже беременной от простого актера Зыонг Кхыонга, поэтому прав на престол он не имел. В самом начале 1370 г. Зыонг Нят Ле отравил императрицу Хиенты, чтобы ни с кем более власть не делить. После этого он стал вести себя неподобающим образом: пьянствовал, увлекался театром и даже захотел вернуть себе фамилию Зыонг (?!). Родственники дома Чан во главе со старшим из оставшихся в живых сыном Чан Минь-тонга Чан Нгуен Чаком в девятой луне 1370 г. составили заговор с целью свергнуть узурпатора и вернуть власть в свой род, однако осуществить государственный переворот им не удалось, и все участники заговора были казнены. В десятой луне «всемогущий тесть» Чан Фу бежал из столицы в горы, затем оказался в провинции Тханьхоа, где вокруг него собрались оставшиеся в живых и поддерживающие его родственники и соратники. Повстанцам удалось негласно привлечь на свою сторону командовавших всеми войсками страны Чан Нго Ланга и Чан Киня (еще один сын Чан Минь-тонга, будущий император Чан Зуэ-тонг), и в одиннадцатой луне они начали наступление на столицу. Лишившись поддержки армии, Зыонг Нят Ле сдался без боя, лично явившись встречать наступающие войска. Его понизили до Хондык-конга и оставили жить в столице, а императором стал руководитель повстанцев Чан Фу. Вскоре Зыонг Нят Ле заманил к себе своего бывшего главнокомандующего Чан Нго Ланга и убил его, чтобы отомстить за предательство. За это его казнили почему-то вместе с малолетним сыном.

Попробуем теперь отметить сомнительные и малообъяснимые места в этой версии.

1. При всей своей общепризнанности, данные о том, что Зыонг Нят Ле не был родным сыном Чан Нгуен Зука, выглядят весьма сомнительными. Официальный гарем в Дайвьете со строгими правилами, тщательной охраной, фиксацией евнухами всех его посещений был только у императора. Да и отношения с матерью Зыонг Нят Ле у Чан Нгуен Зука могли завязаться еще до её попадания в гарем. При этом даже мать ребенка не всегда точно знает, кто был его отцом. В любом случае будущий император Дайвьета родился, вырос и воспитывался в семье одного из старших сыновей Верховного императора, всё это время вполне ощущал себя наследником по главной линии, готовился к будущей миссии, по всей

видимости, даже не подозревая, что впоследствии его могут обвинить в отсутствии родственных отношений с династией. И на риторический вопрос из комментария Нго Ши Лиена: «Разве [Зыонг] Няг Ле, сын лицедея, не знал, что он не сын [Чан Нгуен] Зука?», — есть только один ответ: «Конечно, не знал!».

В истории Вьетнама было немало случаев, когда действующих императоров подозревали в том, что их высокопоставленные отцы не имели никакого отношения к их рождению. Вспомним хотя бы того же Чан Няг-тонга, который родился в 11-й день 11-й луны 1258 г., хотя его мать стала официальной женой Чан Тхань-тонга лишь в 8-й луне того же года. Или Ле Няг-тонга (правил в 1442–1459 гг.), чья мать точно так же попала в гарем к Ле Тхай-тонгу, якобы будучи уже беременной [Федорин 2020: 130–132]. Всё это не помешало им стать императорами и избежать при жизни прямых подозрений и пересудов. Очень похоже, что провозглашение Зыонг Няг Ле сыном лицедея Зыонг Кхыонга — это намеренная ложь победителей, направленная на то, чтобы придать хоть капелючку легитимности дворцовому перевороту 1370 г., поскольку других поводов для свержения Зыонг Няг Ле просто не было: его выдвижение на пост императора полностью соответствовало воле покойного предшественника и абсолютно всем нормам и ритуалам имперской религии.

2. Не меньше сомнений вызывает утверждение о том, что Зыонг Няг Ле отравил императрицу Хиенты. Следует отметить, что авторы вьетнамских хроник обычно самым тщательным образом подходят к описанию подобных событий, уделяя им особое внимание. Для глав, посвящённых правлению династии Чан, это и смерть Ли Хуэ-тонга, и смерть Чан Фэ-дэ, и смерть Чан Тхуан-тонга, и смерть Чан Куок Тяна, которые описаны на страницах летописи во всех деталях. Здесь же всё сводится к одной фразе. Каким образом отравил, а, главное, зачем, совершенно не ясно. Даже если императрица Хиенты, как указывает хроника, очень скоро пожалела, что сделала выбор в пользу Зыонг Няг Ле, для него она все равно продолжала оставаться главной опорой и надеждой в условиях, когда ему противостояли всемогущие родственники, недовольные его назначением. В смерти императрицы скорее были заинтересованы будущий Чан Нге-тонг и его сторонники, поскольку уход столь авторитетного и многоопытного оппонента, фактически удерживавшего власть, развязывал им руки, что и показали последующие события. А возложить вину на человека, который уже никогда не сможет ответить на обвинения, было обычной практикой того времени. Достаточно вспомнить, например, что вина за смерть императора Ле Тьонг-зыка (правил в 1510–1516 гг.) в переписке с китайцами была возложена на повстанца Чан Као, хотя всем было прекрасно известно, что он погиб от руки своего собственного дяди Чинь Зуи Шана. Впрочем, прямых свидетельств тому, что с императрицей расправились будущие заговорщики из числа её родственников, тоже нет. Она, кстати, будучи уже пожилым человеком, вполне могла умереть и естественной смертью, которую выдали за отравление. В любом случае, версия ее гибели в результате каких-то действий Зыонг Няг Ле выглядит наименее вероятной.

3. В целях выяснения конкретных причин, побудивших взбунтоваться Чан Фу, ставшего по существу первым после императора лицом в государстве после смерти императрицы Хиенты и своего предшественника Чан Нгуен Чака, обратимся к тексту его стихотворения, адресованного брату Чан Киню, командовавшему всеми войсками страны, в котором Чан Фу просит его поддержать. Этот документ особенно интересен, поскольку по своей форме (поэтическое произведение) он весьма затрудняет, если не исключает любые поздние вторжения, что делает его наиболее аутентичной частью повествования.

- Превышающим по рангу всех [я] грубо оклеветан, и пришлось [мне] оставить свой пост,
- Спрятал себя, преодолев хребты и уйдя к варварам в горы.
- Семь гробниц — вспоминая прошлое, тысячу раз лил слезы,
- Десять тысяч *ли* — положил руку на сердце, и волосы на обоих висках поседели.
- Сорвём же происки У и сохраним Отечество [династии] Тан,
- Обрадуем же Лю и вновь узреем цивилизацию [династии] Хань,
- Ты, сударь, помнить должен дела [императора Чан] Минь-тонга,
- Отвоюем же священную столицу и назначим день возвращения!

Какие выводы можно сделать из этого текста? Прежде всего, Чан Фу явно был обвинён в каких-то преступлениях («грубо оклеветан»). Скорей всего, это связь с заговорщиками во главе с его старшим братом Чан Нгуен Чаком и участие в попытке государственного переворота, но вполне возможно и обвинение в убийстве императрицы Хиенты, о чём говорят строфы, стоящие чуть ниже. Под «происками У» несомненно подразумевается эпизод из истории Китая — попытка императрицы У Цзэ-тянь отнять власть у династии Тан и создать собственную династию Чжоу [История Китая, т. 3: 239–263], а под словами «обрадуем же Лю» ещё один такой эпизод — попытка императрицы Люй-хоу отнять власть у династии Хань (род Лю) [История Китая, т. 2: 240–241]. И, наконец, «дела Минь-тонга» — это, безусловно, изгнание и умерщвление в 1328 г. Чан Куок Тяна, родного отца всё той же императрицы Хиенты. То есть основной упор в призыве делается на противостоянии с императрицей Хиенты (к тому времени уже умершей!) и вообще ничего плохого не говорится о действующем императоре. Ни слова не сказано и о его гипотетическом родстве с лицедеем Зыонг Кхыонгом. На мой взгляд, направленность действий Чан Фу прослеживается вполне очевидно: он в этом стихотворении предлагает выступить не против Зыонг Нят Ле, а против главной линии династии в целом, олицетворением которой и являлась неугодная ему Верховная императрица, кстати, его приёмная мать.

4. По версии летописей Чан Фу бежал из столицы, чтобы, опираясь на родственников, вернуть власть, оказавшуюся в руках «узурпатора», не имеющего отношения к императорскому роду. В этом случае по логике событий ему следовало бы отправиться либо на основную родину, в провинцию Тхиенчюнг (современный г. Намдинь и его окрестности), либо на изначальную родину его предков в Иеншинь (современный уезд Донгчиеу провинции Куангнинь). Именно здесь располагались родовые поместья родственников династии, именно здесь набирались защищающие династию гвардейские части из числа местного населения, пользовавшегося существенными привилегиями как земляки императоров и готового стоять до конца, их оберегая. Но Чан Фу явно не был уверен, что все эти люди его поддержат, поэтому сначала бежал в горы (тогдашний Зяхынг в районе современной провинции Шонла), где можно было лишь укрыться, но собрать каких-то сторонников для противостояния действующей власти довольно сложно. Затем он перебрался в провинцию Тханьхоа, причём в конкретное место, на родину своей матери, в селение-*хыонг* Дайлай, где неподалеку через три десятка лет построит свою столицу Ле Куи Ли. То есть в своей борьбе за престол первоначально он опирался вовсе не на род Чан, лишь некоторые представители которого присоединятся к нему, и то позднее, а на клан своей матери, о котором, к сожалению, летописи ничего не сообщают. Таким образом, будущий император Чан Нге-тонг прибрал власть к своим рукам вовсе не потому, что все Чаны выступили на его стороне, а потому, что они в

большинстве своём лишь отказались поддержать Зыонг Нят Ле, сохраняя фактический нейтралитет и наблюдая за тем, как будет развиваться ситуация.

5. Версия вьетнамских летописей относительно событий 1370 г. полностью противоречит версии, содержащейся во всех китайских источниках. В соответствии с ними Чан Фу (или Чан Тхук Минь, как называют этого человека китайские хроники) — злодей-узурпатор, убивший правителя, получившего власть законным путем. Следует отметить, что обычно китайские источники не являются для нас основополагающими при изучении внутривосточных процессов во Вьетнаме. Как правило, китайцев эти процессы не сильно интересовали, в своих заключениях и действиях они руководствовались прежде всего собственными прагматическими интересами и, если это их устраивало, легко верили и соглашались с любой точкой зрения, доводимой до них властями их южного данника, даже не пытаясь её перепроверить или уточнить.

Но события 1370 г. — это особый случай. Дело в том, что они произошли как раз в тот самый момент, когда династия Чан вполне успешно заканчивала установление традиционных даннических отношений с пришедшей к власти в Китае династией Мин. Причём обстоятельства, при которых проходил этот процесс, были весьма благоприятными для вьетнамской стороны. Дело в том, что династия Юань не признавала императоров династии Чан в качестве законных правителей Дайвьета. При них среди данников Поднебесной эта страна занимала весьма скромное, если не последнее место, её послы допускались в столицу лишь в крайних случаях, дань забирали прямо на границе. В этой связи, в отличие от ситуации, которая сложилась при переходе власти от династии Южная Сун к династии Юань, Чаны не колебались при принятии решения о признании новых китайских властей и сделали это (уже в 1368 г.) одними из первых (если не первыми) из всех данников Среднего государства. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан высоко оценил такое поведение своего южного соседа и уже в 1369 г. вместе с возвращающимися на юг вьетнамскими послами направил в Тханглонг свое посольство во главе с придворным чтецом-шиду Чжан Инином и архивариусом-дяньбу Нью Ляном, чтобы они вручили императору Чан Зу-тонгу (в китайских летописях известен под именем Чан Нят Кхюэ) указ о его назначении правителем государства Аннам и покрытую золотом серебряную печать. Но на момент прибытия китайского посольства Чан Зу-тонг уже умер. Занявший престол Чан Нят Киен (Зыонг Нят Ле) попытался уговорить послов вручить все эти атрибуты власти ему, но поскольку указ был именованным, сразу это сделать они отказались. Нью Ляна отправили назад, чтобы он привёз новый указ, а Чжан Инин в ожидании этого остался с печатью и подарками в Тханглонге и таким образом стал свидетелем всех происходивших здесь в 1370 г. событий и подробно и правдиво доложил о них китайскому императору [Minh thục lục, ch. 43: 847–848; ch. 51: 1006–1007].

По большому счету с точки зрения прагматических интересов Китая Минам было абсолютно все равно, кто стал или станет правителем Дайвьета, поскольку на отношения между двумя странами это никак не могло повлиять, но ситуация была настолько вопиющей, что Чжу Юаньчжан категорически отказался признать власть Чан Фу и выдать ему свою инвеституру, что фактически нивелировало все достижения вьетнамской дипломатии последних лет и, более того, в перспективе грозило активными попытками вмешательства Китая во внутренние дела государства, вплоть до вторжения победоносных китайских армий, недавно вновь объединивших всю страну [Там же, ch. 72: 1327]. Решать эту проблему пришлось уже в 1372 г., когда после всего двух лет прямого правления Чан Нге-тонг был

вынужден спешно формально отказаться от власти, став Верховным императором, причём престол он передал не по вертикали (своему сыну), а по горизонтали (якобы в другую линию), своему младшему брату Чан Кию (император Чан Зуэ-тонг), что удовлетворило в целом не стремящихся в то время к конфронтации Минов [Там же, ch. 88: 1566]. И хотя вплоть до своей кончины в 1395 г. Чан Нге-тонг продолжал оставаться всевластным правителем Дайвьета, и китайцы об этом прекрасно знали, иногда даже непосредственно к нему обращаясь вопреки дипломатическому протоколу, прислать подобающую в случае кончины правителя делегацию для проведения поминовения усопшего они в будущем категорически откажутся, дабы это стало уроком для любого, кто посмеет прийти к власти, прибегая к столь противоправным, как у Чан Нге-тонга, методам [Там же, ch. 244: 3547].

6. Характерно отношение Чан Фу после победы к поверженному сопернику. Как известно, Чан Нят Киен на завершающем этапе отказался от вооружённого сопротивления бунтовщикам и добровольно вышел навстречу наступающим армиям. Если бы он действительно был узурпатором, действовавшим в интересах другой семьи, то его надлежало бы немедленно казнить самой жестокой казнью. Между тем Чан Фу встретил его как близкого родственника («Ведь и не думали, что сегодня дело обернется таким образом?»), сохранил за ним высокий титул знатности (Хондык-конг), который мог носить только близкий родственник императора, и даже разрешил ему продолжать пребывать в столице. Не припомнили свергнутому императору и массовое убийство родственников из дома Чан во главе с его дядей Чан Нгуен Чаком после недавнего неудавшегося переворота. Да, уже очень скоро от Чан Нят Киена поспешили избавиться, казнив его по обвинению в уголовном преступлении, но при этом почему-то убили и его ни в чём не повинного малолетнего сына, который совершенно очевидно в будущем мог бы стать главным претендентом на престол как старший правнук Чан Минь-тонга по главной линии. Характерна и казнь несчастных: их не четвертовали или обезглавили, но забили палкам. Более того, после смерти обоим устроили похороны, даже известно, где находились их могилы. Это свидетельствует о том, что и в данном случае к ним отнеслись как к близким родственникам. Очень похоже, что версия о внесемейном происхождении этого незадачливого правителя возникла позднее, уже после его гибели, дабы оправдать действия Чан Фу как перед лицом населения страны (а вопрос о легитимности верховной власти во Вьетнаме всегда стоял очень остро), так и перед раздражённым минским Китаем, прекрасно осведомлённым об истинной подоплёке событий, для которого следовало придумать какое-то более-менее подходящее оправдание.

Заключение

С учётом изложенного можно констатировать, что описание существенной части событий 1369–1370 гг. во вьетнамских хрониках вызывает серьёзные сомнения в достоверности и правильной интерпретации (историю всегда пишет победитель) и очень похоже на попытку всеми силами оправдать одержавшего победу в ожесточённой борьбе за власть Чан Фу, чьи действия с точки зрения неоконфуцианской морали были абсолютно не праведными. Это в равной степени касается и происхождения Чан Нят Киена, которого обвинили в том, что он якобы являлся сыном простого актёра, и уж тем более в совершенно бессмысленном намерении взять фамилию Зыонг, и причин смерти императрицы Хиенты, и сил, на которые опирался будущий император Чан Нге-тонг, чтобы отобрать престол.

В любом случае события 1370 г. ознаменовали собой окончательный и бесповоротный слом системы внутриродовых браков в династии Чан, любовно построенной Чан Тху До и

просуществовавшей более ста лет. Уже в следующем 1371 г. Чан Нге-тонг назначил на должность руководителя всей администрации страны своего родственника по материнской линии (родного племянника матери) Ле Куи Ли, что ранее при династии Чан было немыслимым, ясно продемонстрировав, кто на самом деле стоит за спиной заговорщиков, совершивших государственный переворот в предыдущем году. Дабы вписать Ле Куи Ли в систему внутривидовых связей династии, ему отдали в жены дочь Чан Минь-тонга принцессу Хуининь. Она ранее уже состояла в браке с родственником императорской семьи Чан Нян Винем, который по разным версиям либо был убит при первой неудавшейся попытке свергнуть Чан Нят Киена в 1370 г., либо был просто изгнан, чтобы освободить принцессу для нового замужества, и имела от него детей. Именно этот брак, в котором родился будущий император Ле Хан Тхыонг (Хо Канг), стал основой для перехода в 1400 г. власти по женской линии, которого так опасался Чан Тху До.

Вскоре Чан Нге-тонг присудил титул Верховной императрицы своей матери Ле Тхуан Ньонг: впервые за долгие годы и этот пост перестал принадлежать представителям семейства Чан. Система Чан Тху До окончательно рухнула, а вслед за этим вскоре рухнула и династия Чан, и к власти в стране пришла основанная Ле Куи Ли династия Хо (1400–1407).

Государственный переворот 1370 г. принято считать победой объединённых сил рода Чан над самозванцем Зыонг Нят Ле, попытавшимся узурпировать власть династии, однако анализ имеющихся исторических документов даёт основания полагать, что эта оценка, скорее всего, неверна. Более того, это событие, наоборот, окончательно сломало особую систему передачи властных полномочий в рамках этого рода, существовавшую почти полтора столетия, и было первым, но решающим шагом на пути полной утраты Чанами господствующего положения в стране, что и произошло уже через каких-то тридцать лет.

Список литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 2. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.). М., 2016.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М., 2014.

Полная академическая история Вьетнама. Т. 2. Средние века (1010–1600). М., 2014.

Федорин А. Л. Вьетнамо-китайские отношения в 1-й половине XV в. // Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 5. Пер. с ханвьета, комментарий, вступительная статья и приложения А. Л. Федорина. М., 2014 (Памятники письменности Востока. СXXX, 5). С. 13–52.

Федорин А. Л. «Скрытые указания» во вьетнамских летописях // Юго-Восточная Азия: от прошлого к современным трендам развития: коллективная монография. М., 2020. С. 123–131.

Đại Việt sử ký toàn thư [Complete Annals of Đại Viet]. Ксилограф SA.PD 2310 на ханвьете (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже). (На ханвьете)

Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобрённое высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Т. 1–2. Hà Nội, 2007. (На вьетн. яз.)

Lịch sử Việt Nam. Т. 2. Từ thế kỷ X đến thế kỷ XIV [История Вьетнама. Т. 2. От X до XIV века]. Hà Nội, 2013. (На вьетн. яз.)

Minh thực lục. Quan hệ Trung Quốc–Việt Nam thế kỷ XIV–XVII [Мин шилу. Отношения между Китаем и Вьетнамом в XIV–XVII вв.]. Т. 1–3. Hà Nội, 2010. (На вьетн. яз.)

Tạ Chí Đại Trượng. Phổ hệ và chế độ nội hôn của họ Trần [Та Тхи Дай Чыонг. Родословная и система внутривидовых браков дома Чан] // Những bài dã sử Việt [По страницам неофициальных историй вьетов]. Hà Nội, 2009. Tr. 243–287. (На вьетн. яз.)

DOI: 10.54631/VS.2022.64-111099

ВЛИЯНИЕ ДАОСИЗМА НА ВЬЕТНАМСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ Ву Хонг Ван¹

Аннотация. Традиционная культура Вьетнама, помимо национальных народных верований, включает в себя три привнесённых извне системы идей: буддизм, даосизм и конфуцианство. Из этих систем буддизм и конфуцианство очень легко оценить и комментировать, потому что обе религии «использовались» феодальными вьетнамскими династиями, например: буддизм — при династиях Ли и Чан, конфуцианство — при династиях Ле и Нгуен. Что касается даосизма, то он распространялся в основном среди простого народа. Если сравнить с конфуцианством и буддизмом, история которых во Вьетнаме хорошо задокументирована, то подобных достоверных свидетельств, относящихся к даосизму, мало. При этом влияние даосизма на вьетнамскую культуру неоспоримо. Настоящее исследование основано на изучении древних документов и реальных опросах, проведённых в провинциях и городах Вьетнама, и направлено на изучение влияния даосизма на народные верования в трёх аспектах: поклонение предкам, поклонение Богине-матери, поклонение богу-покровителю местности.

Ключевые слова: даосизм и даос, вьетнамская культура, народные верования и религия, поклонение предкам, поклонение Богине-матери, поклонение местному богу-покровителю.

Для цитирования: Ву Хонг Ван. Влияние даосизма на вьетнамские народные верования // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 51–60.

Дата поступления статьи: 28.09.2022

Дата поступления в переработанном виде: 01.12.2022

Принята к печати: 05.12.2022

Введение

Даосизм проник на территорию Вьетнама очень рано, примерно во II веке [Trần Văn Giàu 1973; Nguyễn Duy Ninh 2003, 2007; Vu Hong Van 2020]. Он был привнесён во Вьетнам как независимая религия при династиях Ли и Чан [Trần Văn Giàu 1973; Nguyễn Khắc Thuần 2004; Vũ Hồng Vận 2017]. С этого же времени происходит слияние даосизма с буддизмом и конфуцианством [Nguyễn Duy Ninh 2003]. При династии Ле возник быстро распространившийся феномен синтеза даосизма с идеями буддизма, привлекая большинство адептов, а традиционные буддийские писания были забыты [Nguyễn Khắc Thuần 2004]. При династии Нгуен, когда конфуцианство стало господствующей идеологией, высоко ценимой правящим домом и почитаемой как «государственная религия» [Nguyễn Tài Thu 1997; Nguyễn Khắc Thuần 2004], даосизм был почти полностью вытеснен из религиозной жизни вьетнамцев и перестал упоминаться.

Духовная жизнь вьетнамцев находилась под сильным влиянием восточных идеологий, особенно религиозных [Trần Văn Giàu 1973, 1983; Nguyễn Tài Thu 1997; Trần Ngọc Thêm 2000;

¹ Ву Хонг Ван, к. и. н., декан, факультет политической теории, Университет транспорта и коммуникаций, Ханой, Вьетнам. ORCID: 0000-0003-3867-1865. E-mail: vanvh_ph@utc.edu.vn

Nguyễn Khắc Thuần 2004; Vũ Hồng Vân 2017]. Наряду с конфуцианством и буддизмом даосизм оказывал глубокое влияние на духовную, традиционную и культурную жизнь вьетнамского народа, особенно на жизнь трудящегося населения [Trần Văn Giàu 1973, 1983]. Будучи религией, возникшей в результате крестьянских волнений [Ho Fusan 1995; Lịch sử... 1999], он изначально выражал идею протеста против господствующего класса. Как и в Китае, во Вьетнаме даосизм служил народным массам оружием как против феодалов, так и против нашествия северных колонизаторов [Nguyễn Duy Hinh 2003; Nguyễn Khắc Thuần 2004]. Во время антифранцузского сопротивления многие повстанцы активно обращались к колдовству как к магическому оружию в борьбе с врагом, обладавшим преимуществом в огнестрельном оружии [Phan Ngọc 2002].

Проникнув во Вьетнам, даосизм обнаружил там похожие верования, существовавшие уже долгое время [Nguyễn Duy Hinh 2003, 2007]. Древний вьетнамский народный культ магии, заклинаний и т. д. стал благодатной почвой для распространения даосизма. «И понятно, почему даосизм, в первую очередь его колдовские практики, так быстро и беспрепятственно проникли в традиционные магические верования» [Nguyễn Khắc Thuần 2004: 178].

Во Вьетнаме изучение даосизма, в отличие от буддизма и конфуцианства, весьма затруднено [Nguyễn Trọng Chuân 2006]. Так, многие исследователи относят все вьетнамские народные верования к даосизму, и наоборот, люди, которые слишком увлечены заклинаниями «sính “lên đồng”» (форма призыва к душе войти в мёртвое тело), не понимают, что такое даосизм [Nguyễn Khắc Thuần 2004]. Это создало много трудностей в выявлении и изучении даосизма во Вьетнаме, а также ценностей вьетнамской культуры во взаимосвязи с даосизмом.

Во Вьетнаме многие годы изучение даосизма и его связи с вьетнамской культурой не было таким всеобъемлющим и глубоким, как изучение буддизма и конфуцианства. Существует лишь несколько исследований, но при этом имеет место множество разных подходов и мнений, порой противоречащих друг другу. Например, что касается ключевых постулатов: не проводится различия между даосами и даосизмом, нет понимания основного содержания даосизма и его школ. Особо следует отметить отсутствие полевых исследований в провинциях и городах Вьетнама о влиянии даосизма на народные верования. Таким образом, остается еще много спорных и нерешенных проблем.

История вьетнамской культуры неразрывно связана с процессом создания государства и его защиты. По мере экономического роста происходит сближение стран, и национальной культуре уделяется всё больше внимания. В документах Коммунистической партии Вьетнама и в политике вьетнамского государства неоднократно подтверждалась цель «построения передовой культуры, проникнутой национальной идентичностью». Поэтому изучение влияния даосизма на народные верования представляется нужным и важным для лучшего понимания специфики вьетнамской культуры и традиционных культурных ценностей.

Обзор литературы

Во Вьетнаме изучение даосизма сложно по многим причинам, но можно выделить три основные.

1. Отсутствие официальных исторических документов. В историографии феодальных династий Вьетнама очень мало сведений о даосизме. Как отмечалось выше, они никогда не обращались к даосизму. Наиболее благоприятным положение этой религии было при династии Ли. Однако вскоре после этого возник феномен трёх религий в одной (буддизм,

даосизм и конфуцианство). Сведения о даосизме этого периода содержатся в основном в исторических книгах. Первые известные исторические хроники Вьетнама — «Đại Việt sử ký» (История Дайвьета) Ле Ван Хыу, созданная в период правления Чан Нян-тонга и завершённая в год Ням Тхан (1272), и книга «An Nam chí lược» («Краткие записи Аннама»), написанная Ле Таким в Китае (1333 г.). Следующими были «Đại Việt sử ký toàn thư» (Полное собрание исторических записок Дайвьета), ксилографическое издание 18-го года Тинь Хоа (1697), «Đại Việt thông sử» («История Дайвьета») Ле Куи Дона (1759), «Việt sử tiêu án» («История Вьетнама») Нго Ши Лиена (1775), «Quốc sử quán — Đại Nam thực lục chính biên» («Историческая палата — Подлинная история Великого Юга») (1909) и т. д. В этих книгах содержатся некоторые факты, связанные с даосскими практиками, зачастую курьёзного характера, и отдельные скудные сведения о религиозной стороне даосизма.

2. Сохранилось очень мало даосских текстов. В настоящее время в Научно-исследовательском институте хан-нома хранится ряд даосских текстов в основном на хан-нома. В силу многих объективных и субъективных причин эти тексты полностью не переведены. Ван Кха в 2000 г. дал следующий комментарий по поводу наличия во Вьетнаме даосских сочинений: «Даосизм в Северном Вьетнаме оставил ряд даосских легенд и т. д. Во времена династии Нгуен в храме Нгок Шон было выгравировано множество даосских писаний, таких как Ла То Тоан Тху, пять писаний Линь Бао, писания Нгок Хоанг и т. д. В Исследовательском институте хан-нома хранятся древние даосские книги, в том числе: «Thái Thượng Tổ Linh Động Nguyên Đại Hữu Diệu Kinh», «Thượng Thanh Hoàng Đình Chân Kinh», «Thái Thượng Cảm Ứng Biên», «Âm Chấn Văn Chú», «Việt Nhân Giải Chú», «Thái Âm Chân Kinh», «Thái Dương Chân Kinh», «Táo Vương Kinh», «Nguyên Dương Quán Bi», «Tiên Phúc Quán Bi», «Vô Vị Tự Bi» и т. д. [Trường Đại học Sư phạm 2000]. Согласно комментарию Ван Кха, «вышеупомянутые книги большей частью отсутствуют в «Сокровищнице Дао» (так называемом Даосском Каноне), составленной в Китае при династии Мин, поэтому данные материалы весьма ценны для изучения истории вьетнамского даосизма» [Там же: 381].

3. Исследование даосизма во Вьетнаме сталкивается с многими трудностями. Даосизм, будучи религией, не имеет во Вьетнаме ни церкви, ни конгрегации, ни церковных догматов, или заповедей [Nguyễn Duy Hình 2007]. Религиозная практика сосредоточена в основном в сельских районах Вьетнама [Trần Văn Giàu 1973; Nguyễn Duy Hình 2007] и проявляется в народной деятельности [Nguyễn Duy Hình 2007]. Опросы на местах показывают, что очень немногие признают себя последователями даосизма [190 из 3500 респондентов].

В большинстве исследований говорится о даосизме и процессе распространения даосизма во Вьетнаме в целом, однако до сих пор отсутствует анализ конкретных явлений, например, таких как первая даосская организация, персоналии, секты, обучение новообращённых и т. д. В частности, о влиянии даосизма на народные верования упоминается крайне редко, отмечается лишь его воздействие в определённых областях культуры. Осознавая важность даосизма для вьетнамской культуры, признавая необходимость поиска новых корней, лежащих в основе традиции вьетнамской культуры, и в то же время желая представить миру культурные ценности Вьетнама, автор выбрал тему «Влияние даосизма на вьетнамские народные верования» для исследования в рамках данной статьи.

Методы исследования

Во-первых, это изучение даосских текстов в китайских исторических книгах, работ китайских и зарубежных учёных. В частности, можно найти упоминания об этих текстах в следующих книгах: «Tung Thu Tam Bach De» (Шанхай, 1999), «Great Chinese Taoism dictionary» китайского автора Хо Фусаня (1995); «Tao-Tsang T'i-Yao» («Синописис Канона Дао») Цзень Чию и Чун Чаопена (1991); «Seven Steps to the Tao: Sima Chengzhen's Zuowanglun» Ливии Кон (1971) и др.

Во-вторых, проведено исследование древних документов о даосизме во Вьетнаме, особенно в известных исторических книгах: «Đại Việt sử ký», «An Nam chí lược», «Đại Việt sử ký toàn thư», «Đại Việt thông sử», «Việt sử tiêu án» и «Quốc sử quán — Đại Nam thực lục chính biên». Однако, как отмечалось выше, в этих книгах мало что можно почерпнуть о религиозной деятельности, религиозных организациях и т. д., поэтому поиск исторических записей о даосизме очень затруднён.

В-третьих, осуществлено изучение народных рассказов и легенд о даосизме. Можно утверждать, что в них даосизм проявляется наиболее полно. Многие даосские предания бытуют в народе в виде сказок, религиозных притч, а также жизнеописаний религиозных деятелей. Таким образом переплетая народное воображение с даосскими историями, даосизм обретает непреходящую жизненную силу в духовной жизни вьетнамцев [Phan Ngọc 2002; Nguyễn Duy Ninh 2007; Vu Hong Van 2019, 2020b,c]. Следует добавить, что даосская религиозная деятельность практически идентична вере вьетнамского народа в демонов и божеств, поэтому даосизм легко интегрируется в духовную жизнь вьетнамцев [Nguyễn Duy Ninh 2007].

В-четвертых, нами изучалась религиозная деятельность, связанная с даосизмом. В настоящее время во многих вьетнамских семьях в городе и на селе до сих пор проводятся даосские религиозные мероприятия. В ходе полевых исследований в 10 провинциях и городах Вьетнама автор зафиксировал множество таких ритуалов, например поклонение яблокам (плодам), божествам земли, богам — покровителям профессий; гадания и заклинания; молитвы священников на похоронах, в годовщины смерти, отмечаемые вьетнамцами; практика фэншуй; похоронные обряды и пр.

В-пятых, изучение исторических и современных даосских культовых сооружений. Обследование показывает, что, хотя даосские культовые учреждения утратили первоначальные функции, однако религиозная деятельность, связанная с ними, до сих пор продолжает осуществляться, например поклонение многим типичным персонажам даосизма. Из-за нехватки времени и бюджета автор изучил только пять существующих даосских религиозных учреждений (в основном на севере Вьетнама) — храмы Нгок Шон, Куан Тхань, Бить Кау, Донг Тиен и Линь Тиен.

Результаты исследования

Влияние даосизма на культ предков (Tín ngưỡng thờ cúng tổ tiên)

Конфуцианство заложило во вьетнамском культе предков теоретические основы морали, общественного порядка и дисциплины; влияние буддизма коснулось понятий смерти, реинкарнации и кармы. Вклад же даосизма заключается в укреплении веры в существование душ умерших и их сверхъестественную силу через ритуалы поклонения: вызов духов,

заклинания, похороны, обряды у могил, сжигание votивных записок [Nguyễn Duy Hinh 2003; Vũ Hồng Vân 2017].

Одним из ритуалов поклонения предкам, который рассматривается как проявление даосизма, служит церемония «Trai tiếu bặt đờ» («Оправдание умершего»). В ней присутствуют такие действия, как прикладывание угля к лицу и вымазывание грязью, что должно символизировать покаяние за умерших. Церемония «Trai tiếu bặt đờ» в культе предков вьетнамского народа должна способствовать доброй воле и наказывать зло. Однако этот обряд не проводится регулярно, а только если в семье есть «могилы и пещеры», т.е. на семью обрушились несчастья [Vũ Hồng Vân 2017, Vu Hong Van 2020b]. Если в семье случаются серьёзные беды, люди связывают это с умершими предками и часто прибегают к обряду «Trai tiếu bặt đờ» (часто лишь к отдельным его ритуалам). Возможно, церемония «Trai tiếu bặt đờ» по основному даосскому назначению имеет несколько иную цель. Так, один из ритуалов этой церемонии — «Khai ngục trị đàn», демонстрирует, что люди не только знают обряды других религий, но и трансформируют их в соответствии со своими представлениями, соединяя с основной даосской церемонией.

Проявление даосизма в поклонении предкам также отражено в концепции рождения и смерти. Согласно народным поверьям, после того как душа покидает тело, умерший должен пройти через десять Великих адов, подчиняющихся правителям подземного мира. Вьетнамцы считали, что наказание души после смерти направлено на содействие добру и искоренение зла. Это обеспечивается через правителей подземного мира, которым помогают их подручные — 88 дьяволов.

К похоронам умерших членов семьи относятся очень почтительно. Организация похорон зависит от достатка семьи, но в любом случае похороны стараются провести достойно, в соответствии с постулатом: «когда ты умрёшь, твоё тело будет погребено в земле, кости растворятся в земле, а душа, ярко сияя, взлетит высоко на небеса». Отношение к умершим также связывает конфуцианскую «сыновнюю почтительность» с представлением о «смерти как рождении, смерти как существовании». Быть почтительным по отношению к своим родителям после их смерти все равно что быть почтительным к ним при их жизни [Trần Văn Giàu 1973, 1983; Nguyễn Duy Hinh 1997].

Поклонение предкам во время похорон и соблюдения траура также отражает даосские представления. Считается, что жизнь человек связана с определённой звездой на небе: когда звезда гаснет, человек умирает. Вьетнамцы говорят, что звезды определили время смерти человека (отца, матери) очень рано. Также в соответствии с даосской концепцией смерть связана со стремлением в сказочное царство фей, поэтому во время похоронных служб часто встречается словосочетание «Vòng lai tiên cảnh» («Обитель блаженных душ»).

«Поклонение предкам означает священную веру в то, что их души охраняют живых и молятся за них, благословляют и защищают потомков в делах и в повседневной жизни» [Nguyễn Duy Hinh 2003: 191]. Погребальные предметы, найденные в древних гробницах, свидетельствуют о вере в то, что умершие и после смерти будут оказывать влияние на потомков. У вьетнамцев есть множество поговорок, подчеркивающих важность признания заслуг предков.

В культе предков содержание могилы имеет важное сакральное значение. В конце года дети и внуки обязательно отправляются привести в порядок и украсить родные могилы, возжечь благовония, чтобы пригласить своих предков вернуться отпраздновать Тет

(вьетнамский Новый год по лунному календарю). Если в семье что-то не ладится, то сразу приходит мысль о могилах предков, и потомки должны принести подношения местности, где находится могила.

Поклонение предкам — это выражение благодарности тем, кто тебя родил, и в этой благодарности кроется мировоззрение вьетнамского народа. Вьетнамцы верят, что появление на свет и вся жизнь человека в немалой степени определяется предками. Поэтому живые должны быть благодарны родным, ушедшим в мир иной. Именно эта благодарность помогает детям и внукам поддерживать родственные связи, держаться вместе и уметь жить друг для друга и для всех окружающих. Это основа гармонии общества, которая создаёт узы солидарности для всей нации.

Помимо даосизма у вьетнамцев существует целый сонм божественных существ, управляющих всеми сферами жизни. В народном сознании вера в духов предков также свидетельствует об их обожествлении и соответственно их способности из иного мира помогать своим детям.

Автор отнюдь не намерен полностью отрицать влияние религии на жизнь вьетнамцев. Фактически в каждой вьетнамской семье, вне зависимости от вероисповедания, незаменимым предметом обстановки является родовой алтарь. В полнолуние, в первый день каждого месяца, в годовщину смерти предков дети и внуки должны возжигать благовония и молить предков о даровании здоровья и благополучия.

Использование и преобразование вьетнамцами ритуалов различных конфессий в повседневной религиозной практике также является способом защиты истинных национальных ценностей, прежде всего патриотизма. Вьетнамский народ подтверждает неизменную истину всех времён: каждая семья обеспечивает существование и развитие всей нации. Иначе говоря, культ предков с его сакральным смыслом создал эндогенную основу для всей нации.

Влияние даосизма на культ Богини-матери (Tín ngưỡng Thờ Mẫu)

Культ Богини-матери — сугубо вьетнамское популярное народное верование с долгой историей, адаптированное к изменениям во вьетнамском обществе. В основе поклонения Богине-матери лежит восхищение и преклонение перед божествами, связанными с природными явлениями, вера в то, что Вселенная населена божествами неба, земли, рек, лесов, гор и т. д., обладающих силой помочь и защитить человека; а также почитание правительниц-женщин, которые заслужили уважение подданных своими добрыми делами и после своей смерти помогали народу достичь процветания.

Культ Богини-матери занимает особое место в духовной жизни вьетнамцев. Это духовная потребность части народа, существовавшая на протяжении всей истории и продолжающая существовать в наши дни. «Mẫu» («Мать») — образ, символ и кристаллизация живой духовной и культурной жизни вьетнамского народа [Trần Ngọc Thêm 2000; Nguyễn Khắc Thuần 2004; Vu Hong Van 2020a; Vu Hong Van 2022]. Однако это явление ставит немало проблем перед учёными, исследующими самые разные стороны жизни общества. Поклонение Матери, помимо прочего, отражает богатую и привлекательную фольклорную составляющую культуры, вызывает у людей эмпатию к культурным ценностям, что способствует укреплению чувства общности вьетнамской нации.

В начале проникновения чужих культур, особенно конфуцианства, женские персонажи, обладавшие магическими способностями, воспринимались каждая по отдельности. Иначе говоря, ещё не сформировалась какая-то единая генеалогическая система, наподобие существовавшей в обществе. Когда в страну проник даосизм, вьетнамцы познакомились с родословной феи, что помогло институционализировать «небесный двор Mẫi». Культ Богини-матери быстро сформировался в виде собственной «небесной семьи». «Культ Богини-матери — вот где даосизм проявляет своё наибольшее влияние» [Phan Ngọc 2002: 332]. Однако поклонение Богине-матери не является религией: оно фрагментарно, не имеет ни церкви, ни главы, то есть его можно считать только народным верованием.

Влияние даосизма в культе Богини-матери впервые проявилось в ритуале «hầu đòng». Феномен «hầu đòng» связан с обычаем поклонения богиням-матерям. Мальчики в возрасте до 10 лет молятся богам, чтобы те спустили перо даосской феи. Через молитву духи входят в ребёнка и подают сигналы, либо выводя слова на песке, либо чревоуеща загадочные слова. Даосы по этим словам толкуют волю богов и святых [Там же: 126]. Этот ритуал похож на «lên đòng» («выход в поле»). Понятие, сходное с «lên đòng», известно во многих частях мира. Считается, что после смерти остаётся душа, и эта душа продолжает существовать и может общаться с живыми людьми через медиумов. «Душа уже не тело, а всего лишь тень. Эта тень занимает тело статуи, например, чтобы проявить себя» [Там же: 333].

Таким образом, «выход в поле» понимается как проявление гласа богов и как выражение желаний умерших. «Исследователи религии считают это формой шаманизма, распространённой во многих частях древнего мира, разновидностью культа племенного бога. В то время божественная сфера не была столь разнообразна и сложна, как позже, общество просто делили на людей и богов в соответствии с их деятельностью. Людям было необходимо умножить свою силу, чтобы контролировать диких зверей, это можно было сделать, только заимствуя силу богов. Люди мечтали, стремились стать богами, хотели знать то, что знают боги» [Phan Đăng Duy 2002: 159].

Исторические события во Вьетнаме при феодальных династиях, особенно начиная с XVI—XVII вв., показывают, что общество пребывало в смятении: повсюду были грабежи и убийства, в страну вторгались иноземные захватчики и т. п. [Trần Quốc Vượng, Hà Văn Tấn 1960]. Всё это разоряло население, особенно крестьян. И какой же вере надо было следовать беднякам? Конфуцианские феодальные устои обязывали женщин придерживаться крайне суровых норм [Vu Hong Van 2020a], буддизм также не мог улучшить ситуацию [Nguyễn Tài Thu 1997; Vu Hong Van, Nguyen Trong Long 2020]. Вьетнамцы могли обратиться только к священной вере, существовавшей на протяжении многих поколений, — поклонению Богине-матери. Однако недостаточно просто возжигать благовония, молиться и делать подношения. Жизненный опыт, подсознательная вера и убежденность мотивировали людей обрести божественные способности, силу Богини-матери, чтобы быть в состоянии решать трудные насущные проблемы. Поэтому появился ритуал «выхода в поле» для молений, обращённых к Матери, возникший ещё во времена родоплеменных отношений. Его также можно рассматривать как разновидность даосской магической молитвы «giáng bút» о волшебном превращении. Однако будет неправомерно связывать культ Богини-матери с колдовством, последнее было переосмысленно верующими как божественная помощь свыше.

Влияние даосизма на поклонение богу-покровителю местности (Tín ngưỡng thờ Thành Hoàng Làng)

В сознании многих вьетнамцев бог-покровитель местности — это божество, защищающее деревню, мало кто считает, что есть бог-покровитель всей страны. Бог-покровитель вьетнамской деревни — это бог, которому раньше поклонялись люди, а затем правитель присвоил ему титул Тхань Хоанга.

В представлении вьетнамских сельских жителей общинный дом занимает важное место в деревне. Бог-покровитель местности может благословить и помочь сельчанам в трудную минуту. Сельское население увеличивалось, несмотря на взлёты и падения как в жизни страны, так и деревни. Бог-покровитель местности не исчез и стал неоспоримым доказательством существования деревни при всех её радостях и горестях [Nguyễn Duy Hinh 2003; Vũ Hồng Vân 2017].

Как и другие народные верования, вера в бога-покровителя местности не избежала влияния иноземных религий и верований. Влияние даосизма на поклонение богу-покровителю местности имело свои особенности.

Во-первых, это восприятие сказочных персонажей. В концепции даосизма необыкновенные люди — это те, кто обладает волшебной магией, умеет прыгать в облаках и может летать; кто взмывает в небеса верхом на облачном драконе и парит над горами; кто становится невидимым, может исчезать и появляться, так что никто этого не замечает и т. п. [Ho Fusan 1995; Vu Hong Van, Nguyen Trong Long 2019]. Или феи с сияющими, как жемчуг, лицами, в изысканных одеждах, с улыбками, как искрящийся ручей, и т. д. [Chi-Yü, Chao-Peng 1991]. Рассказы о подобных существах очень характерны для даосизма. Сказочные персонажи часто имеют необычное происхождение. Если это фея, то ей предстоит пройти очень сложный процесс обучения и экзаменов. Если они впервые перевоплощаются в человека, то обычно совершают ошибки, их отправляют на Землю, и они должны испытать немало горечи и унижений, прежде чем вернуться в сказочный мир. «Хорошие люди превращаются в фей, феи оступают и становятся людьми» [Nguyễn Duy Hinh 1997; Vũ Hồng Vân 2017]. Можно упомянуть некоторых типичных даосских персонажей, таких как Ли Тхьет Куай, Тьонг Ли Куен, Ха Тиен Ко, Лам Тхай Хоа, Ла Донг Тан, Чьонг Куа Лао, Хан Тьонг Ты и Тао Куок Кыу (восемь бессмертных).

Почти во всех легендах о боге-покровителе местности героя всегда наделяют многими способностями, прежде чем присвоить ему этот ранг. Он мог многое из того, чего не могли простые смертные, например, вызывать ветер или дождь, посещать мир богов, читать в душах людей, произносить магические заклинания, чтобы помочь жителям данной местности. Такому персонажу начинали поклоняться сельские жители и предлагали феодальному правителю сделать его богом-покровителем местности.

Во-вторых, это определение пространства и времени. У легенд о боге-покровителе местности и даосизма много общего. В «Чан Као» Дао Хоанг Каня люди, феи и демоны находятся в трёх разных пространствах: в верхнем находятся феи, в среднем — люди, а в нижнем — демоны: «Это, как и явления на небесах и земле, их нельзя ограничить чем-то определенным. Мыслящий человек считает, что и в царстве мрака есть три взаимосвязанные части. Наверху — феи, посередине — люди, а внизу — демоны. Добрые люди превращаются в фей, феи с дурными намерениями становятся людьми, гнусные люди превращаются в призраков, а добродушные демоны снова становятся людьми. Демоны подражают людям,

люди подражают феям, идёт постоянное движение туда-сюда. Поэтому нет большой разницы между небом и землёй» [Lagerwey 1987]. В отношении некоторых богов-покровителей, помимо упомянутого определённого времени (например, дата основания общинного дома), также присутствует расплывчатый образ пространства. В этом пространстве и времени трудно что-либо определить конкретно. Иногда дует ветер, иногда небо и земля затянуты облаками, время исчисляется десятилетиями; боги-покровители могут уйти в «мгновение ока» и т.д.

Во многих легендах о божественном покровителе местности действуют персонажи из времён правления королей Хунгов, которые могут преодолевать пространство и время, чтобы воссоединиться. Эти новые герои придают захватывающую интригу легендам о божественном покровителе местности.

Заключение

Верованиями можно обозначить убеждения в истинности и преклонение людей перед мистическими, сверхъестественными силами. Люди верят, что эти силы влияют и управляют человеческой жизнью и судьбой, и, объединившись в своей вере, образуют сообщество единомышленников. Несмотря на наличие некоторых элементов, заимствованных из иностранных религий, ценность этих верований нельзя отрицать по нескольким причинам.

Во-первых, культ предков касается образа жизни, а не религии. В нём нет конфессиональной атрибутики — учения, церкви и священников. Он сосредоточен не на уходе после смерти в рай или ад, а на отношении к умершим предкам: их убогатворении или высказывании упреков либо просьб. Это создаёт условия для сохранения сакрального пространства и традиционной культурной среды, а также имеет большое воспитательное значение — дети помнят и знают своих предков.

Во-вторых, поклонение Богине-матери чётко отражает сознание вьетнамского народа. Нация, которая всегда стремится к миру, простой жизни, жизни с семьёй в доме, где царит материнская любовь, создаёт образ обычных матерей, обладающих невероятными качествами. Особенно отмечают их безмерная любовь к своим детям и порождённая этой любовью невероятная материнская сила, используемая с одной целью — защитить своих детей и духовные ценности нации.

В-третьих, вера в бога-покровителя местности — это творение вьетнамских крестьян, прошедшее испытание у многих поколений. В настоящее время вьетнамское общество вступило в период индустриализации и модернизации, но нельзя отрицать, что вера в бога-покровителя местности привносит важные ценности в духовную жизнь сельских жителей.

Список литературы

- Ho Fusan* (ed). Great Chinese Taoism dictionary. Beijing: Social Science, 1995.
- Chi-Yü Jen, Chao-Peng Chung* (eds.). Tao-tsang t'i-yao [Чи-Ю Джен, Чао-Пенг Чанг. Аннотация к книге «Даосский канон»]. Peking: Chung-kuo she-hui k'o-hsüeh ch'u-pan she, 1991. (На кит. яз.)
- Lagerwey J.* Taoist ritual in Chinese society and history. New York: Macmillan, 1987.
- Lịch sử văn hóa Trung Quốc [История китайской культуры]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin, 1999. (На вьетн. яз.)
- Nguyễn Duy Hinh.* Tín ngưỡng Thành hoàng làng của người Việt Nam [Нгуен Зуи Хинь. Вера вьетнамцев в бога-покровителя деревни]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin, 1997. (На вьетн. яз.)
- Nguyễn Duy Hinh.* Người Việt Nam với Đạo giáo [Нгуен Зуи Хинь. Вьетнамцы и даосизм]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 2003. (На вьетн. яз.)

Nguyễn Duy Hinh. Sinh hoạt tinh thần của người Việt Nam [Нгуен Зуи Хинь. Духовная жизнь вьетнамцев]. Hà Nội: Nxb. Từ điển Bách khoa, 2007. (На вьетн. яз.)

Nguyễn Khắc Thuần. Đại cương lịch sử văn hóa Việt Nam [Нгуен Кхак Туан. Очерк истории вьетнамской культуры]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 2004. (На вьетн. яз.)

Nguyễn Tài Thu. Ảnh hưởng của hệ tư tưởng và tôn giáo với người Việt Nam ngày nay [Нгуен Тай Ту. Влияние идеологии и религии на вьетнамцев сегодня]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 1997. (На вьетн. яз.)

Nguyễn Trọng Chuẩn chủ biên. Lịch sử tư tưởng triết học Việt Nam [История вьетнамской философской мысли /Под ред. Нгуен Чонг Тюана.]. Hanoi: Nxb. Khoa học Xã hội, 2006. (На вьетн. яз.)

Phan Đăng Duy. Văn hóa tinh thần [Фан Данг Зуи. Духовная культура]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin, 2002. (На вьетн. яз.)

Phan Ngọc. Nhận diện văn hóa Việt Nam [Фан Нгок. Знакомство с вьетнамской культурой]. Hà Nội: Nxb. Văn học, 2002. (На вьетн. яз.)

Trần Ngọc Thêm. Cơ sở văn hóa Việt Nam [Чан Нгок Тхем. Основы вьетнамской культуры]. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 2000. (На вьетн. яз.)

Trần Văn Giàu. Triết học và tư tưởng [Чан Ван Зяу. Философия и мысль]. Nxb. Tr. Hồ Chí Minh, 1983. (На вьетн. яз.)

Trường Đại học Sư phạm. Taoist and Culture [Педагогический университет. Даосизм и культура]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin, 2000. (На вьетн. яз.)

Vu Hong Van. Beliefs worship the village's Tutelary god in the beliefs life of Vietnamese people // Humanities and Social Sciences. 2019. No. 7 (5). P. 156–164. <https://doi.org/10.11648/j.hss.20190705.12>

Vu Hong Van. Origin of worshipping the Mother Goddess in Vietnam // Asian Research Journal of Arts and Social Sciences. 2020a. No. 10 (2). P. 10–29. <https://doi.org/10.9734/arjass/2020/v10i230142>

Vu Hong Van. From the belief of the immortality of the soul, the blessing or the harassing of the soul towards people to the worship of the souls of Vietnamese people // Asian Social Science. 2020b. No. 16 (3). P. 1–11. <https://doi.org/10.5539/ass.v16n3p1>

Vu Hong Van. Redefining the position of Daoism (Taoism) in Vietnamese history from the 2nd century to the 9th century // Research Journal of Arts and Social Sciences. 2020c. No. 10 (3). P. 54–60. <https://doi.org/10.9734/arjass/2020/v10i330151>

Vu Hong Van. Education Patriotism From Education Of Traditional Cultural Values. Synesis. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 119–134. <https://seer.ucp.br/seer/index.php/synesis/article/view/2196>

Vu Hong Van, Nguyen Trong Long. Identify the values of ancestor worship belief in the spiritual life of Vietnamese people // International Journal of Philosophy. 2019. No. 7 (4). P. 60–66. <https://doi.org/10.11648/j.ijp.20190704.14>

Vũ Hồng Vận. Đạo Giáo và những biểu hiện trong tín ngưỡng dân gian của người Việt Nam [Бу Хонг Ван. Даосизм и его проявления во вьетнамских народных верованиях]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật, 2017.

Vũ Hồng Vận. Tín ngưỡng thờ Mẫu trong đời sống tinh thần của người Việt Nam [Бу Хонг Ван. Поклонение Богине-Матери в духовной жизни вьетнамцев]. Hà Nội: Nxb. Công an Nhân dân, 2019.

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2022.64-261036

О ПРОБЛЕМАХ НАПИСАНИЯ ВЬЕТНАМСКИХ ТОПОНИМОВ И АНТРОПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Никулина¹

Аннотация. С развитием Интернета, поисковых систем, наукометрии единый стандарт написания имён собственных, к которым относятся топонимы и антропонимы, приобретает особую значимость. Целью данной статьи является установление такого стандарта для статей, принимаемых для публикации в изданиях ЦИВАС ИКСА РАН. На основе изучения правил, установленных в предыдущие годы, даются рекомендации по передаче вьетнамских букв и их сочетаний при написании топонимов и антропонимов на русском языке, написанию вьетнамских имён и оформлению библиографических ссылок.

Ключевые слова: вьетнамский язык, русский язык, практическая транскрипция, топонимы, антропонимы, храмовые имена.

Для цитирования: *Никулина Е. В.* О проблемах написания вьетнамских топонимов и антропонимов в русском языке // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 61–69.

Дата поступления статьи: 15.11.2022

Дата поступления в переработанном виде: 01.12.2022

Принята к печати: 05.12.2022

Введение

С изменением геополитической ситуации и осуществлением «поворота России на Восток» Вьетнам попадает в центр внимания российских официальных лиц, бизнесменов, учёных. Становится больше публикаций об этой стране. Основная часть научных работ о Вьетнаме готовится и издается Центром изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии (ЦИВАС ИКСА РАН), в т. ч. в выпускаемом им электронном журнале «Вьетнамские исследования». Авторами статей по политологии и экономике, демографии и истории, религии, культуре и филологии являются не только российские учёные из разных регионов страны, но и исследователи из Вьетнама, Австралии, Франции и других стран. В их работах упоминается большое количество вьетнамских топонимов и антропонимов. И если в статьях на английском языке эти слова повторяют вьетнамское написание, только, как правило, без диакритических знаков, то авторы, пишущие на русском языке, а также переводчики англоязычных статей должны придерживаться определённых правил написания

¹ Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

вьетнамских географических названий и имён. С развитием Интернета, поисковых систем, наукометрии единый стандарт написания имён собственных, к которым относятся топонимы и антропонимы, приобретает особую значимость. Целью данной статьи является установление такого стандарта для статей, принимаемых для публикации в изданиях ЦИВАС ИКСА РАН.

Полемика вокруг способов передачи иноязычных собственных имен в русском языке велась многие годы. Одни учёные (А. А. Реформатский, Б. А. Старостин, А. В. Суперанская и др.) считали, что они должны заимствоваться с помощью практической транскрипции, за исключением тех из них, которые традиционно бытуют в языке в транслитерированном виде, другие (О. О. Сорокина, А. В. Фёдоров) ратовали за транслитерацию как ведущий способ передачи иноязычных собственных имен, а третьи признавали смешанный способ, сочетающий первые два.

Все три варианта присутствуют и при передаче на русском языке вьетнамских названий и имён. Но всё же основным способом является транскрипция. Первый опыт создания русской транскрипции для вьетнамских слов принадлежит Дж. Минину (Нгуен Кхань Тоану) — автору первого учебника вьетнамского (тогда его называли аннамитским), вышедшего в Ленинграде в 1933 г. Стройная система вьетнамско-русской практической транскрипции была разработана Т. Т. Мхитарян и опубликована в её книге «Фонетика вьетнамского языка» [1959]. Свой вариант транскрипции был предложен профессором Г. П. Сердюченко в книге «Русская транскрипция для языков зарубежного Востока» [1961]. На основе транскрипции Т. Т. Мхитарян в 1967 г. была написана «Инструкция по передаче на картах географических названий Вьетнама», которая с некоторыми изменениями и дополнениями стала базой для создания «Инструкции по русской передаче географических названий Вьетнама» [1973], изданной Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии (ЦНИИГАиК). В этой книге учитывались выводы работы Т. Т. Мхитарян «Особенности передачи вьетнамских топонимов средствами русской графики» [1962] и статьи Э. М. Мурзаева «Географические названия Вьетнама» [1969]. В 1988 г. на основе «Инструкции» ЦНИИГАиК издал «Словарь географических названий Вьетнама», как написано в предисловии, «с целью установления единого научно обоснованного написания по-русски топонимов Вьетнама на картах, в прессе, в научной и справочной литературе, а также в других изданиях Советского Союза» [Словарь 1988: 3].

В новом веке этого вопроса коснулись переводчики и комментаторы главной вьетнамской летописи – «Полного собрания исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы)». В первом томе этого эпохального труда, вышедшем в 2002 г., они установили правила передачи имен, названий и терминов, использованные при переводе текста «Тоан тхы». В 2014 г. в книге «Экология внутренних вод Вьетнама» появилась статья Д. Д. Зворыкина «Передача географических названий Вьетнама на русском языке». Вопросы транскрибирования вьетнамских имён поднимает М. А. Сюннерберг в работе «Система вьетнамских имён и фамилий» [2014]. К вопросам написания вьетнамских антропонимов и топонимов обратился и И. В. Бритов в своей замечательной книге «Как понять язык потомков дракона» [2021]. Он предложил некоторые изменения в систему практической транскрипции Т. Т. Мхитарян.

Предлагаемые правила написания вьетнамских топонимов и антропонимов на русском языке

В настоящей статье мы публикуем созданные на основе всего вышеизложенного правила, которых предлагается придерживаться в передаче вьетнамских топонимов и антропонимов в статьях, публикующихся в изданиях Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН. Расхождения с уже имеющимися вариантами будут отмечены и прокомментированы отдельно. Все двусложные и многосложные вьетнамские географические названия по-русски пишутся в одно слово.

Вьетнамское написание, примеры	Русское написание, примеры	Примечания
<p>a ă â Ma, Lâm Thao, Cầu</p> <p>a ă â Nha Trang, Chàm Chù, Gia Hội</p>	<p>а, Ма, Ламтхао, Кау</p> <p>я Нячанг, Тямтю, Зяхой</p>	<p>кроме случаев употребления после сочетаний букв <i>nh, ch, gi</i> в словах с <i>Tây</i> — э <i>Tây Ninh</i> — Тэйнинь в словах с <i>Plây</i> — е <i>Plây Cu</i> — Плейку</p> <p>после сочетаний букв <i>nh, ch, gi</i></p>
<p>b Bắc Bộ</p>	<p>б Бакбо</p>	
<p>c Cà Mau</p>	<p>к Камау</p>	
<p>ch Bạch Mã, Bích</p> <p>ch Chứa Chan</p> <p>ch Chàm Chu, Châu Phú, Cheo Reo, Chợ Gạo, Chí</p>	<p>ть Батьма, Бить</p> <p>ть Тъятян</p> <p>т Тямтю, Тяуфу, Теорео, Тёгао, Ти</p>	<p>на конце слога</p> <p>перед <i>и</i></p> <p>перед остальными гласными (для смягчения согласного по-русски используются гласные <i>и, е, ё, я, ю</i>)</p>
<p>d Hải Dương, Dĩnh</p>	<p>з Хайзыонг, Зунг</p>	
<p>đ Đắc Lắc, Đức</p>	<p>д Даклак, Дык</p>	

<p>e, ê Bé, Chê, Nghiêm, Nguyệt,</p> <p>e, ê Én, Hué</p>	<p>e Бе, Те, Нгием, Нгует</p> <p>э Эн, Хюэ</p>	<p>после согласных и в сочетаниях <i>iê</i> и <i>уê</i></p> <p>в начале слова и после гласных</p>
<p>f Fiji</p>	<p>ф Фиджи</p>	
<p>g Gành Rai</p>	<p>г Ганьрай</p>	<p>везде, за исключением положения перед <i>i</i> и <i>e, ê</i></p>
<p>gh Ghép</p>	<p>г Геп</p>	<p>перед <i>e, ê</i></p>
<p>gi Gia Ray, Gió, Giôn, Giéng Đày</p>	<p>з Зярай, Зё, Зён, Зиенгдай</p>	<p>перед <i>a, ă, o, ô</i>, которые для смягчения согласного по-русски записываются как <i>я, ё</i> с дифтонгом <i>iê</i> читается как <i>зие</i></p>
<p>h Hòa Bình</p>	<p>х Хоабинь</p>	
<p>i, y Binh Đình, Nà Nghịu, Quy Hóa</p> <p>i, y Hội An</p>	<p>и Биньдинь, Нангиу, Куихоа</p> <p>й Хойан</p>	<p>после согласных; в слогах <i>qui (quy), hui (huy), khui (khuỵ), thui (thui)</i></p> <p>после гласных</p>
<p>iê Diền Vọng</p>	<p>ие Зиенвонг</p>	<p><i>Исключения:</i> Việt Nam — Вьетнам Điện Biên Phủ — Дьенбьенфу Ngô Đình Diệm — Нго Динь Зьем</p>
<p>k Kiên Giang</p>	<p>к Киензянг</p>	
<p>kh Khoai Lang</p>	<p>кх Кхоайланг</p>	

l Lai Châu	л Лайтяу	
m Minh Sơn	м Миньшон	
n Nam Định	н Намдинь	
ng Quảng Nam	нг Куангнам	
ngh Nghệ An	нг Нгеан	перед <i>e, ê, i, u</i>
nh Vĩnh, Như Xuân	нь Винь, Ньысуан	в конце слога и перед <i>и</i>
nh Nhé, Nhơn Hòa, Nhu Gia	н Не, Нёнхоа, Ньюзя	перед <i>e, ê, o, ô, ơ, i, u</i> , которые для смягчения согласного по-русски записываются как <i>e, ẽ, и ю</i>
o, ô, ơ Ngọc Sơn, Cần Thơ	о Нгокшон, Кантхо	езде, кроме кроме случаев употребления после <i>ch, nh, gi</i>
o, ô, ơ Chợ Mới, Gio Linh	ө Тёмой, Зёлинь	после <i>ch, nh, gi</i>
p Hiệp Hòa	п Хиепхоа	в начале слога встречается только в иноязычных словах Pa Mам — Памам
ph Phú Thọ	ф Футхо	
q Quy Nhơn	к Куинён	
r Ráng	ж Жанг	
r Rạch Sỏi	р Ратьшой	в географических названиях Центрального и Южного Вьетнама

s Sông Bé, Nghiêm Sơn	ш Шонгбе, Нгиемшон	Исключение: Sài Gòn — Сайгон
t Tam Đảo	т Тамдао	
th Thái Bình	тх Тхайбинь	
tr Trung Bộ	ч Чунгбо	
u Nhu Quan, Huế, Thui Phả u Kon Tum, Thái Nguyên, Quy Nhơn	ю Нюкуан, Хюэ, Тхюифа у Контум, Тхайнгуен Куинён	после <i>ch, nh, gi</i> , а также в сочетаниях <i>uê, ui, uy, uyê</i> после <i>h, kh, l, th, x</i> в остальных случаях
ư Tương Dương	ы Тыонгзыонг	после <i>ш</i> также пишется <i>ы</i> Sùng Trâu – Шынгчау
v Vĩnh Phú, Văn	в Виньфу, Ван	
x Xuân Long	с Суанлонг	
y Mỹ Tú, Quỳnh Lưu y Yên Châu, Mây	и Миту, Куиньлыу й Йентяу, Май	после согласных и в сочетании <i>иу</i> в начале слога и после гласных, кроме <i>и</i> в сочетании букв <i>иуê</i> не произносится Nguyễn — Нгуен

Прокомментируем те моменты, которые отличаются от других подобных правил.

В последнее время появилась тенденция передавать на русском языке мягкие вьетнамские согласные *ch, nh, gi* с помощью мягкого знака. Премьер-министр СРВ Фам Минь Тинь превратился в Фам Минь Тьяня, город Куинён в Куиньон и т.д. Такой вариант. В частности, предлагают переводчики «Тоан тхы» и И. В. Бритов [Бритов: 71]. Мы думаем, что

стоит всё же сохранить вариант, предлагаемый «Инструкцией по русской передаче географических названий Вьетнама», когда мягкость согласных обозначается следующими за ними буквами е, ё, и, ю, я. Этот вариант наиболее близок особенностям русского произношения. Единственный случай, когда для обозначения мягкости согласного требуется мягкий знак — перед буквой *и*, чтобы отобразить мягкость согласного перед звуком, не смягчающим его. Как правильно отметил М. А. Сюннерберг, в русском языке невозможно правильно отразить различия в произношении *tí* и *chí*, согласный звук всё равно будет смягчён следующим за ним гласным «и» (например, *tién* и *chién* по-русски звучат одинаково). Для идентификации топонима или антропонима в научной статье обязательно следует при первом упоминании давать в скобках вьетнамский вариант [Сюннерберг: 60].

Во вьетнамском языке имеется большое количество топонимов с дифтонгом *ié*. «Инструкция по русской передаче географических названий Вьетнама», а вслед за ней и другие издания предлагают передавать это сочетание букв как «ье». Самые известные примеры — Вьетнам, Дьенбьенфу, Нго Динь Зьем. Но некоторые исследователи считают, что так нужно отображать только дифтонги в словах с «тяжёлым» тоном или предшествующие финалям *p*, *t*, *c*, *ch*, «стягивающим», укорачивающим дифтонг, а в других случаях следует писать «ие» [Сюннерберг: 61]. Но мы, вслед за И. В. Бритовым, полагаем, что это усложняет процесс передачи вьетнамских имён собственных на русский язык и в ряде случаев искажает картину вьетнамского произношения, как например, со словом *Tiêp*, которое звучат совсем не «тьеп», как его предлагают писать по-русски [Бритов: 67–74]. К тому же русскому человеку сложно произносить согласную, смягчённую мягким знаком, за которой следует йотированная гласная «е». Поэтому мы предлагаем все вьетнамские имена собственные, в которых есть дифтонг *ié*, по-русски передавать с сочетанием букв «ие». Но те топонимы и антропонимы, которые уже прочно вошли в обиход и давно используются в научном, политическом и информационном пространстве, конечно, должны употребляться в привычном виде. К ним относятся «Вьетнам» и все его производные, «Дьенбьенфу» — место сражения, определившего исход Первой Индокитайской войны, и имя первого президента Республики Вьетнам Нго Динь Зьема.

Сложности вьетнамского имени

Прежде чем принять нынешний вид в русском языке, вьетнамские имена претерпели много изменений. Об этом достаточно полно рассказывается в работе М. А. Сюннерберга [Сюннерберг 2014]. Наконец, пришли к решению писать вьетнамское имя отдельно, каждый элемент имени с прописной буквы (например, Фан Ван Донг). Но вьетнамец, в отличие от представителей подавляющего большинства национальностей, не ограничивается одним именем, их у него на протяжении жизни несколько. Особенно это относится к правителям государства. В истории они запечатлены, как правило, по своему посмертному храмовому имени, например, Ле Тхань-тонг. Кроме того, их именуют по названию эры правления, особенно это касается последней вьетнамской династии Нгуен. Её первый император Фук Ань, получивший храмовое имя Нгуен Тхе-то, более известен по названию эры своего правления *Зя-лонг*. В научной и справочной литературе встречается два варианта употребления храмового имени и названия эры правления: как обычные имена — каждый элемент отдельно с прописной буквы (Ле Тхань Тонг, Зя Лонг) и с использованием дефиса, которым присоединяется последний элемент (Ле Тхань-тонг, Зя-лонг). Мы предлагаем в

статьях для изданий ИКСА РАН использовать правила написания, использованные переводчиками и редакторами «Дайвьет шы ки тоан тхы» [Полное собрание... 2002: 54–55]. Согласно этим правилам, в храмовых именах императоров первые два элемента пишутся с прописной буквы, третий — через дефис, например, Ле Тхань-тонг, Ле Тхай-то. Названия эр правления пишутся следующим образом: двусложные — первый элемент с прописной буквы, второй — через дефис, всё курсивом, например, *Кань-хынг*, *Хонг-дык*; многосложные — с разделением на двусложные смысловые компоненты, каждый из компонентов через дефис и отдельно от остальных, первый из компонентов с прописной буквы, всё курсивом, например, *Тхиен-кам ти-бао*. Именные титулы знатности пишутся так: именная часть титула (слитно), дефис, название титула (курсивом, слитно): например, *Тай-выонг*, *Зунг-куокконг*, *Тхуатзыонг-хау*. При первом упоминании имён и титулов следует упомянуть их вьетнамский оригинал.

Как попасть в научные базы данных

Еще одна проблема, которую мы хотели бы затронуть в этой статье, — написание имён при цитировании источников. Правильно составленные списки литературы в научных статьях очень важны, т. к. благодаря им определяются различные рейтинги как научных изданий, так и самих учёных. В иностранных англоязычных изданиях вьетнамские имена «американизируют», в списках литературы часто оставляя полностью лишь фамилию, а средний элемент и имя употребляя в виде инициалов: *Nguyễn Anh Hùng* превращается в *Nguyen A. H.* А если в тексте статьи встречаются ссылки на произведения разных учёных, но носящих эту самую распространённую во Вьетнаме фамилию, а иногда и имеющих совпадающие инициалы, то путаница неизбежна. Причём и сами вьетнамские исследователи при публикации в зарубежных журналах часто пишут своё имя на западный лад, ставя имя на первое место, а фамилию на последнее. И тогда в списке литературы вместо *Lê Thị Nguyễn* (все имена взяты в качестве примера) появляется *Nguyen T. L.*, и понять, кто это, подчас весьма затруднительно.

В изданиях ИКСА РАН на русском языке имена вьетнамских учёных следует писать полностью, как они пишутся по-вьетнамски: фамилия, средний элемент, имя. В списках литературы, если статья напечатана во вьетнамском издании, имя учёного должно быть передано со всеми диакритическими значками. Если статья в издании ИКСА публикуется на английском языке, то вьетнамские антропонимы и топонимы в тексте пишутся без диакритических знаков, но при первом упоминании в скобках приводится вьетнамское название или имя в оригинале.

Заключение

Язык — живой, постоянно развивающийся организм. Откликаясь на изменения окружающего мира, он меняется сам, изменяя все свои составляющие: фонетику, лексику, грамматику, графику, в т. ч. и меняются принципы отражения в нём заимствованных слов. Но развитие Интернета, социальных сетей, поисковых систем, хэштегов и т. д. как никогда ранее обострило вопрос унификации, единых стандартов, общих правил. В данной небольшой статье мы предприняли попытку внести некоторые изменения в правила написания вьетнамских топонимов и антропонимов, созданные специалистами в XX в., и надеемся, что они помогут приблизиться к некоему общему стандарту.

Список литературы

- Бритов И. В.* Как понять язык потомков дракона. Перевод вьетнамских художественных текстов на русский язык: теория и практика. М.: Р.Валент, 2021. С. 67–95.
- Зворыкин Д. Д.* Передача географических названий Вьетнама на русском языке. Словарь соответствующих русских и вьетнамских названий географических объектов Вьетнама // Экология внутренних вод Вьетнама. М.: Т-во научных изданий КМК, 2014. с. 383–388.
- Инструкции по русской передаче географических названий Вьетнама / сост. Я. А. Миропольский; ред. Г. Е. Тихонова. М., 1973.
- Мурзаев Э. М.* Географические названия Вьетнама // Топонимия Востока. Исследования и материалы. М., 1969.
- Мхитарян Т. Т.* Особенности передачи вьетнамских топонимов средствами русской графики // Топонимика Востока. М., 1962.
- Мхитарян Т. Т.* Фонетика вьетнамского языка. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 138 с.
- Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 1 / Пер. с ханвьета К. Ю. Леонова и А. В. Никитина; коммент., вступ. ст. и прил. К. Ю. Леонова и А. В. Никитина при участии В. И. Антощенко, М. Ю. Ульянова, А. Л. Федорина. М.: Вост, лит., 2002. С. 53–56.
- Сердюченко Г. П.* Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. М.: Наука, 1967. С. 276–289.
- Словарь географических названий Вьетнама / сост. Я. А. Миропольский; ред. Е. В. Горовая. М.: ЦНИИКАиК, 1988.
- Сюннерберг М. А.* Система вьетнамских имён и фамилий. М.: Ключ-С, 2014. 68 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.54631/VS.2022.64-114860

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О СОСТОЯНИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ВЬЕТНАМА: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ОЦЕНКИ ДВУХ СТОРОН

В. М. Мазырин¹, Е. С. Булова²

Аннотация. В статье дан обзор круглого стола, проведённого ЦИВАС ИКСА РАН совместно с учёными Института европейский исследований ВАОН для обсуждения итогов десятилетия всестороннего стратегического партнерства России и Вьетнама, а также международной конференции Института экономики РАН и того же вьетнамского партнера, посвящённой российско-вьетнамскому сотрудничеству в эпоху санкций. Вьетнамские учёные убеждены, что взаимные отношения укрепляются и совершенствуются, а взаимодействие развивается во всех сферах. Российские учёные настроены более критически. Они отметили падение влияния России во Вьетнаме во всех сферах, усугубившееся после начала СВО. Особенно слабым местом является торгово-экономическое сотрудничество. Были проанализированы причины этого явления и предложены меры для исправления ситуации. По мнению экспертов, одним из главных условий улучшения нынешней ситуации является отход Вьетнама от прозападных ориентиров.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, российско-вьетнамское экономическое сотрудничество, российско-вьетнамское сотрудничество в науке и культуре, энергетическое сотрудничество, всеобъемлющее стратегическое партнерство, санкции.

Для цитирования: Мазырин В. М., Булова Е. С. Научная дискуссия о состоянии отношений России и Вьетнама: неоднозначные оценки двух сторон // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 70–76.

Дата поступления статьи: 14.11.2022

Принята к печати: 30.11.2022

20 сентября 2022 г. ЦИВАС провёл круглый стол с учёными Института европейский исследований (ИЕИ ВАОН), посвящённый итогам десятилетия всестороннего стратегического партнерства России и Вьетнама (рис. 1). Актуальный аспект этой темы — влияние санкций на двустороннее сотрудничество — был обсуждён на международной

¹ Мазырин Владимир Моисеевич, д. э. н., г. н. с., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, ИКСА РАН; профессор, ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

² Булова Елена Сергеевна, н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-1047-2573. E-mail: epylcina@yandex.ru

конференции Института экономики РАН (ИЭ) и того же вьетнамского партнера 18 октября с. г. Участники мероприятий оценили достижения, перспективы и проблемы двустороннего сотрудничества.

Рис. 1. Круглый стол в ИКСА РАН. Фото автора

Вьетнамские учёные убеждены, что взаимные отношения укрепляются и совершенствуются, позволяя не только сохранять традиции былой дружбы, но и развивать взаимодействие во всех сферах двустороннего сотрудничества. Так, директор ИЕИ ВАОН Нгуен Тиен Тханг обратил внимание на то, что многовекторная политика России способствовала реальным изменениям в отношениях с СРВ. Руководитель Центра исследований России и СНГ этого института Ву Тхюи Чанг отметила, что «несмотря на многие взлеты и падения, лидеры двух стран всегда отдают приоритет сохранению и продвижению добрых ценностей, возвращённых двумя народами, формируя важные предпосылки для развития сотрудничества во всех

областях». Тем не менее, считают руководитель Центра российской стратегии в Азии ИЭ РАН И. А. Коргун и с. н. с. этого центра Нгуен Куок Хунг, в ближайшее время вероятно девальвация советского наследия, вызванная российской специальной военной операцией на Украине и ухудшением двусторонних отношений.

Российские учёные подчеркнули заметное отличие характера и итогов взаимодействия сторон в различных сферах. В. н. с. ЦИВАС Е. В. Кобелев выделил политическую составляющую, показав, что она развивается особенно динамично. Он подчеркнул, что руководители всех ветвей власти двух стран поддерживают регулярные и интенсивные контакты, и даже несмотря на пандемию Covid-19 и осложнение международной обстановки, продолжается диалог на высшем и других уровнях. Межпарламентские связи позволяют своевременно подводить под двусторонние отношения необходимую законодательную базу. Высокий уровень сотрудничества сохранён в сфере обороны и безопасности. Министерства обороны двух стран регулярно осуществляют стратегический диалог, подписан ряд документов о военном взаимодействии, проводятся совместные учения, техническое содействие российских специалистов, взаимные заходы военных кораблей в порты обеих стран, совместная борьба с пиратством в Малаккском проливе.

Российские учёные акцентировали трудности двусторонних отношений, тогда как их вьетнамские коллеги в основном избегали этого. Е. В. Кобелев выделил два разнонаправленных фактора, последние годы негативно влияющих на динамику сотрудничества: с одной стороны, напряжённость вьетнамско-китайских отношений из-за спорных островов в Южно-Китайском море, с другой — курс Ханоя на тесное сотрудничество с США, на чью помощь в Ханое рассчитывают в случае возникновения серьезного конфликта с Китаем. Под влиянием этих фактора, считает патриарх российского вьетнамоведения, постепенно сходит на нет былая доверительность, тормозятся важные совместные проекты в экономической и военно-технической областях и т.д.

Наиболее острую оценку состоянию двусторонних отношений дал заведующий Центром изучения ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН д. и. н. Д. В. Мосяков. Как он предполагает, заявления официальных лиц России и Вьетнама не соответствуют реалиям сотрудничества на текущий момент. Причина в том, что группы влияния во Вьетнаме, ориентированные на США, препятствуют расширению связей с Россией. Вьетнам извлекает преимущества из торгового противостояния США и Китая и перевода капитала иностранных инвесторов из Китая во Вьетнам, в то время как Россия становится токсичным партнером. Экономическая элита, связанная с Россией, может оказать определённое влияние на политические решения Вьетнама, но необходимо более активно работать с ней для укрепления отношений.

Самым слабым участком, где с 2012 г. нарастают трудности, признано торгово-экономическое сотрудничество, и такая оценка нашла отражение в большинстве докладов на эту тему (директора Центра исследований России и СНГ Ву Тхюи Чанг, сотрудника Института Юго-Восточной Азии ВАОН Нгуен Ха Фьонг, российских ученых В. М. Мазырина и Д. В. Мосякова). Согласно данным российских экспертов, за восемь месяцев 2022 г. товарооборот между Россией и Вьетнамом составил 2,48 млрд долл. по сравнению с 7,8 млрд долл. по итогам 2021 г. и ожидается падение его за год более чем в 2 раза, а доля РФ и ЕАЭС в структуре вьетнамского импорта и экспорта не превышает 1%.

Отмечен нарастающий дефицит РФ в торговле с СРВ, который вызван более быстрым и успешным развитием вьетнамского экспорта по сравнению с российским. Среди причин, сдерживающих рост потока товаров из Вьетнама, В. М. Мазырин назвал триггерные механизмы в Соглашении о свободной торговле СРВ—ЕАЭС, затрагивающие приоритетные для Вьетнама позиции — рис, одежду и другие. Поставки из России, например, легковых автомобилей ограничены недостаточными сборочными мощностями в СРВ, поставки нефти, нефтепродуктов и угля — высокими ценами, неэффективной логистикой и другими барьерами. Так, российский экспорт ограничили вьетнамские меры по защите импорта в отношении некоторых групп (картон, удобрения).

Участники дискуссий сделали вывод, что эти результаты не отвечают потенциалу сторон, и выделили такие проблемы, как нетарифные барьеры, конкуренция других стран, высокая стоимость и время транспортировки товаров, привязка расчетов в основном к долларам США, недостаточная диверсификация торговли и инвестиций.

В условиях противостояния с Западом у РФ возникли иные трудности на пути поставки своих товаров, как традиционных (стальной прокат, удобрения, нефтепродукты), так и новых, перспективных, набирающих оборот (зерно). Опасаясь вторичных санкций, вьетнамские компании сократили или прекратили закупки российских товаров, чтобы не рисковать торговлей с западными партнёрами. Как явное препятствие для оплаты товаров отмечено отключение российских банков от SWIFT и другие последствия санкционного давления, например, отсутствие прямого авиасообщения. Учёные ИЭ РАН ожидают, что США и их западные союзники в скором времени введут новые санкции, которые усугубят условия торговли между Россией и Вьетнамом.

Российские эксперты констатируют, что основные конкуренты России на вьетнамском направлении США и Китай наращивают товарооборот с Вьетнамом гораздо более быстрыми темпами и далеко обогнали Россию (в 2012–2021 гг. у нас среднегодовой рост составил около 10%, у них — 30–40%). Как следствие, в перечне торговых партнёров Вьетнама Россия

опускается на всё более низкие позиции, а экономическое влияние наших оппонентов и их мягкая сила возрастают.

Российско-вьетнамской торговле мешает и слабеющее инвестиционное сотрудничество, потеря Россией позиций в стратегических отраслях вьетнамской экономики. Большой ущерб нашим отношениям нанес «перенос» строительства ряда крупных промышленных объектов типа АЭС, что, по мнению российских экспертов, прямо вызвано рекомендациями Вашингтона, блокирующими продвижение компаний РФ в такие отрасли. Например, под санкции попали проекты Ростеха, Роснефти и других. Отставные вьетнамские эксперты, например, бывший торгпред СРВ в РФ Нгуен Ти Там, считают, что продолжение проектов, находящихся в начальной стадии реализации (в т.ч. крупных энергетических и военно-технических), сегодня является мало реалистичным, поэтому их ждет заморозка.

Прямые участники дискуссии из ВАОН, также признавая негативное влияние санкций (но только в 2022 г.), в качестве одной из причин указывают на волатильность цен на нефть с 2015 г. В то же время они подчёркивают, что благодаря ССТ с ЕАЭС поток вьетнамских инвестиций в Россию значительно вырос, в основном за счет энергетических проектов и строительства молочных комплексов компанией ТН True Milk. По данным, которые привела в. н. с. Центра постсоветских исследований ИЭ РАН М. О. Тураева, 68 % вьетнамских ПИИ вложено в добычу ископаемых, сельское хозяйство, ИТ, энергетику. На Россию приходится 7,7 % общего объема инвестиций из СРВ. При этом лидерами по привлечению ПИИ во Вьетнам остаются Р. Корея, Сингапур и Япония, а РФ занимает 26-е место на сентябрь 2022 г. (рис. 2). Отмечая очевидную важность сохранения и развития инвестиционного сотрудничества с СРВ, Д. В. Мосяков назвал предпосылками этого стремление АО «Зарубежнефть» стать главным российским партнером ГК Петровьетнам, запуск судов по маршруту Хайфон — Хошимин — Владивосток, обсуждение возможностей параллельного импорта-экспорта и прямого авиасообщения.

Рис. 2. Доклад М. О. Тураевой в Институте экономики. Фото автора

В. М. Мазырин выделил задачу преодоления такой ситуации, перевода российских торговых потоков с западного на азиатское направление и одновременно их диверсификации с тем, чтобы они были направлены не только на Китай и Индию, но и на страны АСЕАН, в том числе и Вьетнам. Для этого, в частности, эксперты ИЭ РАН предложили пересмотреть механизм действия ССТ, углубить сотрудничество в обработке древесины и создании животноводческих комплексов, продолжить разведку новых месторождений на шельфе СРВ, строительство газовой электростанции в провинции Куангчи. Назревшими признаны задачи

улучшения условий для экспортно-импортных операций, повышения конкурентоспособности продукции и эффективности логистики, облегчения взаиморасчетов, проводя их в национальных валютах, диверсификации сотрудничества, включая проекты в сфере ВИЭ. Вместе с тем коллеги из СРВ согласились, что увеличить товарооборот и инвестиции в 15–20 раз, как предложил президент СРВ Нгуен Суан Фук, пока нереально.

В отличие от иных отраслей экономики наиболее успешно, по признанию экспертов, выглядит энергетическое сотрудничество. В своем докладе руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН д. э. н. В. М. Мазырин и магистрант ИСАА МГУ И. Д. Калмыков отметили, что добыча углеводородов более 30 лет остаётся самой выгодной сферой этого сотрудничества, а СП «Вьетсовпетро» — флагманом нефтегазового сектора на современном этапе и самым успешным иностранным предприятием на территории Вьетнама.

По оценке замдиректора Центра исследований России и СНГ ИЕИ Нгуен Тхань Лан, сотрудничество России и Вьетнама в сфере энергетики благодаря эффективному развитию играет важную роль в энергетической стабильности СРВ. В ближайшее время потребность Вьетнама в импорте энергоносителей будет стремительно расти, о чём говорят и сверхоптимистичные прогнозы развития его экономики. Таким образом, расширение и укрепление торговли с Россией будет играть важную роль и имеет большой потенциал, создавая объективные основы для новых проектов в сфере энергетики и участия российских компаний. Среди препятствий для продвижения сотрудничества в этой сфере были названы не отвечающая потребностям инфраструктура, логистические услуги, а также антироссийские санкции.

Различные оценки эксперты дали сотрудничеству в научно-технической и культурной областях. Чан Тхи Хань Ха (ИЕИ ВАОН) выделила формальные предпосылки для него: оба правительства поддерживают культурные обмены, что отражено в Стратегии культурной дипломатии Вьетнама и в принципах российской политики в области культурно-гуманитарного сотрудничества. Правовой основой взаимодействия служит Соглашение о стратегическом партнерстве в области образования, науки и техники (ноябрь 2014 г.). Нгуен Тиен Тханг как позитивный фактор укрепления двусторонних экономических и культурных отношений назвал проживание в РФ большой вьетнамской диаспоры (около 80 тыс.) и наличие соглашений, обеспечивающих легальные гарантии для неё на территории РФ. В 2022 г. Общество вьетнамо-российской дружбы намерено углубить сотрудничество с партнёрами с помощью своей диаспоры, в том числе межрегиональные связи.

И. о. главного редактора журнала «Европейские исследования» доктор Данг Тхи Фьонг Хоа отметила огромный вклад СССР/ РФ в развитие науки и техники Вьетнама, подготовку квалифицированных кадров, напомнила, что советские специалисты передавали богатый опыт и проводили совместные исследования. Научно-техническое сотрудничество является приоритетом до 2030 г.: стороны намерены проводить совместные исследования в сфере энергетики и ИТ, медицины, работу по подготовке кадров.

Объективный взгляд на сотрудничество в данной области дала н. с. ЦИВАС Е. В. Никулина. По её данным, в настоящее время обоюдные связи в значительной мере сведены к обмену научно-технической информацией, а передача технологий или совместные исследования ведутся гораздо слабее. Это обусловлено несовершенством механизма управления и правового обеспечения, отсутствием стимулов развития, поддержки со стороны властей и осложняется ограниченным финансированием. По сравнению с советским периодом ситуация в корне изменилась. Вьетнам интенсифицирует сотрудничество в области науки и

образования с США, Японией, Австралией, странами ЕС. Число вьетнамских студентов в этих странах во много раз превышает нынешнее число студентов из СРВ в российских вузах. На этом фоне место России в международных связях вьетнамских научных учреждений выглядит довольно скромно.

Вместе с тем Е. В. Никулина призвала сохранить уникальные проекты, имеющих давнюю историю, в том числе Совместный российско-вьетнамский тропический научно-исследовательский и технологический центр, проекты Дальневосточного отделения РАН и Вьетнамской академии наук и технологий в области морской биологии и экологии, фармакологии и биотехнологии, морских геологических и геофизических исследований, биологии, экологии и генетики наземных и водных экосистем. Также важны совместные экспедиции в территориальных водах Вьетнама на научно-исследовательских судах Дальневосточного отделения РАН, позволяющие обновлять многочисленные данные о морских ресурсах Вьетнама.

Особое внимание обращено на взаимодействие в области ядерной науки. Предложено скорее перейти к стадии реализации высокотехнологичного инновационного проекта — строительству во Вьетнаме при содействии Росатома Центра ядерной науки и технологий. Он призван, в частности, производить ядерные изотопы для нужд агропромышленного комплекса и медицины, создавать предпосылки для строительства АЭС.

В качестве редких примеров успешного сотрудничества в области гуманитарных наук отмечены лингвистические экспедиции по описанию фонетического строя, лексики и грамматики языков малых народов Вьетнама, а также издание Нового большого вьетнамско-русского словаря в 2-х томах, над которым более 20 лет работал большой коллектив ученых двух стран.

Вместе с тем отмечены неблагоприятные тенденции: русская литература потеряла ведущее положение во вьетнамском обществе; перевод и распространение русской литературы с каждым днем осложняется из-за сокращения рядов переводчиков; тиражи книг невелики, и по этой причине они не доходят до широкого читателя.

Ситуация в областях кинематографа, театра и живописи в плане культурного обмена вызвала еще более тревожную оценку, чем в литературе. Единственной возможностью познакомиться у себя дома с культурой другой страны остаются Дни культуры двух стран, которые проводят попеременно раз в три года. Чан Тхи Хань Ха признала, что такого культурного обмена недостаточно для привлечения общественности, особенно молодого поколения, которое больше интересуется искусством и культурой Европы, Америки, Китая или Кореи, чем России.

По сообщению вьетнамских ученых, деятели вьетнамской культуры и её руководители, многие из которых окончили советские и российские вузы, выступают за расширение культурных обменов, увеличение количества вьетнамских студентов в российских творческих вузах. Они всё больше ощущают потребность противостоять тотальной экспансии западной, в первую очередь, американской культуры.

Резюмируя отмеченные успехи и трудности, доцент Дипломатической академии МИД РФ П. Ю. Цветов сделал вывод о несоответствии нынешних двусторонних отношений духу всеобъемлющего стратегического партнерства. Он подчеркнул довольно скептическое отношение к итогам 10 лет нашего партнерства в экспертном сообществе обеих стран и отсутствие консенсуса по вопросу о том, что означает этот термин. По мнению эксперта, под ним надо понимать отношения двух государств, отличающиеся широким полем

взаимовыгодного сотрудничества, определённой степенью доверительности между лидерами сторон, нацеленные на долговременную перспективу и не содержащие конфронтации по любым вопросам. По заключению эксперта, сфер взаимодействия и взаимопонимания у России и Вьетнама явно больше, чем со многими другими странами, но не следует ожидать чего-то особенного. Это не союзнические отношения, какими они были в советское время. Сегодня сложились отношения дружбы и сотрудничества между близкими партнерами — наряду с другими.

Ещё больше оптимизма проявила исполняющая обязанности главного редактора журнала «Европейские исследования» доктор Данг Тхи Фьонг Хоа. Она считает, что роль Вьетнама в АСЕАН для РФ после начала СВО возросла. Положение во Вьетнаме является стабильным, внешняя политика взвешенной, и это положительно сказывается на России. Интерес к России во Вьетнаме достаточно высок для продолжения сотрудничества.

Оценивая перспективы и вызовы взаимных отношений, В. М. Мазырин предположил, что одним из главных условий улучшения нынешней ситуации является отход Вьетнама от прозападных ориентиров. Случиться это может, по мнению эксперта, лишь при осознании Ханоем растущего раскола мира на два лагеря: с одной стороны — отстаивающих независимость развивающихся стран во главе с Россией и Китаем, с другой — западного блока, стремящегося сохранить гегемонию США и однополярную архитектуру.

DOI: 10.54631/VS.2022.64-114862

КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИОННЫЙ ВЬЕТНАМ» В ИКСА РАН

А. Л. Федорин¹

Аннотация. Дан обзор проведенной ИКСА РАН всероссийской конференции «Традиционный Вьетнам», посвященной 90-летию одного из основателей российской вьетнамистики профессора, д. и. н. Д. В. Деопика. В конференции очно или on-line приняли участие свыше 80 российских специалистов, заслушавших и обсудивших 13 развёрнутых докладов, посвящённых вьетнамской филологии, археологии, этнографии, а также истории Вьетнама до 1945 г.

Ключевые слова: Вьетнам, вьетнамская литература, вьетнамский язык, история традиционного Вьетнама, история религий Вьетнама, археология Вьетнама, вьетнамская диаспора за рубежом.

Для цитирования: Федорин А. Л. Конференция «Традиционный Вьетнам» в ИКСА РАН // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 77–80.

Дата поступления статьи: 29.10.2022

Принята к печати: 15.11.2022

26 октября 2022 г. в ИКСА РАН состоялась очередная общероссийская конференция «Традиционный Вьетнам». Проводить подобные конференции начали достаточно давно, сначала на базе Вьетнамоведческого центра ИСАА МГУ, затем НОУ «Институт практического востоковедения». Главным отличием подобных форумов от других аналогичных мероприятий было то, что докладчики, принимавшие в нём участие, не были ограничены какой-то единой, обязательной для всех темой. Каждый из них получал возможность рассказать об итогах тех исследований, которые он ведёт в данный конкретный момент, что существенно повышало качество докладов и вызывало заслуженный интерес аудитории.

Руководство ИКСА решило возродить эту традицию, посвятив очередное такое мероприятие главному инициатору подобных конференций доктору исторических наук, профессору Московского государственного университета Д. В. Деопику, которому в этом году исполняется 90 лет. Благодарственные слова в адрес юбиляра от имени всех учеников Деги Витальевича и высокую оценку его научных трудов и педагогического служения высказал доктор исторических наук А. Л. Рябинин (ВШЭ, г. Москва).

Всего на конференцию было представлено 13 научных докладов, которые можно условно разделить на три больших раздела.

Центральным докладом **филологической** секции стало выступление к. и. н. К. Ю. Леонова (г. Москва), который подвёл итог своему многолетнему изучению поэзии

¹ Федорин Андрей Львович, д. и. н., н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

времён правления во Вьетнаме династий Поздние Ли, Чан и Хо (XI–XIV вв.). В результате ему удалось обосновать тезис о том, что по своей сути эта литература продолжала оставаться составной частью аналогичного явления в Китае, как по формам, так и по содержанию, но в то же время включала в себя ряд вполне оригинальных высокохудожественных произведений, способных встать в один ряд с лучшими стихотворениями классиков китайской литературы, причём среди их авторов далеко не все считаются авторитетными в своей собственной стране.

К. филол. н., профессор ДВФУ А. Я. Соколовский (г. Владивосток) в своём развернутом докладе познакомил слушателей с жизнью и творчеством замечательного вьетнамского поэта XIX в. Нгуен Динь Тиеу, 200-летие со дня рождения которого отмечают в текущем году.

К. филол. н., доцент ИСАА МГУ Т. Н. Филимонова проанализировала образ великого вьетнамского государственного деятеля XV в. Нгуен Чая, каким его увидел известный писатель Нгуен Хюи Тхиеп в своем рассказе о его жене «Нгуен Тхи Ло».

Единственный лингвистический доклад в филологической сессии (к. и. н., профессора Высших курсов иностранных языков МИД РФ Е. И. Тюменевой и к. ф. н., сотрудника ЦК КПВ Нгуен Тхань Ха) был посвящён гастрономической культуре Вьетнама, отражённой в пословицах и поговорках. Его содержание вызвало живой интерес всей аудитории, в том числе и участников, не владеющих вьетнамским языком.

Наиболее важным и интересным докладом в секции, посвящённой **археологии и этнологии** Вьетнама, было выступление к. и. н. А. В. Кандыбы (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск), в котором были подведены предварительные итоги пятилетних раскопок, проводившихся в Центральном Вьетнаме, в результате чего удалось сделать открытие мирового значения: найти и предварительно изучить группу раннепалеолитических стоянок (культура Анкхэ, пров. Зялай), доказывающих, что территория этой страны является одним из мест расселения человека, начиная с глубокой древности.

А. С. Легостаева (Государственный музей Востока, г. Москва) в объёмном и хорошо иллюстрированном докладе познакомила слушателей с таким явлением в керамике Вьетнама, как «голубое из г. Хюэ» (Bleu de Hué), поделившись своими сомнениями и суждениями о том, кто в реальности мог быть автором подобных изделий (прежде всего, сосудов для вина), как они соотносятся с аналогичными сериями, произведёнными в Китае и Японии, насколько оригинальны и самобытны.

Выступление к. филол. н. Е. Ю. Кнорозовой (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) было посвящено образу журавля/аиста во вьетнамской литературе и изобразительном искусстве как одному из главных тотемов древней вьетнамской цивилизации. Помимо прочего, в докладе содержались сравнения с аналогичными образами в соседних дальневосточных культурах, что придало аргументам автора больше убедительности (рис. 1).

К. филол. н. А. А. Соколов (Институт востоковедения РАН, г. Москва) в своих заслуживающих внимания этнографических заметках «"Маникюрная диаспора": вьетнамцы в Америке» поделился своими наблюдениями за тем, как устраивают свою жизнь и судьбу за рубежом многочисленные вьетнамские эмигранты, делая это с трезвой оценкой своих реальных возможностей и потребностей, почему у них многое получается в мелком и в среднем бизнесе и мало — в большом.

Из пяти докладов, зачитанных в **исторической** сессии, три так или иначе были посвящены религиозной жизни в традиционном Вьетнаме. Д. и. н. В. Н. Колотов (СПбГУ), обратившись к конкретным историческим документам XVII в., попытался доказать, что с

самого начала своего пребывания во Вьетнаме католические миссионеры, прежде всего из ордена иезуитов, помимо чисто религиозной деятельности активно готовили почву для будущего подчинения стран Востока европейским колонизаторам, работая в тесном взаимодействии с властями западных государств. Основное внимание в своём докладе он уделил формам и методам работы миссионеров, которые позволяли им превратить свою паству из законопослушных патриотов своей страны в ярых противников властей, безоговорочно отрицавших традиционные ценности и культуру.

Рис. 1. Студенты СПбГУ слушают онлайн доклады конференции. Фото В. Н. Колотова

Несмотря на существенное отличие в подходе к проблеме распространения христианства во Вьетнаме, выступление к. и. н. О. В. Новаковой (ИСАА МГУ) о роли представителей Запада, в целом, и епископа Адранского Пиньо де Беэна, в частности, в процессе прихода к власти в стране основателя династии Нгуен (1802–1945) фактически явилось иллюстрацией доклада В. Н. Колотова. На материале более позднего времени (вторая половина XVIII в.) было показано, как, прикрываясь высокими словами о спасении душ и несении слова Божьего, высокопоставленные католические религиозные деятели стремились обеспечить доминирование своих правительств в странах Востока, в частности, во Вьетнаме, полагая, что окончательную победу своих учений на этих территориях можно обеспечить только таким образом.

Доклад к. филос. н. А. Ш. Шарипова (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) был посвящён вьетнамской религиозной секте Каодай. При этом в силу специфики своих научных интересов автор уделил основное внимание не столько истории этой организации, сколько дискурсивной стратегии её лидеров, позволившей в максимально короткие срокикратно увеличить количество адептов. Оценка последнего на настоящий момент в ходе дискуссии по докладу колебалась от 600 тыс. до 2,5 млн чел.

В выступлении к. и. н. М. А. Сюннерберга (ИСАА МГУ) был затронут вопрос о роли женщин в традиционном вьетнамском обществе на примере правового регулирования положения вдов. Анализ соответствующего законодательства, развитого и закреплённого позднее, во времена французского колониального господства, показал, что бытующие представления об их полном бесправии в рамках конфуцианских «трёх послушаний» (сначала отцу, потом мужу и затем старшему сыну) довольно далеки от реальной ситуации, существовавшей в стране: права женщин, особенно имущественные, были значительно шире.

Доклад д. и. н. А. Л. Федорина (ИКСА РАН) касался попытки династии Чан (1225–1400) создать такую систему передачи власти в рамках правящего дома, которая бы исключала даже теоретические возможности ее «легального» захвата представителями других могущественных родов в государстве. На конкретных примерах была прослежена соответствующая политика правящих кругов и её конкретные формы, а также выявлено время, когда данная система стала постепенно разрушаться, что в конечном итоге довольно быстро привело династию к падению.

Подводя итоги работы конференции, её инициатор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН д. э. н. В. М. Мазырин отметил безусловный успех конференции, плодотворность и откровенность состоявшихся в её ходе дискуссий.

Материалы конференции планируется выпустить в виде отдельного сборника статей в первой половине 2023 г.

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117628

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ

О защите диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Нгуен Шон Намом (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов») на тему «Эволюция правового регулирования государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме».

Защита диссертации по специальности 5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки — состоялась 14 декабря 2022 г. на заседании диссертационного совета ПДС 0900.007 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Диссертация освещает эволюцию правового регулирования государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с историко-правовых позиций в широких хронологических рамках, во всем процессе их становления и развития, что во вьетнамской юридической науке делается впервые.

В работе отражен цивилизационно-культурный характер регулирования государственно-конфессиональных отношений, который следует воспринимать как культурные трансформации Вьетнама и его взаимодействие с другими религиозными культурами: индийской и китайской, западной религиозной культурой, атеизмом в СССР.

Диссертационное исследование раскрывает различные модели государственно-конфессиональных отношений, действовавшие в различные исторические периоды, и модель, существующую в настоящее время.

В исследовании аргументируется идея, что законодательное регулирование конфессиональных отношений и политика государства в этой сфере могут конструктивно и эффективно строиться только с учетом цивилизационных оснований, культуры и традиций вьетнамского народа.

Выводы, полученные в ходе исследования, как считает автор, могут послужить основанием для совершенствования законодательства о свободе вероисповедания и религиозных объединениях во Вьетнаме и практики правоприменения в этой сфере.

Научный руководитель: Немытина Марина Викторовна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Оппоненты:

Дорская Александра Андреевна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Беспалько Виктор Геннадиевич, д. ю. н., доцент, профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Гуманитарно-прикладного института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет МЭИ»;

Варламова Наталия Владимировна, к. ю. н., доцент, в. н. с. Института государства и права РАН.

Основные публикации по теме диссертации

1. *Нгуен Ш. Н.* Правовой статус религиозных организаций во Вьетнаме // Евразийский юридический журнал. 2019. №10 (137). С. 53–56.

2. *Нгуен Ш. Н.* Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с 1945 г. по 1975 г. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 131–141.

3. *Нгуен Ш. Н.* Государственно-конфессиональные отношения во вьетнамском законодательстве: аспект государственной ответственности // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 116–120.

4. *Нгуен Ш. Н.* Вопрос о «равенстве» в свободе вероисповедания во Вьетнаме // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 418–421.

5. *Нгуен Ш. Н.* Возникновение и развитие права на свободу вероисповедания во Вьетнаме // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1. С. 67–73.

6. *Nguyen S. N.* Trends in Law on Freedom of Belief and Religion in Vietnam // 5th Annual International Conference on Social Science and Contemporary Humanity Development (SSCHD 2019): Advances in Social Science, Education and Humanities Research (Wuhan, 15–16 November 2019). Wuhan, 2019. Vol. 376. P. 281–286.

7. *Nguyen S. N.* Operating the right to freedom of belief and religion in Vietnam's legislation // 7th International Conference on Education and Social Sciences : Abstracts & Proceedings of INTCESS 2020-7th International Conference on Education and Social Sciences (Dubai, 20–22 January 2020). Dubai, 2020. P. 577–585.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117630

УНИКАЛЬНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ВЬЕТНАМУ

А. А. Рогожин¹

Вьетнам — торговый и инвестиционный партнёр: Справочник. М.: ИКСА РАН. 2022. 389 стр. ISBN 978-5-8381-0447-2

Аннотация. Рецензия дана на справочник «Вьетнам — торговый и инвестиционный партнёр» - уникальное издание, объединившее глубокое знание Вьетнама и деловой подход, учитывающий интересы российских предпринимателей, работающих или планирующих работать во Вьетнаме.

Авторы уделили большое внимание практически всем отраслям вьетнамской экономики, проанализировав их проблемы и дав оценку перспективам их развития, а также рассказали об отношениях Вьетнама с основными странами-партнёрами и международными экономическими организациями. В книге даны сведения об организации и

условиях ведения бизнеса во Вьетнаме. Данный справочник будет очень полезен всем российским предпринимателям, которые уже работают на вьетнамском рынке, и особенно тем из них, кто собирается это сделать.

Ключевые слова: Вьетнам, внешнеэкономические связи, ведущие партнёры, страны АСЕАН, российские предприниматели во Вьетнаме.

Для цитирования: *Рогожин А. А.* Уникальный справочник по Вьетнаму // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 83–85.

Дата поступления статьи: 25.11.2022

Принята к печати: 09.12.2022

¹ Рогожин Александр Александрович, к. э. н., доцент, в. н. с., руководитель группы экономических проблем, Центр проблем развития и модернизации, ИМЭМО РАН. ORCID: 0000-0002-0736-3184. E-mail: rogojine@mail.ru

Первое, что необходимо отметить, оценивая данный справочник — это его уникальность. В 90-е годы прошлого века в России предпринимались попытки подготовить издания подобного типа, но, поскольку их авторами являлись в основном бывшие работники Минвнешторга СССР, содержание этих пособий ограничивалось преимущественно информацией о внешнеторговом регулировании стран-партнёров. В первые десятилетия наступившего века, в значительной мере откликаясь на потребности практики и принимая во внимание новую доктрину «Поворот на Восток», российское вьетнамоведение вступило на путь возрождения.

Яркий пример тому — рецензируемый справочник. Это первое в России издание подобного типа, в котором удалось объединить глубокое знание страны, её специфики в самых разных отношениях и деловой подход, учитывающий интересы российских предпринимателей, работающих или планирующих работать во Вьетнаме. Считаем, что рецензируемый справочник по объёму информации и глубине её анализа значительно превосходит аналогичные работы зарубежных авторов (например, только что вышедший в Хошимине Vietnam Business Guide 2021, подготовленный международной юридической фирмой ACSV Legal и представительством Британской торгово-промышленной палаты во Вьетнаме).

Необходимо отметить следующие позитивные черты рецензируемого справочника:

- огромный объём собранной и проанализированной конкретной информации, полезной для предпринимателей, предполагающих работать именно на вьетнамском рынке как в сфере торговли, так и в инвестиционной области; авторами собран не только богатый и свежий фактологический материал, включающий business cases, но и представлены весьма информативные статистические данные, в которых всегда остро нуждается предприниматель-практик, поскольку цифры ему говорят нередко больше, чем текст;

- авторы справочника сделали, как нам представляется, верный ход, сделав его интересным как для предпринимателей-коммерсантов, так и для предпринимателей-инвесторов, ибо в своих представлениях о новом рынке они вынуждены оценивать обе его составляющие — торговую и инвестиционную;

- авторы впервые в литературе справочного жанра уделили большое внимание развитию практически всех отраслей вьетнамской экономики; причём это не сухое академическое их описание, а анализ проблем этих отраслей, мер, предпринимаемых властями для их решения и, что особо важно для российских партнёров — оценка перспектив развития тех или иных отраслей вьетнамской экономики;

- авторы явно специально обратили внимание российских предпринимателей на региональные особенности вьетнамской экономики и специфику деятельности экономических зон разного типа; это напоминание особенно важно для новичков на вьетнамском рынке, которые не всегда понимают, что Вьетнам — густонаселённая страна, отличающаяся большим разнообразием (и не только в сфере экономики), это не только г. Ханой и г. Хошимин;

- весьма удачным представляется включение в справочник большого раздела, посвящённого экономическим отношениям Вьетнама с основными странами-партнёрами и международными экономическими организациями — этот раздел будет несомненно интересен для российских предпринимателей при изучении деятельности конкурентов на вьетнамском рынке, тем более что авторы дали не только широкий, панорамный обзор торговых и инвестиционных отношений Вьетнама с зарубежными партнёрами, но и показали их частности, опустив анализ на фирменный уровень;

□ весьма полезными для российских предпринимателей, как мы полагаем, будут сравнения Вьетнама с другими странами, в первую очередь со странами-членами АСЕАН, которые часто включают в текст справочника авторы; особенно полезны они будут для потенциальных инвесторов, оценивающих преимущества и риски нескольких стран региона;

□ российским предпринимателям будут особенно полезны разделы 4 и 5 справочника, где сосредоточены сведения об организации и условиях ведения бизнеса во Вьетнаме и его административно-правовой специфике.

Нет никаких сомнений в том, что рецензируемый справочник окажет неоценимую помощь всем российским предпринимателям, которые уже работают на вьетнамском рынке, и особенно тем из них, кто собирается это сделать. Рецензируемый справочник — ценный практический шаг на пути реализации доктрины «Поворот на Восток».

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117633

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Нгуен Мань Зунг¹

Quan hệ biên giới trên đất liền giữa Trung Quốc với các quốc gia láng giềng / Đinh Quang Hải chủ biên (Приграничные отношения Китая с соседними странами / под ред. Динь Куанг Хая). Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học Xã hội, Mai Ha Books, 2022. 370 с. ISBN 978-604-308-860-1

Аннотация. Китай — страна с богатой историей и культурой, большой территорией и разнообразными природными условиями и ресурсами. Политика Китая, играющего роль сверхдержавы, имеет региональные и глобальные масштаб и влияние. Среди исторических и современных проблем приграничные отношения между Китаем и соседними странами являются одним из самых сложных вопросов, которые вызывают основную озабоченность во внешней политике заинтересованных сторон, в том числе Вьетнама. Автор рецензии по просьбе журнала делает акцент на том разделе книги, в котором дана характеристика пограничных аспектов отношений Китая и СРВ, причём с позиции вьетнамских интересов и восприятия. Книга написана на основании различных источников, с использованием многомерного и междисциплинарного подхода и с участием вьетнамских экспертов, занимающихся международными и региональными отношениями. Она является ценным источником базовых знаний о политике Китая и его отношениях с соседними странами в исторической ретроспективе, особое внимание уделяет периоду после 1949 г.

Ключевые слова: Китай, приграничные отношения, международные отношения, Вьетнам, Россия, страны Южной Азии.

Для цитирования: Нгуен Мань Зунг. Комплексное исследование отношений Китая с соседними странами // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 86–89.

Дата поступления статьи: 21.10.2022

Принята к печати: 09.12.2022

Китай является одним из основных объектов исследований вьетнамских ученых. Китайская культура и цивилизация оказали большое влияние на всю Восточную Азию,

¹ Нгуен Мань Зунг, к. и. н., доцент, и. о. декана факультета менеджмента Университета общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета. Email: nmd@ussh.edu.vn

формируя «дочерние» цивилизации, которые А. Дж. Тойнби в своей классификации называл цивилизациями-сателлитами.

Китай, безусловно, является мировой державой с богатыми историческими и культурными традициями. Это четвёртая по площади страна в мире после России, Канады и США. В международных и региональных отношениях до сих пор существуют проблемы, которые оказывали, оказывают и будут оказывать устойчивое и долгосрочное влияние на отношения Китая с азиатскими странами, включая отношения с государствами, имеющими сухопутную границу с КНР.

Книга «Приграничные отношения Китая с соседними странами» является важным научным исследованием и имеет большое теоретическое и практическое значение, т. к. даёт полезную информацию о политике Китая в отношении соседних стран. Авторами издания являются историки, политологи, этнологи, специалисты по Китаю, Советскому Союзу/Российской Федерации, Индии, Вьетнаму и другим странам Юго-Восточной Азии, ответственным редактором выступает главный редактор ведущего научного журнала Вьетнама «Исторические исследования» (“*Nghiên cứu lịch sử*”), бывший директор Вьетнамского института истории профессор Динь Куанг Хай.

Основное содержание книги — анализ отношений Китая со странами, имеющими с ним сухопутные границы, за период с октября 1949 г.

Рецензируемая книга состоит из пяти глав, предисловия и заключения.

В *первой* главе подробно рассматривается процесс формирования китайской границы с учётом китайских концепций этого понятия и приграничная политика после провозглашения Китайской Народной Республики. К сентябрю 2019 г. Китай имел дипломатические отношения со 180 странами. В основном внешняя политика Китая со времени премьер-министра Чжоу Эньлая декларировала «пять принципов мирного сосуществования». Однако в книге отмечается, что за последние 70 лет (1949—2020) внешняя политика и директивы Пекина не полностью соответствовали этим принципам, особенно в территориальных отношениях с соседними странами.

Во *второй* главе «Пограничные отношения между Китаем и царской Россией и Советским Союзом/Российской Федерацией» рассматриваются основные направления в формировании китайско-российской/советской границы (XVII в. — начало 1920-х годов XX в.), приграничная политика, соответствующая политика, проводимая Китайской Республикой и после 1949 г. Китайской Народной Республикой. В работе также освещаются причины, по которым до 1959 г. Китай не ставил под сомнение границу с Советским Союзом.

В *третьей* главе содержится ценная информация о приграничных отношениях Китая со странами ЮВА — Лаосом и Мьянмой. Кроме того, в ней проведён многоплановый анализ типичных случаев приграничных отношений Китая с Индией, Пакистаном, Непалом и Бутаном. В работе отмечается, что небольшие страны Южной и Юго-Восточной Азии становятся очень важной буферной зоной между Индией и Китаем из-за нерешённых пограничных споров двух стран.

Четвёртая глава весьма важна для книги и посвящена отношениям между Китаем и Вьетнамом по вопросу сухопутной границы. Из всех границ Вьетнама с соседними странами вьетнамско-китайская является самой важной и самой сложной. Сухопутная граница между двумя странами имеет протяжённость 1065,652 км при общей протяжённости границы 1449,566 км (почти 384 км по морю). Её отправной точкой является пересечение границ трёх стран — Китая, Вьетнама и Лаоса у пограничного пункта Апатяй (провинция Лайтяу,

Вьетнам), а окончанием — первый пункт разграничения территориальных вод в Тонкинском заливе (с. 233).

В период французского колониального господства во Вьетнаме и правления династии Цин в Китае установление сухопутной границы было одной из важнейших проблем французского умиротворения Вьетнама. Например, договор между французами и цинским двором, подписанный в Тяньцзине (Китай) в 1885 г., содержал положения, касающиеся демаркации границы. В 1887 г. Франция и цинский Китай в основном установили сухопутную границу между Тонкином и Китаем (с. 242). В 1895 г. была подписана франко-китайская конвенция, в результате которой была проведена окончательная демаркация границы между Тонкином и Китаем, а также границы между Лаосом и Китаем (с. 244).

В период с 1966 по 1979 г. Китай неоднократно в различных формах нарушал границы с целью территориального расширения. В феврале 1979 г. было совершено нападение на шесть северных приграничных провинций Вьетнама. Началась вьетнамо-китайская пограничная война, и отношения между двумя странами были прерваны до конца 1980-х годов (с. 255–256). В течение десятилетия (1980–1991 гг.) стороны не провели ни одного раунда переговоров по вопросу о границе (р. 258).

С 1994 по 1999 г. Вьетнам и Китай провели 6 раундов переговоров на правительственном уровне, 16 раундов — в рамках совместной рабочей группы и 3 раунда групповых переговоров по проекту договора о сухопутной границе. В конце 1999 г. страны подписали Договор о сухопутной границе, имеющий большое значение для обеих стран. Работы по демаркации продолжались с 2000 по 2009 г. (с. 263–273).

Эта глава, содержащая как большой фактический материал, так и всеобъемлющий детальный анализ, посвящена пограничным отношениям Китая с Вьетнамом до и после 1945 г. и в периоды 1980–1999 гг. и 1999–2009 гг. В ней также рассматриваются решения ряда важных вопросов по демаркации границ, в том числе Договор о границе от 30 декабря 1999 г. и статус управления земельными ресурсами и населением в приграничной зоне после 1945 г.

В связи с вьетнамо-китайской сухопутной границей в книге уделяется большое внимание ситуации с землеустройством и положением населения в приграничных районах, рассматриваются также вопросы этнического состава, этнической политики в обеих странах, влияния пограничной политики на этнические меньшинства в приграничных районах и т. д.

В *пятой* главе рассматриваются приграничные отношения между Китаем и соседними странами в целом. Речь идёт о политике Китая по пограничным и территориальным вопросам в контексте сохранения статус-кво и гибкой стратегии по защите национальных интересов. Рассматривается также сам процесс принятия решений по вопросам сухопутной границы. Нормализация приграничных отношений Китая с соседями необходима для мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обеспечивает благоприятные условия для экономического развития. Отмечается, что в дополнение к тайваньскому вопросу Китай постоянно выдвигает почти ко всем своим соседям те или иные пограничные и территориальные претензии, которые могут перерасти в вооружённые конфликты. Возникающий негативный эффект ведет к нестабильности во всех аспектах. В работе оценивается влияние такой политики на Вьетнам. Отмечается, что для Вьетнама отношения с Китаем всегда были самым важным и неудобным вопросом внешней политики (с. 342).

Таким образом, благодаря междисциплинарному подходу и анализу многочисленных официальных источников рецензируемая книга даёт возможность получить общую картину приграничных отношений между Китаем и соседними странами. Что касается Вьетнама, то

авторы считают, что конкуренция Китая и США за региональное влияние создаёт для Вьетнама более благоприятные условия для укрепления отношений как с США, так и с Китаем, а также для реализации вьетнамской политики независимости и опоры на собственные силы, диверсификации отношений и многосторонности. Две державы — США, Китай, расширяя своё сотрудничество, могли бы внести положительный вклад в региональную деятельность.

Развитие дружественных и добрососедских отношений с Китаем является одним из главных приоритетов внешней политики Вьетнама. Вьетнам мог бы использовать передовые тенденции и программы сотрудничества в соответствии со своими экономическими и стратегическими интересами, «укреплять национальный потенциал и в то же время использовать все возможности для урегулирования пограничных и территориальных споров с Китаем с учётом международного законодательства» (с. 360).

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

DOI: 10.54631/VS.2022.64-119858

ПАТРИАРХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К 90-летию Д.В. Деопика

9 ноября 2022 г. отметил свой 90-летний юбилей Дега Витальевич Деопик. Это имя знакомо студентам и выпускникам, преподавателям и научным сотрудникам многих вузов, учёным, занимающимся древней и средневековой Азией, историей и археологией.

В 1956 г. Дега Деопик окончил исторический факультет МГУ. В 1961 г. под руководством академика А. А. Губера он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ранние вьетнамские государства». В процессе написания им была проработана не только литература на французском и вьетнамском языках, но и выполнены переводы китайских источников: отдельных глав «Исторических записок» Сыма Цяня и книги «Вёсны и осени [царств] У и Юэ».

Многие годы жизни Д. В. Деопика были отданы его первой любви — Вьетнаму. В то время, когда изучение Вьетнама в СССР только начиналось и не было специалистов, одни источники не были ещё опубликованы, а к другим был затруднён доступ, он читал курсы практически по всем дисциплинам, связанным с Вьетнамом, кроме языка, включая географию,

экономику и новейшую историю. Дега Витальевич никогда не заимствовал идеи и информацию у европейских или вьетнамских историков. Поэтому первоначально он сосредоточил своё внимание на древней истории Вьетнама, сведения по которой можно было почерпнуть из более доступных китайских хроник, и для этого ему пришлось овладеть китайским языком. Список его публикаций по Вьетнаму поражает широчайшим диапазоном знаний и интересов автора. Это и анализ китайских авторских сочинений эпохи Южных Сун, касающиеся Вьетнама (совместно с М. Ю. Ульяновым), и политическая история династии Чан (совместно с А. Б. Поляковым), и сравнительная характеристика Сингапура и вьетнамской провинции Хатиен, и крестьянские восстания в XVI в., и анализ происхождения лауреатов конфуцианских экзаменов, и даже средневековые лубок и резьба по дереву. Такая широта тематики объясняется просто: появлялся доступ к новым источникам, к новым публикациям – и тут же следовал должный ответ. То, что учёный был не в силах сделать сам, он щедро раздавал своим ученикам, принимая активное участие в руководстве их исследованиями. Среди них – такие известные имена, как О. В. Новакова, Г. М. Маслов, А. Б. Поляков, А. Л. Федорин, П. В. Познер, П. Ю. Цветов, А. В. Никитин, К. Ю. Леонов, В. И. Антощенко. Его учениками были и вьетнамские исследователи, которые защитили в Москве кандидатские и докторские диссертации и в дальнейшем составили цвет сообщества историков страны (Бу Минь Зянг, Нгуен Хай Кэ, Нгуен Данг На и др.). На завершающем этапе «вьетнамского» периода своих исследований Д. В. Деопик активно занялся обобщением тех опыта и знаний, которые были накоплены им и его учениками. Им был создан концептуальный курс истории традиционного Вьетнама, а также раздел по политической истории в коллективной монографии «Новая история Вьетнама». Степень доктора исторических наук Д. В. Деопик получил в 1996 г. за первый том двухтомной «Истории Вьетнама», охватывающий период с древнейших времен до конца XVIII в.

Д. В. Деопик стоял у истоков многих важных начинаний. В 90-е годы XX в. он был инициатором создания в ИСАА при МГУ Вьетнамоведческого центра, который стал одним из крупнейших востоковедных центров в Москве. Этот центр был образован для реализации исследовательских, переводческих и издательских проектов. Был получен бесценный опыт организации научного сообщества, перевода и анализа исторических источников.

Ещё одной заслугой юбиляра перед отечественными востоковедением в целом и российской вьетнамистикой в частности стало создание в 1994 г. Института практического востоковедения (ИПВ) – первого и единственного в стране негосударственного образовательного учреждения, где вели подготовку студентов по специальности «История Вьетнама», и под эгидой и на средства которого более 20 лет выходили основные труды российских вьетнамистов. Все эти годы Дега Витальевич был бессменным научным руководителем института. В 2002 г. ИПВ издал книгу «Д. В. Деопик. Вьетнам. История, традиция, современность», в которую вошли статьи учёного, изданные в разное время в различных сборниках и научных журналах.

Исследовательские интересы Д. В. Деопика вышли далеко за пределы Вьетнама. Он изучал древнейшую историю Индии, историю средневековой Кореи, Японии и др. Но более всего внимания на протяжении своей долгой творческой биографии Д. В. Деопик уделял странам Юго-Восточной Азии. Он читал общие лекционные курсы по древней и средневековой истории практически всех стран ЮВА, вёл курсовые и дипломные работы, руководил аспирантами. Это позволило ему создать курсы и воспитать несколько поколений специалистов, которые оставили заметный след в изучении стран региона. Он автор и соавтор

целого ряда учебных пособий: «Истории Вьетнама» (т. 1), разделов в «Истории Кампучии», в «Истории Индонезии», «Археологии Зарубежной Азии», «Истории Древнего Востока». Занимаясь Юго-Восточной Азией, нельзя не заниматься югом Восточной Азии, который в древности являлся северной частью региона «прото-ЮВА». Именно здесь находятся исторические прародины почти всех народов ЮВА, здесь возникали их ранние государства, здесь и сейчас живут родственные им этносы. Поэтому на кафедре истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ им. Ломоносова, которую с 1990 по 2007 г. возглавлял профессор Деопик, было заведено, что тот, кто занимался исследованиями истории традиционного Вьетнама, должен был изучать древнекитайский язык и древнекитайские источники. Под руководством Д.В. Деопика на кафедре сформировалась научная школа по изучению эпиграфических и летописных фондов стран региона, в первую очередь, Вьетнама. Д. В. Деопика связывали и связывают тесные контакты с коллегами и творческое взаимодействие с ними. Он являлся научным консультантом многих статей и монографий.

Важнейшая часть научного творчества Д. В. Деопика связана с разработкой и применением различных методов исторических исследований, прежде всего, количественных. В 2011 г. самые значимые работы в этой области были опубликованы отдельным сборником.

В 2000 г. Д. В. Деопик стал одним из создателей исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, где он читает курсы истории мировых цивилизаций, истории стран Азии и Африки и библейской археологии. Для этого вуза он написал ряд оригинальных учебных пособий по археологии древней Западной Азии и истории Древнего Востока. Эти работы отражают огромную научную эрудицию автора.

Вся жизнь Д. В. Деопика связана с преподаванием, со студентами. И он не жалеет для них своего времени. Основа его подхода к работе со студентами и молодыми учёными – в их привлечении к исследовательской деятельности с самого начала обучения. Своим наиболее выдающимся ученикам Д. В. Деопик еще в студенческие годы дал замечательные темы, которые имели огромную исследовательскую перспективу. Общение с этим красивым человеком с оригинальным мышлением и блестящим чувством юмора для многих определило их дальнейший путь в профессии.

Ученики Деги Витальевича называют его Педагогом с большой буквы, изменившим их представление о науке. Для них он является воплощением истории нашего времени — подлинной истории, определяющей судьбы людей. Его преподавание, его готовность всегда поддержать и направить ученика — пример особого служения людям и науке.

Редколлегия журнала «Вьетнамские исследования» поздравляет Дегу Витальевича с юбилеем и желает ему здоровья и сил!

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022. Т. 6. № 4

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Мальцева О.И.

Дата публикации: 30.12.2022

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИКСА РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>